

Нина Роса

ЧТО ЗНАЧИТ ПОЦЕЛУЙ?

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

в которой сходятся дороги

«Мы все потеряли...» Виола решила признать очевидное хотя бы мысленно. Честность перед собой всегда ее спасала. Как бы они ни препирались с братом в попытке переложить вину на кого-то одного, но всегда были виноваты оба.

Виола подтянула постоянно сползавшие на бедра бриджи, в отличие от Луки, ее брата-близнеца, у нее талия была тоньше, а бедра немного шире, только это спасало девушку от окончательного конфуза.

Идти вслеп за братом по пыльной, прожаренной летним полуденным солнцем дороге было нелегко. Хотелось пить. Но все вещи и наличность остались в злополучном экипаже, который покинул их под покровом ночи на глухом постоялом дворе. Подлый возница наверняка был в доле с опоившим близнецов хозяином ночлежки, в которой они были вынуждены провести ночь. Их обобрали. А этот негодяй хозяин поутру еще имел наглость требовать с них деньги за ночлег.

Лука пнул валявшийся на тракте камень. Виола с тоской проводила отлетевший булыжник взглядом. Пока все их с братом путешествие представлялось таким же бесполезным: проклятый маркиз Каларон был неуловим.

На поиски своего новоявленного опекуна близнецы потратили последние деньги, других до распоряжения маркиза не ожидалось. А как он может распорядиться выдать им содержание, если ничегошеньки о своих обязательствах не знает?! Безусловно, причина этого неприятного положения в покойном батюшке и его посмертной воле. Наживший для детей состояние капитан ра Веллад все предусмотрел, обо всем позаботился, кроме одного: не поинтересовался судьбой человека, которого много ранее вписал в завещание опекуном на случай своей смерти. Старый-то маркиз, указанный в бумаге, уже лет пять как преставился. А за новым теперь побегать надобно. Не будь смерть отца такой внезапной, может, все сложилось бы по-другому. А сейчас семнадцатилетние, похожие как две икринки в помете рыбы-иглы, дети владельца Солнечной флотилии брели по разбитой дороге. Голодные, в запыленной и пропотевшей одежде, в карманах которой лишь крошки от вчерашних сухарей.

Брат притормозил и пошел рядом с сестрой.

— Прости меня, Ви. Надо было тому гончару хоть пару кувшинов расколотить, может, все и обошлось бы... А теперь-то что... Как курята попали...

Виола только засопела: злое дело помогло бы, да что толку думать о том, чего не сделали. Таким уж странным волшебным даром наградила их матушка.

Как-нибудь выпутаются, а впредь будут внимательней отслеживать ведьмин цикл — за тринадцать часов можно успеть совершить все, что нужно для возврата равновесия. Главное, не расслабляться и строго отслеживать деяния, раз уж магия так сильно влияет на их жизнь.

— Пить хочу.

Лука согласно кивнул — он тоже мечтал набрести на какой-никакой тенек и чтобы там непременно журчал ручеек. Но пока дорога тянулась среди выгоревшей травы, степь раскинулась до горизонта, ни деревца вокруг. То ли дело их родной Приморский край с его скалами, среди которых море сверкало синью. Недаром все жители южных земель Гевратской империи втайне считали себя отдельной страной. В Маринвенской бухте, где до недавнего времени проживали близнецы ра Веллад, даже присказка ходила: «До императора далеко, до Морского Черта близко». По старой традиции Чертом звался главарь пиратов, обосновавшийся на одном из тысячи островков, расположенных между побережьем Приморского края и жаркими землями Алтувета — второго по величине континента Фрайлата, мира, созданного богами из звездного яйца в начале начал.

Прежний гевратский император постоянно воевал и с союзом алтуветских государств, и с пиратами. Но нынешний правитель империи предпочел договориться с обоими противниками: с Алтуветом о мире, а с пиратами, тайно, о нападении только на алтуветские корабли. Теперь, при Аргане II, за участие в пиратстве перестали вешать, поэтому приморские жители частенько открыто шли в братство Морского Черта, но на время, чтобы по-быстрому разжиться деньгами. Только островитяне всю жизнь промышляли пиратством, передавая лихое ремесло по наследству.

Сестра с братом подозревали, что в молодости их отец тоже занимался морским разбоем, а уважаемым членом купеческого сообщества стал только с их появлением. Начал с потрепанной шхуны, работал, как каторжник в северных рудниках, и через десять лет создал Солнечную флотилию, которая с той поры постоянно прибывала новыми судами. По родовому имени — ра Веллад — славного капитана звали только в родном краю да среди морской братии, в Геврате же он

стал известен под именем Счастливчика Веледа — так имперцы исковеркали его майриройское имя. В наследство детям капитан ра Веллад оставил восемнадцать быстроходных торговых кораблей и собственную пристань с доками и складами. Теперь только пункт завешания об опеке стоял между этими богатствами и голодными, измученными жаждой, оставшимися без гроша наследниками Солнечной флотилии.

После смерти батюшки положение близнецов оказалось настолько отчаянным, что они были вынуждены пуститься в путь, чтобы найти своего опекуна — молодого маркиза Каларона. В отличие от своего отца, ныне покойного маркиза, которого капитан ра Веллад в завещание вписал просто: «маркиз Каларон», наследник титула на месте не сидел. Андэр Каларон слыл ветреным искателем приключений, заядлым путешественником и коллекционером всяческих диковинок, ради которых в любой момент мог сорваться с места и исчезнуть в неизвестном направлении. При этом молодой маркиз обладал огромным состоянием и многочисленной недвижимостью, разбросанной по всей территории Гевратской империи.

В дороге Лука и Виола провели больше недели. С каждым днем их скромные денежные запасы таяли, вдобавок брат и сестра попали в руки мошенников, лишивших их и того немногого, что было припрятано в дорожном сундуке. Выбираться из ловушки пришлось с помощью магии, что еще больше сказалось на незавидном положении ра Велладов.

Вот и сейчас мысль колдовством повлиять на ситуацию в свою пользу не оставляла Луку.

— Ви, может, мы все же...

— И думать не смей!

Как бы Виоле ни хотелось с помощью магии решить затруднения, с которыми им с братом нынче пришлось столкнуться, колдовать было нельзя. Их отчаянное положение явилось прямым результатом прошлой попытки. Не вернув первый магический долг, они еще добавили себе неприятностей, заколдовав мошенника — хозяина постоянного двора.

Виола пристально посмотрела в светло-аквамариновые глаза брата:

— Подумай головой, мы уже лишились вещей, денег, воды, еды и средства передвижения. Находимся морские боги знают где. Что еще ты желаешь утратить? Хочешь, чтобы мы потеряли друг друга или погибли?

Лука отчаянно замотал головой — нет, только не это! Расстаться с сестрой — все равно что умереть. Близнецы ра Веллад с самого рождения были вместе: и в жизни, и в магии. Ради того, чтобы оставаться рядом, любой из них пойдет на что угодно, даже вытерпит тяготы этого дурацкого путешествия.

Единый Творец ли, почитаемый имперцами, или один из морских богов их матери поспособствовал, только вскоре на старой дороге появилась темная точка, которая росла по мере приближения. Ладная телега, запряженная шустрой каурой лошадкой, остановилась рядом с близнецами.

— Тпру! — Возница, мужичок из тех, про которых говорят «поперек себя шире», со смехом уставился на юных бродяг, как на чудное зрелище. — Вот так молодцы! Это где ж вы такие выискались?

Его правда, даже один из близнецов для этих мест смотрелся заморской птичкой: тонкая гибкая фигура, золотая от загара кожа, светлые глаза цвета воды в океанской лагуне и копна необычно подстриженных серебристых волос с золотистым отливом. Надо ли говорить, какое зрелище представляли два таких экзотических молодых человека, совершенно одинаковых и лицом, и фигурой? То, что Виола была одета в мужскую одежду, уже не раз выручало их в пути. Вот и сейчас возница решил, что встретил двух симпатичных парнишек.

С дядькой Онкалем близнецам повезло, он подвез их до ближайшего селения, снабдил информацией, да еще и подкормил чем Творец послал, а послал он оборотистому селянину немало. Уж как ни поглощали молодые люди пышный свежий хлеб да ароматные колбаски, а их все еще в изобилии оставалось в огромной корзине, заботливо укрытой вышитым полотном.

— Хозяйка моя старалась! — похвалился дядька. — И снеди наготовила, и вона какую вышивку своими руками сделала — обережную.

Гордился дядька женой и не скрывал этого. Увидев любопытство в двух парах аквамариновых глаз, пояснил:

— Хлеб-то она еще вчера испекла. А он каков? — Ра Веллады тщательней заработали челюстями, стараясь определить, что в каравае такого необычного. — Как утром из печи! Свеженький.

— Колдунья? — спросил Лука.

— Да не-е, в ведовстве чуток знается. Но все в границах дозволенного... Вы кушайте-кушайте! Я вам и с собой поесть соображу. Пока еще следующую краюху найдете... Эх, развелось мошеннического люду. Все герцог здешний. Совсем старый. За законом следить — уже силы не те. Вот и распоясались воры да разбойнички. Совсем совести у людей нету.

В приятной компании дорога пролетела быстро. Резвуха — каурая дядьки Онкаля — привезла хозяина и горемычных путешественников к Муштивенскому кресту — перекрестку, где старая дорога пересекалась с Южным императорским трактом. По обе стороны от нового тракта стояли крепкие каменные, а кое-где и покосившиеся деревянные дома.

— Вот это Муштивенка, — махнул дядька рукой в сторону селения. — Тамось, аккурат возле дороги, две гостиницы стоят. Авось в какой и работенку себе найдете, деньгу заработаете. При людях всяко не пропадете.

Близнецы тепло распрощались с благодетелем, напоследок вручившим им увесистый узелок с половиной каравая и двумя кольцами колбасы, которую по дороге они не успели попробовать. Пахла она еще лучше давешних колбасок, ядренее — не покупилась Онкалева хозяйка на чеснок. Ра Веллады хоть и сыты были, но все же от аппетитного запаха у обоих тотчас слюнки потекли.

— Спасибо, дяденька! — Виола низко поклонилась благодетелю.

— Бывайте! Пуцай Творец приглядит за вами, дитяти! — Дядька Онкаль подстегнул лошадку и продолжил путь.

Легко нагруженная телега пересекала широкий императорский тракт и скрылась в клубах пыли на пустынной старой дороге.

Солнце клонилось к земле, вечерело. Близнецы решили разведать обе гостиницы прежде, чем решить, как быть дальше.

Первая носила название «Лебединый клин». В ней было чистенько, она явно претендовала на путешественников побогаче. Встретившаяся ра Велладам служанка посмотрела на запыленных юнцов с некоторым пренебрежением. Лука хотел было спросить о работе, но Виола дернула его за пышный рукав грязной рубашки и шепнула: «Потом! Пойдем отсюда».

Вторая гостиница оказалась постоялым двором и называлась «Свинья в желудях», о чем сообщала висевшая над воротами вывеска. С выгоревшего на солнце деревянного щита довольно шурилась упитанная свинка, увенчанная венком из дубовых листьев и крупных желудей. Прежде чем войти во двор, Лука внимательно рассмотрел довольную жизнью свинью и хитро ей подмигнул — ему верилось, что удача их с сестрой не оставит.

На постоялом дворе постояльцев было заметно больше, но публика собралась разношерстная. Выросшие в портовом городке близнецы без труда различали знакомые типажи: вон скаредный торговец ругается с хозяином за мелкую монетку и время от времени похлопывает себя по скрытому карману — мощну проверяет; а вот там пара громил самого разбойничьего вида, явно свидетельствующего, что у них свои дела, в которые посторонним соваться не след — эти ни на кого и внимания не обратили, прошли в пивной зал, распугав постояльцев попроще.

Эх, близнецам бы такую прозорливость днем раньше, чтобы фатально не ошибиться с наймом экипажа... Лука до сих пор не мог успокоиться при мысли, как легко они с сестрой попались в лапы мошенников.

Последних в «Свинье в желудях» тоже хватало. Особо выделялся высокий широкоплечий красавчик в бледно-желтой рубахе и серых штанах, перепоясанный красным широким шарфом, как это делают кочевники-атемоты. Он даже походил на одного из них темными кудрями, вившимися крупными завитками вокруг смуглого лица. Тем не менее атемоты он не был, среди этого народца не бывало таких высоких и мощных мужчин с зелеными глазами. Кочевники сплошь низкорослые да жилистые, вертлявые, с карими или черными глазками.

Зеленоглазый красавец звонко притоптывал добротными сапогами с подбитыми подковками каблуками да о чем-то шептался с мужичком премерзкого вида. Любопытная парочка авантюристов, очень колоритная. Но долго глазеть на кудрявого красавчика и его лысого компаньона Луке было недосуг — Виола тянула брата куда-то вглубь, в сторону темной пивной.

На красивого мошенника в красном кушаке девушка и не взглянула, ее внимание привлекли два увлеченных чем-то разбойника. Она чувствовала, что им с Лукой будет интересно то, что они обсуждали. И точно! Мара услышанных фраз мгновенно зародила в умах близнецов одну и ту же идею спасения. Им даже сговариваться ни о чем не пришлось, достаточно было понимающего взгляда. Виола едва заметно кивнула на мужиков, и Лука тотчас подсел к ним за стол.

— Чего тебе? — проревел разбойник, у которого через щеку шел старый кривой шрам и отсутствовала мочка уха — видно, кто-то серьезно покушался на его жизнь.

— Простите, — парень чуть ссутулился, чтобы смотреться как можно безобиднее, — услышал, о чем вы с товарищем говорите, и хочу поучаствовать.

Виола затаилась в темном углу, укрывшись за подпоркой, вытесанной из цельного бревна, которая поддерживала прогнившие стропила. Ей было видно, как заухмылялся второй, молчавший до поры разбойник. Слова Луки вызвали у него интерес — глаза мужика сделались масляными, он уже предвкушал забаву за счет молодого недотепы.

— На бои хочешь, что ли? И поставить есть чего?

Лука кивнул и сказал с бахвальством:

— Хочу! Только сведите куда нужно, а там я враз победителя определяю! У меня глаз наметанный.

Разбойники переглянулись.

— А не свистишь, малец?

Виола улыбнулась — так смешно Лука изобразил обиду и выкатил колесом грудь.

— Да я в нашем городе по петухам первый знаток!

— Может, тогда и об заклад побьемся? — сказал тот, что глядел на Луку масляными глазами.

— А хоть и об заклад! Но только для верности поручитель нужен, чтоб без обмана!

Мужики от юнца угрозы не почувствовали, потому быстро согласились:

— К Жульму обратимся. Он хозяин боев, такой не обманет. Ему честное имя дороже.

— По рукам! — Лука протянул узкую ладонь. — Какой уговор будет?

Меченый разбойник широко ухмыльнулся, открыв щербину в нижнем ряду желтых зубов.

— Давай так: сколько бы ты ни поставил — мы отдадим вдесятеро, если петух, которого назовешь как главного победителя, одержит верх в последней схватке!

— А у вас денег хватит?

— Ты чего, брильянты на кон ставить будешь? — заинтересовался «масляный».

— Я подумаю. — Лука все так же сидел с протянутой ладонью.

— Брильянты не сдюжим, а вот тысячу-другую монет наскребем, — сказал меченый.

Лука согласно кивнул, и разбойники по очереди скрепили уговор.

Виола разжала кулачки, которые невольно сжимала все время, пока шел торг, и удовлетворенно улыбнулась. Похоже, что им с братом сегодня удастся поправить свои дела.

Договорившись, как стемнеет, встретиться на заднем дворе «Свиньи в желудях», Лука встал из-за стола и покинул пивную. Виоле, к несчастью, пришлось задержаться — сразу незаметно выскользнуть она не смогла.

Меченый разбойник с шумом вгрызся в кусок мяса, который держал руками.

— Как думаешь, придет лопушок? — спросил жующего товарища «масляный».

— Лишь бы принес чего поценнее. — Меченый рыгнул. — А то притянет мелочовку какую, жаль будет руки марать.

— Может, прикрикнуть — малец сам и портки отдаст?

Лоб меченого нахмурился, разбойник задумался, как высказать смутную мысль, даже рот открыл, в котором Виола разглядела кусок недожеванного мяса. Момент показался ей удачным, и она решила рискнуть.

— Не особо мне нравится этот молокосос, — «разродился» разбойник со шрамом, — он какой-то...

— Вы еще тут? — Виола внезапно появилась у меченого чуть ли не из-за плеча, тот от

неожиданности подавился и закашлялся. — Я спросить чего хотел...

Девушка легко изображала брата, жестами они были так же схожи, как лицом и фигурой. Она изо всех сил так старательно похлопала кашлявшего разбойника по спине, что тот чуть ли не ткнулся лбом в стол, при этом рукой меченый сшиб еще полный пива жбан с открытой крышкой. Вонючее пойло хлынуло потоком.

— Ой, — сказала Виола, — я, пожалуй, попозже спрошу. Встретимся, как договаривались!

Под брань разбойников она поспешно покинула темную пивную.

Близнецы воссоединились возле конюшни. С самого детства был у них такой уговор: как что случится, искать друг друга возле лошадей. В деннике всегда легко спрятаться, а на сеновале можно и ночь переждать, пока батюшка не остынет и не перестанет ругаться. При жизни, когда капитан ра Веллад бывал дома, браниться ему доводилось часто.

— Что так долго? — спросил изнывавший от жажды деятельности Лука.

Виола неопределенно повела плечом, проделка была слишком мелкой, чтобы помнить о ней больше пары минут. Им предстояло более важное и интересное приключение.

Она внимательно осмотрела их с братом одежду. Штаны и рубашки были похожи, мелкие отличия в отделке не так бросались в глаза, как разница в башмаках — вот они разнились и цветом, и размером. У Луки нога была больше. Безрукавные камзолы тоже не сильно походили друг на друга материей, и тот, что был на девушке, выглядел куда более поношенным.

— Как думаешь, башмаки и камзолы заметят?

— Может, им будет не до того? — с лукавством ответил брат.

— Тогда придется как следует постараться... — Виола развязала ворот рубашки и потянула за шнурок спрятанный у нее на груди мешочек-оберег из выделанной кожи. По стянутой горловине мешочка шли крохотные знаки, вышитые лазурными нитями.

Виола сжала оберег в обеих руках, Лука положил свои ладони поверх ее, и они хором зашептали заветные слова:

— Как капля льнет к ручью, как ручей стремится к реке, как река несется к морю, так и любовь матери океанской волной прибывает к детям ее. *Vodedada furum!*

Наговор и оберег близнецам передал отец. Сказал, что это последний дар их матери, да велел накрепко заучить слова, включая непонятные «vodedada furum». Без них, как оказалось, Виола и Лука никогда бы не увидели чуда — своего настоящего материнского наследства.

Когда близнецы разняли руки, из кожаного мешочка на ладонь Виолы выкатилась крупная жемчужина редкостного голубого цвета. Девушка довольно улыбнулась и сжала в кулачке волшебное сокровище:

— Вот теперь поиграем!

Хозяин петушиных боев Жульм, за взрывной характер прозванный Сварливым, был в отчаянии: неизменный победитель последних недель Серый Клюв выглядел вялым и отказывался от еды. Необычный цвет клюву петуха придавала специальная краска, которую Жульм наносил перед боем. Этот нехитрый трюк помог ему создать легенду вокруг своего фаворита — под кличкой Серого Клюва сменился уже с десятков птиц. Слава имени неизменно росла, а то, что окрас у петуха другой, так кто его точно упомнит-то?

— Хозяин...

— Что еще?! — громыхнул Жульм, отпустив крыло пернатого больного, которое тотчас безвольно поникло.

— Там это... Хитрый Вурц пришел, вас просит.

— Гони его к рогатым демонам! — Жульм со злостью подумал, что, как на грех, сегодня ему нечем заменить приболевшую птицу.

Мужик разбойничьего вида, в котором Виола без труда опознала бы того, которого про себя прозвала «масленным», похлопал застывшего в дверях работника по плечу.

— Посторонись. Привет, Жульм! Я сам как демон. — «Масленный» ухмыльнулся. — Дело к тебе имею.

— Вали откуда пришел! Не до тебя мне сейчас. — Хозяин боев взлохматил волосы огромными ручищами, под стать всей мощной фигуре: встав от петушиной клетки, Жульм головой едва не уперся в балку под потолком. — Не будет сегодня ничего.

Хитрый Вурц оценивающе покосился на вялого петуха:

— Может, есть какой способ схитровать? Или у тебя петухи перевелись?

— Такого, как этот, нету.

«Масленный» знал про трюк с краской, потому быстро предложил:

— А ты другого выкрась, а в финале сведи с этим вот дохляком! Тогда и слава не пострадает. А этого пока травкой взбодри, да и выпусти под конец.

— Ха! А с чужими бойцами я что делать буду?

— Тебе и делать ничего не придется — сам все сделаю. Только подсоби в одном деле!

Спустя час, не ведая о коварных планах противоположной стороны, на задах постоянного двора сошлись разбойники и Виола ра Веллад в камзоле брата. Скрытый заговором отвода глаз, Лука прятался неподалеку.

Меченому не терпелось оценить будущую добычу, но Виола предвидела такое развитие событий:

— Пойдемте скорее, пока не началось. Хочу петуха выбрать, чтоб без подсказок... Ну и темень тут, ничего не разглядишь!

Хитрый Вурц сделал знак товарищу, которого звали незамысловато — Шрамом. Втроем, сопровождаемые незаметным стороннему глазу Лукой, они двинулись на окраину Муштивенки, где Сварливый Жульм держал большой амбар, в котором устраивал бои.

В помещении было жарко, освещавшие его факелы не давали ночной прохладе развеять стоящую внутри духоту. Над местом, отведенным под арену, на цепях висело колесо от большой кареты, утыканное пока незажженными свечами — до начала еще оставалось время. Народу собралось немало, но, видимо, обычно захаживало больше, так как Шрам сказал:

— Пошли к Жульму, пока еще пройти можно.

— Откуда столько поклонников? — спросила Виола.

— Бои раз в седмицу устраивают, народ еще из других мест едет, не протолкнуться будет.

Они прошли по узкому проходу, отделявшему сцену от сколоченных из неошкуренных досок высоких ступенчатых помостов, на которых стояли лавки, возвышавшиеся с каждым новым рядом на манер амфитеатра.

Жульм поразил Виолу своими размерами, ей таких великанов видеть еще не приходилось. Голос и характер у хозяина амбара были соответствующие — хмурые, грохочущие раскатами близкой грозы. На девушку в мужской одежде он посмотрел с некоторой укоризной, как будто хотел сказать: «И куда ты влез, цыпленок?» Этот взгляд лучше всяких слов убедил Виолу, что Жульм, скорее всего, человек довольно честный и уговор соблюдет.

— Побиться об заклад хотим, Жульм! Подсоби нам, — сказал Шрам.

— Какой уговор у вас? — Великан раскрыл лежавшую на столе растрепанную амбарную книгу в засаленной обложке и макнул перо в чернильницу. — Говори, чего писать.

— Запиши такое: честные люди Шрам и Вурц побились об заклад с отроком... Как тебя звать-то, малец? — спросил у Виолы меченый.

— Дорнадом.

— Во-во, отроком Дорнадом... на то, что побьют его заклад вдесятеро против его ставки, если в сегодняшнем финальном бою победит петух, на которого он укажет. Чего ставить будешь, Дорнад?

Виола чуть не поморщилась — этим именем звали соседского мальчишку, вспоминать которого ей

было неприятно. Но для проделки оно сгодилось как нельзя лучше. Пусть потом разбойники поносят его, как хотят, может, противного Дорнада икота замучит?

Девушка полезла в потайной карман камзола, но остановилась на полпути, словно в раздумьях.

— Я еще ваших денег не видел.

— Слышь, Вурц, он нам не доверяет! Покажи денгу.

«Масленный» извлек из-под грязного кушака объемный мешочек, который приятно звякал, пока разбойник его развязывал. Внутри были серебряные монеты.

— Свой заклад покаж!

Виола вынула тускло замерцавшую в свете факелов жемчужину. Шрам с Хитрым Вурцем с шумом втянули ртами воздух.

— Настоящая?

Девушка положила жемчужину в ладонь Жульма, тот перехватил ее пальцами и внимательно рассмотрел.

— Самая что ни есть! — ответил он Хитрому Вурцу. — В Шаморе за нее герцогский ювелир не меньше трехсот золотых бы отдал, а может, и больше.

Жульм вернул Виоле ее сокровище.

— У вас столько денег будет? — спросила девушка разбойников, подначивая их ухмылкой.

— Не бойсь, на тебя, курвеныш, хватит! — зло сказал Хитрый Вурц и кинул в девушку монеткой. — На вот! Пусть пока карманы погрееет, а там, может, и пригодится, чтоб хоть с голоду не подох!

Виола и не подумала ловить подачку — еще бы, она рассчитывала заполучить весь кошель! Монетка отскочила и тихо звякнула где-то на полу.

— Обойдусь, — буркнула Виола вроде как обиженным голосом. — Показывайте, где тут у вас петухи?

Жульм закончил писать и встал, чтобы проводить спорщиков к маленьким загонам, в которых перед боем размещались птицы. Виола с интересом рассмотрела небольшие деревянные короба, сколоченные так, чтобы пернатые бойцы могли видеть соперников сквозь горизонтальные щели, но с бортами такой высоты, которая не давала самым раззадоренным выбраться. Эти петушиные загонь стояли на расстоянии друг от друга, гарантируя, что до начала поединка ни один из петушков не нанесет вреда другому.

— Выбирай! — Жульм широко взмахнул рукой.

Виола увидела, как двое мужчин сажали в загон черного петуха, принесенного в амбар в корзине.

— А они все здесь? — спросила она, чтобы потянуть время, а сама тем временем прищурилась, приглядываясь к птицам колдовским зрением. Способность эта была у нее слабой, требовала много сил и полной концентрации, о которой сейчас можно было только мечтать.

— Все, кто чего-то стоит, — да.

— Не-е, так не пойдет! А вдруг принесут кого нового, сильного до жути? Хочу увидеть всех.

Жульм с Хитрым Вурцем переглянулись.

— Мне недосуг возиться с вами, дел полно. Скоро начало. Как определишься, найдешь меня — я запишу.

Хозяин боев оставил Виолу с Хитрым Вурцем. Шрам сказал, что на пару минут отойдет, и направился к мерзкому даже издали, плешивому типу, заведовавшему доской, на которую мелком записывал ставки.

— Смотри, какие красавцы! — Голос «масленного» был полон приторной желчи. — Ну? Видишь победителя?

Виола на петухов-то глядела, но больше ее занимала непонятная пока реакция разбойника. Когда она шла в одну сторону, он мерзко ухмылялся. Стоило пойти к другому краю, как Хитрый Вурц изображал испуг, но в его глазах по-прежнему сверкали искры жажды наживы, лучше другого

свидетельствовавшие, что лукавый плут забавляется с нею. Девушке стоило большого труда, чтобы не улыбнуться: игра шла как надо!

В их отчаянном положении излишняя самоуверенность близнецам только вредила. Виола слишком рано начала радоваться. Удача словно решила показать, кто тут истинная хозяйка положения, и повернулась к юной авантюристке если не задом, то уж точно боком. «Масленный» Вурц нависал над плечом и всячески сбивал сосредоточенность, в амбаре с каждой минутой прибавлялось народу, а слабое магическое зрение не помогало, а скорее мешало сделать выбор, сколько бы Виола ни металась от загона к загону.

Лука видел затруднения сестры. В магическом плане он ей помочь не мог, так как их дар распределялся неравномерно. Во многом Виола была сильнее и обладала такими талантами, которые у брата отсутствовали напрочь. Единственное, в чем он мог облегчить ей задачу, — отвлечь таскавшегося за ней разбойника.

На первое вредительство Хитрый Вурц почти не обратил внимания — тихонько подувший ему в ухо Лука едва успел отскочить, когда разбойник резко развернулся, машинально взмахнув рукой над ухом. «Масленный» так был увлечен метаниями своей предполагаемой жертвы, что даже не задумался, откуда мог подуть ветерок. Ничто его не насторожило.

Тогда юноша улучил момент, когда возле загонов остались только Хитрый Вурц, Виола и стоявшие вдалеке слуги Жульма, заботившиеся о петухах. На всякий случай встав подальше, Лука наклонился и, протянув руку, довольно сильно дернул кружащего вокруг сестры разбойника за штанину.

Хитрый Вурц вздрогнул и огляделся — вокруг не было никого, на кого он мог бы наорать за неудачную шутку.

Проделка отчасти удалась, но для Виолы передышка вышла слишком короткой, и Лука принялся изобретать новую каверзу.

Он приглядел возле стены здоровенную грудку корзин для переноски петухов. Оставалось только дожидаться, когда интересовавшая Луку парочка вновь окажется в том месте. Но Виола, как назло, застыла в центре ряда с петушиными загонами.

— Иди к стене! — тихо прошипел Лука сестре на ухо, рискнув подобраться к ней вплотную. Пола его камзола чуть ли ни касалась стоявшего рядом разбойника. Виола едва заметно вздрогнула от неожиданности, но больше ничем не выдала присутствия брата. Она послушно повела Хитрого Вурца к грудке корзин.

Повеселев оттого, что все прошло так гладко, Лука подцепил свисавший край грязного разбойничьего кушака — невзрачной тряпки бурого цвета. По краю кушак был обшит растрепанной бахромой, вот эти-то лохмы заботливый брат азартно принялся прикручивать к ивовым прутьям корзины. Такого добра тут было навалом. Лука выбрал корзину, что лежала пониже, утопленная среди таких же, наваленных поверх нее чуть ли не до потолка. От предвкушения он едва не мурлыкал, совсем забыв о втором разбойнике, который решил вернуться к поделнику и их жертве, как только лысый маклар — делец, принимающий деньги, взял у Шрама десяток монет и записал на доске его ставку.

Потирая руки, довольный донельзя меченый разбойник направился к месту, где Хитрый Вурц пас их драгоценный куш.

Тучный, очень маленького роста управитель Муштивенки, без которого не обходился ни один петушиный бой, заступил Шраму дорогу. Слуга Жульма сопровождал герцогского ставленника, заискивающе кланяясь и пятясь. Направлялись они в ту же сторону, что и разбойник: управитель до публичного осмотра и взвешивания птиц собрался присмотреть себе фаворита. Шрам посторонился, пропуская их, и пошел следом, окликнув поделника:

— Вурц!

Дружок-разбойник обернулся и сделал шаг навстречу. Шрам увидел, как за спиной Хитрого Вурца дрогнула и угрожающе закачалась огромная колонна плетеных корзин.

— Что за... — договорить Шрам не успел, он внезапно зацепился обо что-то, чего не увидел, и полетел на пол, по пути хватаясь за что придется, а «пришелся» ему сам герцогский управитель. Тяжелой, натруженной на ниве неправедных дел рукой разбойник со всей силы бахнул низкорослого начальника села по голове, да по самой маковке. Пальцы Шрама запутались в жесткой гриве волос и неожиданно утянули ее за собой. В этот момент случилось три впечатляющих по громкости события: управитель Муштивенки завопил, как хряк на убое, массивный Шрам рухнул на хлипкие петушиные загонки, а кинувшийся на подмогу поделнику Хитрый Вурц обрушил корзины.

К брани обоих разбойников и верещанию сельского управителя добавились всеобщие крики и заполошное петушиное кудахтанье. Птицы испуганно ринулись из поломанных коробов, кто-то начал драку, не дожидаясь боя, вокруг летели перья и брызги крови.

Жульм ринулся спасать имущество и наказывать виноватых. Парой мощных оплеух он расчистил себе дорогу к своим погубленным мечтам — даже на первый взгляд урон был огромный.

Хуже поломанных загонов и испуганных, большей частью травмированных петушков, яростно дерущихся совершенно забесплатно, было то, что среди всего этого бедлама на карачках ползал эрзар Гиккон — доверенный слуга местного герцога и управитель Муштивенки. Пытавшийся встать Шрам так боднул несчастного, лишенного парика Гиккона под зад, что тот с громким стуком приложился лысой головой об относительно целый загончик. Короб развалился, и на блестевшую, как шар, голову сельского управителя вскочил сегодняшний Серый Клюв. Петух стал сердито клевать верещавшего обидчика.

Это была полная катастрофа!

И во всем виноваты Шрам и Хитрый Вурц! «Чтоб им демоны кишки на дерево намотали!» — в сердцах подумал разоренный хозяин боев.

Народ в амбаре недовольно гомонил, а слуги под присмотром разгневанного Жульма разгребали последствия и подсчитывали убытки. К тому моменту, как из завалов выбрался заляпанный куриным пометом, облепленный перьями и весьма потрепанный Хитрый Вурц, сердце сварливого хозяина предприятия облилось кровью тысячу раз — он оплакивал каждый грош потери, и гнев его закипал все сильнее, чтобы выплеснуться во что-то доселе в местных краях невиданное. У Жульма даже руки дрожали.

«Тьфу!» — Хитрый Вурц сплюнул попавшее в его рот перо, но когда увидел приближавшегося к нему грозного, как морской ураган, Жульма, то заискивающая улыбка исчезла с губ разбойника, и он задом попытался ввинтиться в кучу мусора, из-под которой только что вылез.

— Жу-ульм! — Голос Хитрого Вурца дал «петуха». — Ты это... того...

— Щ-щщ-щас тебе будет... и э-этого... и того-о! — прошипел-просвистел разъяренный великан. — И ещ-щще сверх того тоже-ээ!

Почти вставший на ноги Шрам предпочел рухнуть обратно, Жульм переступил через него — сейчас он видел только одного человека, и этот человек пытался улизнуть! Кулаки хозяина амбара сжались, он догнал Хитрого Вурца, со всего маху наступил ему на руку и угрожающе навис над задрожавшим разбойником.

— Жульм! Я не винова-аа... Ай!..

Куча мусора из досок и корзин рядом с трусливым жуликом зашевелилась, и одна из досок с гвоздем тюкнула его по лбу — Виола отбросила еще пару корзин и выбралась наружу, прижимая к груди петуха.

— Я выбрал, — прокашлявшись, сказала она застывшим мужчинам. — Вот это мой победитель!

Жульм и Хитрый Вурц переглянулись. Кулаки хозяина боев разжались — в его душе затеплилась надежда, глаза же разбойника вновь масляно заблестели: треклятый паренек прижимал к груди больного петуха, списанного в неудачники!

Среди сновавших по амбару людей, ожидавших, пока слуги хозяина петушиных боев наведут хоть какой-то порядок и приготовят все к соревнованию, был человек, который злился из-за происшествия едва ли не больше, чем Жульм. Планы высокопоставленного асарахи — особо доверенного секретного агента и наемного убийцы, подчиненного самому главе союза Алтувета, — внезапно пошли прахом. Он не успел забрать спрятанное возле петушиных загонов послание. А ведь ради него он так рисковал, явившись сюда лично! Достоверно знал, что здесь присутствовали агенты имперской службы безопасности. И в такой опасный момент два неуклюжих идиота поставили его миссию на грань катастрофы.

Он физически ощущал, что люди Аргана II дышат ему в затылок. Только близость опасности останавливала его, чтобы проучить виновников своего близкого провала. Впервые за долгую и успешную карьеру, омрачаемую только активной деятельностью Беспокойного Бродяги. Этот противник был ему под стать. Хотя имперский агент оказался не таким увертливым, как он — Тень. В Алтувете Беспокойного Бродягу пару раз ловили. Но мерзавец неизменно убегал раньше, чем его инкогнито было раскрыто. Последний раз он сбежал из личной темницы главы союза, убив лучшего палача-дознателя и спалив резиденцию, в сокровищнице которой хранились бесценные

произведения искусства.

Глава до сих пор пребывал в ярости. Он отправил Тень в Геврат с приказом во что бы то ни стало доставить ему голову Беспокойного Бродяги, кем бы тот ни был. Ради этого сейчас Тень рисковал собой и еще одним агентом.

Все складывалось удачно, пока не появились двое недоумков, место которых на виселице возле дороги. Искушение исправить недосмотр имперских стражников у Тени было слишком сильным. Но он вынужден был сдерживать гнев.

Ему представилось, что на одной чаше весов судьба более миллиона его соотечественников, населявших государства, входившие в союз, а на другой — скорое удовлетворение, которое он получит, наказав двух ротозеев.

К сожалению, вторая чаша выглядела привлекательнее, что было непрофессионально с его стороны.

Хотя, если выпадет пусть даже крохотный шанс, он его не упустит.

У Виолы забрали облюбованного ею петуха, и Жульм дописал в условия спора недостающие сведения. Нельзя сказать, что девушка была довольна своим выбором, скорее уж именно в эту птицу она вцепилась из отчаяния. К счастью, ей удалось подержать своего бойца на руках, и у нее было достаточно времени, чтобы наколдовать все, что задумала, дальше дело было за мастерством брата.

Случалось, что втайне от мамок-нянек да любящего, но сурового нравом батюшки близнецы часто развлекались по тавернам да постоянным дворам родной Маринвенской бухты — подчиняли и накачивали собственной силой животных, учувствовавших в разных соревнованиях. Необычная колдовская сила досталась близнецам от матери, которую они никогда не видели, так как она умерла, давая им жизнь.

Батюшка-капитан явился домой из двухгодичного плавания с младенцами на руках. О личности матери своих детей он никогда особо не распространялся, придумав для знакомых удобоваримую легенду, которую поначалу рассказывал и близнецам. И так было бы и дальше, если бы внезапно у деток не проявился колдовской дар, незнакомый традиционным магам. Тогда-то батюшка признался, что их матерью была колдунья родом с далекого полулегендарного острова, но об этом Виоле и Луке на людях следовало молчать. Приглашенный для близнецов наставник магии почти ничему не смог научить подопечных: их дар слишком уж отличался от традиционной магии стихий, практикуемой на обоих заселенных людьми континентах Фрайлата. Вот тогда сестра с братом и принялись экспериментировать самостоятельно.

С животными у Виолы лучше всего получалось создавать силовую, оплетающую каждую кость и мышцу сеть, которую сама девушка и брат видели в виде светящихся голубых линий. Виола оставляла свободными несколько нитей магического плетения, и тут в дело вступал Лука: за выведенные концы силовых нитей он научился управлять подчиненными и напитанными невидимой магией живыми существами. Мог добавить или отнять силу, сделать кости тверже стали, мог даже на несколько мгновений забрать себе физический вес, оставив животное невесомо парить в воздухе. А вот чего не мог, так это управлять разумом околдованного существа. Поэтому Луке приходилось действовать осторожно, чтобы не испугать животное.

Постепенно, от опыта к опыту, близнецы разбирались в природе своей силы. К немалому сожалению, они поняли, что не могут сделать подчиненное существо абсолютно неуязвимым. Трудности были и с тем, чтобы их подопытный стал победителем: юные колдуны могли дать ему силу и некоторую защиту, но дальше все зависело от характера самого животного. Чтобы победить, существо должно было само хотеть стать победителем...

Скрючившись, Лука еле-еле смог устроиться в непосредственной близости от арены, пожалуй, даже слишком близко. А ему так хотелось потянуться, сбросить напряжение, растереть многочисленные ушибы, полученные в результате столкновения со Шрамом и муштивенским управителем. Корзины тоже оказались убийственно тяжелыми — небось теперь все тело в синяках. Но под ноги разбойнику он угодил удачно, хотя ничего такого не планировал, просто попятился, когда Хитрый Вурц внезапно двинулся в его сторону. Хорошо, что все совпало — и Шрам зацепился, и корзины произвели нужный эффект. Но выбираться из разгромленного угла с загонами пришлось с особыми предосторожностями — он чуть не попался. А пара подозрительно сноровистых мужичков так вообще открыли на него охоту. Чувяли они его, что ли?

В своей невидимости Лука был уверен, они с Виолой сами до такого додумались — соединили ведьмовской заговор, классическую магию учителя и свою необычную силу. Результат превзошел все ожидания — ни одно живое существо, ни один маг стихии или ведьма не были способны различить близнецов под их самодельным пологом невидимости и отвода глаз.

А эти мужички его как-то засекли. Лука собственными ушами слышал, как они шептались о «невидимом маге» и о том, что его надо изловить. Ему стоило побережться.

Новый знакомый — великан Жулъм — объявил начало боев, сказав, что сегодня бойцов будет меньше, чем обычно, и те, кто уже поставил на выбывших из-за происшествия петухов, могут вернуть свои деньги после подведения всех итогов. Сейчас же тем, кто еще хочет поучаствовать, нужно будет поставить по новой.

Поднялся недовольный шум, на арену шмякнулась пара огрызков и целая луковица, запущенная разгневанным зеленщиком. Лука порадовался, что никто не знает о его проделке, парой синяков он бы не отделался.

Всеобщие волнения улеглись, когда Жулъм выразительно потер свой гигантский кулачище и сурово осмотрел собравшихся.

— Начинаем! — сухо сказал он.

Проворные слуги вынесла на арену первую пару будущих бойцов.

— Лазурное Перо против Задиры! — объявил помощник Жулъмса зычным, не лишенным приятности голосом.

Петухов пронесли по кругу вдоль края арены, демонстрируя всем желающим. Затем публично взвесили, а плешивый маклар записал вес бойцов на отдельной доске. После чего у желавших сделать ставку было пять минут, которые показались вынужденному сохранять неподвижность Луке целой вечностью. Он с тоской подумал, что это только первый бой и сидеть ему так еще долго. Впрочем, во время поединка он тут же забыл, что еще недавно сетовал на судьбу. Охвативший его азарт заставил кровь вскипеть, Лука почти забылся и опомнился лишь в последний момент, когда чуть не закричал вместе со всеми.

Победил петух с ярким голубым пером в ошипанном в бою хвосте. Лука радостно ухмыльнулся — он за него болел, даже помог самую малость, на секунду придержав рыжего Задиру за лапу. Лазурному Перу этого хватило, чтобы вырвать победу.

«Эх, вот бы самому поставить!» — с тоской подумал Лука. Деньги у него были — он подобрал монетку, брошенную Хитрым Вурцем в Виолу. Теперь серебрушка жгла неугомонному парню карман. «А что если...» — Лука вдруг сообразил, что можно повернуть с монетой. Да, у него все может получиться, если представится шанс ненадолго выскользнуть.

Заинтересовавшись наглым планом Луки, удача благосклонно взглянула на не видимого никому, кроме нее, юношу. Аренный распорядитель с зычным голосом после третьего боя объявил краткий перерыв. Лука тут же сорвался с места, позабыв о своих ушибах и затекших в неудобной позе конечностях.

Чтобы совершить задуманное парню хватило десяти минут. Ему несказанно повезло — легко и быстро он нашел подходящего суеверного помощника. Теперь скромная ставка находчивого юноши была записана на большой доске маклара под именем Неупокоенный.

Вначале у Луки было достаточно времени, чтобы вернуться к арене, но шанса сделать это незаметно все никак не выпадало. Разгоряченные переживаниями от прошедших боев и стремящиеся удачно поставить на будущие поединки игроки толпились во всех проходах, мало кто остался на своих местах. Вот уже и Жулъм громогласно прорычал, чтобы все рассаживались, но народ расходиться не торопился, а Луке отчаянно нужно было попасть к арене — он не знал, когда точно состоится бой выбранного Виолой петуха. Юноше постоянно приходилось крутиться, как угрю на сковороде, лишь бы увернуться от случайного соприкосновения, которое могло его выдать. Те два мутных типа, которые шептались между собой про невидимого мага, сновали в толпе, как пара голодных касаток в море. Сюрпризы Луке были не нужны, его задача — привести нужного петуха к победе да разжиться деньгами на дальнейшее путешествие. Не дело наследникам Солнечной флотилии сидеть без гроша в кармане. Хорошо, что про их бедственное положение еще конкуренты не проведали...

В распахнутых во всю ширь дверях амбара появился знакомый Луке красавчик в красном кушаке. Повисшая на его предплечье бойкая девица несколько разбитного вида тянула смазливую мошеничку за собой, а тот особо и не упирался, широко ухмылялся, сверкая белоснежными зубами. О чем они говорили, Лука не слышал, ему было не до того — рыскавшие в поисках невидимки мужики были совсем рядом. На его счастье, их внимание тоже привлек кудрявый, похожий на атемо красавчик в ярком кушаке. Было в этом парне что-то притягательное, и в то же время от него исходило ощущение силы, которое заставляло народ расступаться, пропуская без каких-либо просьб с его стороны. Лука смекнул, что это его шанс — парочка направлялась к арене. Оставалось дожидаться, когда красавчик с девицей приблизится, и пристроиться к ним в кильватер.

Веселая девица покинула зеленоглазого красавца; как только они поравнялись с Лукой, она так резко двинулась в сторону рычавшего на слуг Жульма, что юноша еле успел отскочить, при этом он чуть не столкнулся с одним из той парочки, которой ему нужно было стеречься больше всего. Лука быстро крутанулся, на мгновение заметив чрезвычайно злой взгляд красавчика, но когда вновь посмотрел на него, тот все так же весело ухмылялся, а в глазах его горела лихость, свойственная только уверенным в себе мошенникам да бесстрашным разбойникам.

Расчет юноши оправдался: следуя за красавчиком в кушаке, он смог пробраться к своему прежнему местечку под самой ареной. Как раз вовремя — их с Виолой петуха на помост вынесли первым.

— Костяной Клюв против Любимца Творца! — Второй петух мало чем отличался от околдованной близнецами птицы, разве что был чуть-чуть легче.

Помогать своему бойцу Лука не торопился. Оба петуха вели себя довольно вяло, публика улюлюкала и топала ногами. Лука держал нити колдовского плетения сестры весь поединок, но так ни разу и не воспользовался силой. Пусть без какого-либо задора, но их Костяной Клюв переборол слабого противника и без магической поддержки. Так было даже лучше: в финальном бою на эту птицу никто ставить не будет.

Лука искал взглядом сестру. Она стояла между трибунами в компании Шрама и Хитрого Вурца. Виола изображала бурную радость от победы, а разбойники над ее головой торжествующе переглядывались.

В отличие от сестры, Лука в богов не верил, но сейчас помолился, чтобы у них все получилось. Призыв свой он направил морю, которое воспринимал живым существом. Его Лука действительно уважал, в отличие от равнодушных морских богов, в которых верили моряки, да мифического Творца, которому поклонялись имперцы.

Сестра предпочитала старых морских богов, но Лука подозревал, что такой выбор она сделала, чтобы хоть так стать ближе к матери, которой они с сестрой совсем не знали. Как не знали и того, во что на самом деле верила островная колдунья. Просто Виола решила, что если уж их мать была островитянкой, то поклоняться должна была морским богам. А так ли это или нет — кто знает? О том острове только предания ходили, что есть такой, на котором живут красавицы, все поголовно то ли ведьмы, то ли колдуньи. А тому, кто на остров по случаю попал да чудом с него выбрался, больше вовек туда дороги ни сыскать, как бы ни хотел вернуться. Вот и батюшка близнецов все мечтал привезти им с сестрой с острова наставницу, чтобы они дар свой обуздали, но и ему повезло так же, как тем беднягам из матросских баек, — то есть никак.

Прошло еще два боя. Жульм вновь объявил перерыв, но Лука больше не рискнул отлучиться со своего укромного местечка под невысоким помостом, который служил здесь ареной. Так и просидел под ним до того момента, как Костяного Клюва вновь вынесли для представления зрителям. Вид у петуха был все такой же вялый, а соперник для нового боя ему попался более резвый.

Зрители были недовольны, сверху засвистели, и зычноголосый помощник Жульма поторопился начать поединок. Стоило петухам сойтись, как околдованного бойца словно подменили! Вся вялость Костяного Клюва пропала, и он с остервенением ринулся на соперника.

«Нет, нет, нет!» — прошептал Лука. Им с Виолой такая демонстрация силы петушка была ни к чему. Еще юношу поразила внезапная перемена в поведении пернатого бойца, даже мелькнула мысль, что дело тут нечисто, но времени размышлять об этом не было. Воспользовавшись своей властью над птицей, Лука отобрал у Костяного Клюва силы для атаки. Его соперник тут же воспрянул и ринулся на затихшего противника. Теперь Луке потребовалось все внимание, чтобы управлять телом сбитой с толку птицы.

Сжав кулачки, Виола во все глаза следила за поединком. Она так увлеклась, что не заметила, как внезапно исчез Хитрый Вурц, который до того не отходил от нее ни на шаг.

«Масленный» пропал не по своей воле — огромная ручища Жульма выдернула его из толпы и увлекла к темному закутку, в котором хозяин боев прижал разбойника к стене и навис над ним, едва сдерживая рычание:

— Твои проделки? Признавайся!

— Жульм, ты чего?

— Ты подменил травку? — Жульм ухватил Хитрого Вурца за рубаху и потянул так, что та затрещала, а стягивающие ворот завязки остались в лапище хозяина амбара.

— Нет! — взвизгнул Хитрый Вурц. — Чем хочешь поклянусь! Даже в храм пойду! Слово даю, что ничего не сделал! Зачем мне это нужно?

Жульм чуть ослабил хватку:

— Тогда что с петухом? Он сейчас должен был бы разорвать серого по перышку, а сам едва ноги переставляет!

— У нас уговор. — Хитрый Вурц задышал спокойнее: предъявить ему подельник ничего не мог, Вурц той травки и в глаза не видел, всё делали слуги Жульма, вот пусть теперь с них и спрашивает. — Пусти... Своих проверь. Или на издохе петух твой, вот и сил нету.

Хозяин боев заскрежетал зубами: связался с этими неудачниками, и вот результат — что не разгромили, то за долги уйдет, если план с новым Серым Клювом не выгорит. А все к тому и идет. Сейчас-то на короткое время больной петух должен был показать себя сильным бойцом, чтобы ставки на него взлетели, а он и до финального боя не дойдет, только травку заветную зря перевели...

Злость застила глаза, но разум Жульма метался в поисках решения.

Есть! Придумал! Не один он убытки нести будет.

— Ты, Вурц, и Шрам мне крупно должны... Смекаешь, о чем я?

— Нет...

— Да-а... Моли-ись, чтобы этот дохляк хотя бы до финала не издох, а не то отдадите мне не только жемчужину. — Лапища Жульма опять сжала и без того пострадавшую рубашку. Хитрый Вурц ощутил, как в подмышках заношенная ткань расплзается, оставляя рукава болтаться на плечах. Обнажившиеся бока почувствовали прохладу сквозняка из открытых амбарных дверей и заныли, словно предчувствуя незавидную судьбу. Жульм был скор на расправу, а значит, петух с выкрашенным серой краской клювом должен был выиграть!

Луку трясло от напряжения, ему еще никогда не приходилось так трудно. Ну и бойца выбрала Виола! Это же какой-то демон в петушином обличье. Раньше юный колдун всегда думал, что чем больше силы, тем лучше. А сейчас ему пришлось постараться, чтобы сил у раздухарившегося петуха была самая малость, и эта задача оказалась намного сложнее. Он чувствовал, что только чудом смог управиться и позволить Костяному Клюву победить так, чтобы это выглядело невероятным везением, а не заслугой самого бойца.

— Что случилось? — спросила Виола у изрядно потрепанного и вспотевшего Хитрого Вурца. Его появление в столь жалком виде привлекло не только ее внимание, Шрам также с удивлением уставился на подельника.

— Ха-ха-ха, — натужно и неискренне рассмеялся Хитрый Вурц. — Маленькое происшествие. Пустяк! Как там твой боец — рвет и мечет? Не волнуешься, а?

Виола всем видом показала, что эти вопросы ее смутили и испугали. Тем временем, воспользовавшись случаем, «масленный» утащил своего меченого приятеля.

Девушка с трудом переборолла желание облегченно вздохнуть и потянуться. Расслабляться было рано: кругом сотни отнюдь не дружелюбных глаз, а рискованный план вот-вот подойдет к финалу. Им с Лукой нужно не оплошать. Да помогут им морские боги!

В следующем бою победил петух по кличке Серый Клюв. Как поняла Виола из разговоров завсегдатаев, это был бессменный фаворит, принадлежавший самому хозяину заведения. Девушка понимающе ухмыльнулась — громила Жульм не дурак. Ничего, еще посмотрим, кто кого!

Третий бой за право выйти в финал закончился неудачей для обоих петухов. Рыжий с трудом одолел рябого, но в последний бой не прошел: забиравший его с арены слуга обнаружил, что петух серьезно повредил одну лапу. «Или ему ее повредили...» — подумала Виола. Как-то не понравилось ей, что Шрам с Хитрым Вурцем последние два боя провели рядом с хозяином признанного фаворита.

Перед финальным сражением объявили небольшой перерыв, но народ не расходился с мест. Многие выражали недовольство — ставить на победителя не имело смысла. Кто в здравом уме будет выкладывать денежки за дохляка против всем известного Серого Клюва? Если люди и не расходились, то только потому, что ждали своих денег, которые им обещали вернуть за несостоявшиеся ставки.

Шрам пришел за Виолой:

— Пошли, Жульм ждет.

Хозяин боев улыбнулся девушке радостно, как родной бабушке, которая только что объявила его своим единственным наследником.

— Давай сюда залог, — гулко пророкотал Жульм.

Виола вынула жемчужину и отдала ему, как поручителю. Шраму с Хитрым Вурцем пришлось вывернуть все явные и потайные карманы, чтобы наскрести три тысячи, положенные Виоле в случае выигрыша. К удивлению девушки, разбойники расставались с наличными с какими-то кислыми физиономиями. Что-то не чувствовалось в них ожидания скорой победы.

Когда объявили финальный бой, оба залога красовались у Жульма на столе. Он махнул в сторону арены:

— Идите смотрите, кто победит.

Но ни Виола, ни разбойники не проявили желания отлучиться от стола с залогами более чем на пару шагов. Каждый из них не хотел показать это явно, вот и топтались рядом с начавшим раздражаться Жульмом.

— Чего встали?

— Отсюда так хорошо видно. — Виола даже не покривила душой: с ее места вид на жемчужину и монеты открывался отличный.

Хитрый Вурц не решился что-либо сказать, а вот Шрам рискнул:

— Да-да, все видать!

На арену вынесли петухов. Вид у Костяного Клюва был ужасный — никто и не подумал поухаживать за ним после предыдущей схватки: теперь перья его торчали во все стороны, а сам петух еле стоял на ногах, его шатало.

Притаившийся под ареной Лука пришел в отчаяние: все было не так. Еще четверть часа назад их с Виолой птица была неудержима, а сейчас чуть дышала! Юноша ничего не понимал. Видать, и в самом деле петуха опоили. Ничего другого нельзя было сделать, поэтому Лука сосредоточился, собирая внутри себя силу, чтобы напитать ею шатавшуюся птицу. Вначале опять пришлось действовать осторожно: резкий прилив сил мог добить несчастное существо.

— Глядите-ка! — завопил один из зрителей с первого ряда. — Вот так номер!

Стих шум разговоров рассеянной до этого момента публики. Все посмотрели на арену.

— Давай! Бей! — закричали со всех сторон.

И только от стола хозяина боев донеслись рычание и брань.

Внезапно оживший и раззадорившийся Костяной Клюв подпрыгивал и сверху бил нового обладателя крашеного клюва так, что у того перья летели и не успевали упасть на арену, как их подхватывал новый вихрь, рожденный крыльями безудержной в своем гневе атакующей птицы.

— Бей! Бей! Бей! — стали скандировать зрители в унисон, отбивая ритм ногами. Кто-то вскакивал с места, не в силах сдержать порыв и также крича вместе со всеми. Шум стоял ужасный.

Виола поразилась чувству всеобщего упоения, которое, казалось, было разлито в воздухе.

— Бей! — закричала она вместе со зрителями и счастливо рассмеялась, когда соперник ее петуха бессильно рухнул на арену, заливая ее кровью. Они победили! От эйфории кружилась голова.

Осталось самое сложное: забрать деньги и благополучно с ними уйти...

Сокровища на столе маняще блестели. К сожалению Виолы, теперь их законной владелицы, молчаливый призыв богатства слышала не она одна — сторбившийся Жульм, Шрам и Хитрый Вурц замерли. Казалось, каждый из них боялся пошевелиться первым или сказать что-то, нарушив напряженный момент.

— Кха-мм... — Виола откашлялась и облизала внезапно пересохшие губы. — Я это... вроде как победил, верно?

Она сделала шаг к столу и потянулась к заслуженному выигрышу. Дальнейшее ее удивило: Шрам с тоской посмотрел на деньги, которые раньше таскал у себя за поясом, Хитрый Вурц явственно

скрипнул зубами, но с места не сдвинулся, зато у поручителя спора — Сварливого Жульма — взбугрились напряженные мышцы. Он навис над столом, подобралшись, как алтуветский лев перед прыжком.

Виола про себя выругалась — они с Лукой оказались слишком самонадеянны. Брата рядом не было, помочь он не мог: слишком далеко арена от делового закутка Жульма, слишком много людей на пути. Взволнованные внезапной победой петуха-неудачника зрители и не думали расходиться, толпились в проходах и возле арены, обмениваясь впечатлениями.

— Как там тебя... Дорнад, что ли?.. — Теперь уже у великана пересохло в горле, его голос стал хриплым, выдавая волнение. Жульм оперся о столешницу так, что выигрыш Виолы оказался аккурат между его огромными ладонями. — Торопишься куда?

Девушка почувствовала, как проигравшие спор разбойники незаметно придвинулись ближе, отрезая ей путь к отступлению.

— Время позднее... — начала она, лихорадочно соображая, как выпутаться из опасной ситуации, — да и отметить есть что. Не присоединитесь?

Ее предложение оказалось для мужчин полной неожиданностью: они опешили.

Виола поторопилась закрепить успех:

— Где тут у вас лучшее пиво? Я угощаю!

Но владельцу разоренного предприятия, о чем девушка не знала, было не до праздничных возлияний, поэтому он не поддался на ее провокацию.

— Ты, парень, погодь... успеется... — Рука Жульма поднялась и зависла над так плотно набитым мешочком с деньгами, что горловина его не затягивалась, поэтому часть монет лежала тут же, на столе. Бесчестный поручитель явно собирался наложить лапу на чужой выигрыш.

Виола подобралась — сейчас все решится...

В царившем в амбаре гомоне внезапно послышались крики:

— Куш! Народ, кто-то сорвал куш!

Руке Жульма не суждено было заграбастать сокровища близнецов.

— Что?! — в гневе взревел хозяин боев, услышав про сорванный выигрыш. Он выпрямился, вглядываясь в толпу — в ней наметилось оживление, восторженные крики нарастали.

— Ай да парень! — раздавалось со всех сторон под всеобщий смех. — Мы-то думали, что он сельский дурачок! Теперь он нам на хлеб подавать будет!

Жульм в сердцах стукнул кулаком по столу, тот треснул пополам и рухнул, но мешочек с деньгами упасть не успел, Виола ловко подхватила его и бросилась бежать, смешавшись с толпой. Небольшая часть монет просыпалась, и по полу покатились оставленная девушкой жемчужина.

Шрам ринулся за обхитрившим их «Дорнадом», а Хитрый Вурц метнулся за ускользавшей жемчужиной, уж ее-то он не собирался отдавать кому-либо!

На стороне Виолы была гибкость и ловкость, а еще сноровка человека, привыкшего к толчее портового города.

Шрам пробивал себе путь с силой разъяренного быка.

Виола проскальзывала между заполонившими амбар людьми.

Меченый разбойник расшвыривал всех, кто попадался ему по дороге, его передвижение сопровождали удивленные вскрики и проклятия.

На пути Виолы возникла тройца сцепившихся людей — пьяные приятели крепко обнялись в надежде устоять на штормящем земляном полу, ни обойти, ни прошмыгнуть между ними у девушки не было никакой возможности.

Шрам злорадно оскалился и рванул вперед с удвоенной силой.

В этот момент со стороны доски маклара, под которой производились выплаты, раздался громкий вскрик. На секунду весь шум стих. От неожиданности даже Шрам притормозил, хотя уже намеревался протянуть руку и схватить мальчишку...

В напряженной тишине послышался звук, приятный любому человеческому уху, — тихое позвякивание соприкасавшихся монет.

— Аа-ах! — дружно выдохнули все, кто смотрел в сторону маклара, там сверкнула серебристая струя — высоко подброшенная горсть монет развернулась в воздухе веером и рассыпалась дождем под ноги замерших людей. Все ринулись искать монеты. Пьяную троицу сильно толкнули, и перед Виолой на миг образовался проход, в который она тут же проскочила, в очередной раз оставив Шрама с носом, которым он тотчас уткнулся в утопанный пол, так как споткнулся об жадных искателей дармовых денег. Упав, Шрам громко клацнул челюстью и больно прикусил язык. Больше он ничего не видел, все скрыла густая пелена звериной злобы. Из последних сил он рванул вперед как был — на четвереньках, но тут же затих, растянувшись на полу.

Некий почтенный на вид эрээр аккуратно сунул в карман штанов тяжелый металлический кастет, после чего продолжил путь в направлении, в котором скрылась Виола. Впрочем, тайному агенту союза алтуветских государств, а это был именно его кастет, на скрывшегося подростка было начхать. Тени стоило поторопиться к давно ожидавшей его карете.

Виола метеором вылетела из переполненного амбара и ринулась к узкому проходу в сложенном из бревен ограждении. Проход перегораживала дорожная карета, стоявшая слишком близко к забору.

— Морские гады! — воскликнула Виола, ныряя под экипаж и моля всех богов, чтобы он не тронулся в этот момент с места.

Ей повезло. Девушка беспрепятственно проскользнула под каретой и поспешила укрыться за неясно видимым в свете луны стогом сена.

Погони не было. Этого оказалось достаточно, чтобы ликующая Виола тут же решила на еще одну авантюру. Она выбралась из своего тайника и вернулась назад к карете. Девушка просто не могла сдерживать любопытства — кто в экипаже и что он тут забыл в такой час?

Человек, подошедший к карете, ступал так тихо, что Виола совершенно не заметила его приближения и поняла, что кто-то сел в экипаж, только тогда, когда карета закачалась и послышался негромкий шум закрывшейся двери.

— Вы долго, — донесся изнутри взволнованный женский голос. — Что-то случилось?

Виола вслушалась: кто-то, скорее всего мужчина, произнес нечто невнятное, потом раздался тихий стук и, повинаясь этому сигналу, кучер хлестнул вожжами. Карета тронулась. Девушка посмотрела ей вслед и тут же чуть не закричала от испуга, когда кто-то невидимый взял ее за руку.

— Тсс! — второй рукой Лука закрыл сестре рот. — Не кричи, это я.

В ответ Виола пылко обняла находящегося под чарами невидимости брата. Она почувствовала, как напряжение последних часов горячей волной покидает ее. Девушка задрожала в теплых, успокаивающих объятиях.

Лука довольно хмыкнул и поцеловал сестру в лоб.

— Все, все... Пойдем скорей.

Близнецы ра Веллад скрылись в темноте, оставив тревоги позади. Их ожидало новое приключение.

Проклятая жемчужина, ради которой Хитрый Вурц рискнул испортить отношения с давними подельниками, каким-то волшебным образом все катилась вперед, подпрыгивая на неровностях и опережая жадные руки разбойника. Чтобы ее догнать, побитому и оборванному злодею пришлось встать на колени и преследовать маленькую беглянку на четвереньках, лавируя среди ног посетителей боев. К прежним ушибам добавились новые, поскольку не замечавшие странного передвижения разбойника люди наступали ему на пальцы не раз и не два. Кого-то он сшиб сам, подбив ноги, чем привлек к себе внимание и вызвал справедливую злость. Только все было напрасно: жемчужина пропала. Он почти коснулся ее, но драгоценность растворилась в воздухе прямо у него на глазах, словно ее и не было.

В бессильной злобе Хитрый Вурц стукнул кулаком по земле, как раз в том месте, где долю секунды назад еще мерцала голубым перламутром желанная добыча.

— Демоны! — выдохнул он сквозь сжатые от напряжения зубы, и тут всей своей битой разбойничьей шкурой почувствовал, что происходит что-то неладное. Хитрый Вурц поднял голову и увидел подступавших к нему со всех сторон недовольных мужиков, некоторые из них уже сжимали кулаки.

«Будут бить...» — обреченно подумал разбойник.

Ночь давно перевалила за половину. Поплутав по незнакомой местности, освещенной лишь слабым светом луны, которую то и дело покрывали плывущие по небу облака, близнецы вышли к ветхому сараю. Дверь его была открыта. Вскоре стала понятна оплошность неизвестных хозяев — внутри царило запустение, а в углу гнило сено, его влажный запах неприятно щекотал ноздри. Идущий впереди Лука чуть не споткнулся о валяющуюся на полу лестницу.

— Осторожно!

Виола остановилась, на ее глазах лестница взмыла в воздух, словно сама по себе, хотя, конечно, это Лука не без труда приставил ее к лазу на чердак.

Наверху оказалось куда уютнее. Близнецы устроились возле большого окна, точнее, вырезанной, ничем не затянутой прямоугольной дыры в стене.

Прикрыв глаза, Виола перешла на колдовское зрение. Она протянула руку и коснулась нитей своего магического плетения, потянула, сматывая их. Лука тихо забубнил снимающий чары наговор. Вскоре его невидимость истаяла. В полутьме Виола разглядела довольное лицо брата, с глазами, сиявшими ярче луны, царившей в прямоугольнике окна.

— Ну как? — спросил он.

— Полная победа!

— А я тоже не с пустыми руками! — Счастливый от проделки Лука поднял и любовно потряхнул увесистый мешочек, побренчав звякавшими в нем монетами.

Брат и сестра рассмеялись: у них действительно все получилось!

До рассвета оставалось часа три, близнецы решили провести это время с пользой. Виола ослабила утягивавшую ее грудь повязку и прилегла на пол, устроившись так, чтобы видеть брата, пересчитывавшего новообретенное богатство. Лука рассмеялся и стал раскладывать деньги прямо у нее под носом.

— Девяносто семь, девяносто восемь... Закончу, и можно будет подремать, — сказал брат. — Сто...

— Не-а, — тяжело протянула Виола и потерла лицо руками, чтобы разогнать усталость. — Мы больше не будем так беспечно относиться к дару. Передохнем в карете, когда вернем равновесие.

— У-у-у! — Лука сбился со счета. — Ну, может, хоть пару часиков поваляемся?

— Нет! Сам подумай, когда мы начали снова колдовать, а? У нас не осталось этой пары часиков. Я не хочу опять остаться без ничего в какой-то дыре.

Смирившись, Лука кивнул: да, время на исходе.

За знания о необычности своего дара они дорого заплатили еще в детстве. Открыв в себе могучую силу в нежном возрасте, ребенку крайне сложно осознать, к чему могут привести его шалости, а если учесть, что таких детей двое и дар у них совершенно уникальный, со своими необъяснимыми правилами — единый, но разделенный на двоих...

Ох, сколько же всего они натворили, пока не повзрослели достаточно, чтобы научиться рассуждать, делать выводы и осознанно экспериментировать, выявляя особенности и ограничения материнского наследства.

Близнецам не сразу удалось разобраться, что их дар сродни аптекарским весам. Да, своим колдовством они могли вмешаться в обычное течение жизни для совершения доброго или злого дела, но после просто обязаны были вернуть миру равновесие. Так, если один из них с помощью магии совершал что-то плохое, то второй непременно должен был в ответ совершить что-то хорошее, но уже без колдовства. И наоборот.

А еще они выяснили, что обратное деяние нельзя отложить на потом, с момента колдовства отдать «магический долг» нужно было не позднее тринадцатого часа, что в народе звался «ведьминым». Иначе мир сам возвращал равновесие, больно ударив по виновникам.

Вот так получилось и прошлым утром, когда одурманенные близнецы очнулись на постоялом дворе в какой-то глухомани, лишенные подлыми разбойниками всего своего нехитрого имущества. Это была законная расплата за колдовство Виолы, с помощью которого она помогла одной бедной женщине, а Лука, пока была возможность, постеснялся совершить ответное деяние, хотя удобный

случай у него был — он мог расколотить горшечнику несколько кувшинов, и дело было бы сделано... но в дверях хозяйского дома стояла миловидная дочь мастера. У нее были такие красивые темные глаза и впечатляющая гру... э-э-э, шея, что Лука просто не смог сотворить необходимое зло, понадеявшись, что ему еще представится для этого другой шанс...

— Итого у нас получается три тысячи семьсот сорок шесть монет серебром. Если бы мне не пришлось бросаться деньгами, то было бы и больше.

Виола совсем по-мальчишечьи присвистнула — да они невероятно богаты! Страшно подумать, что им теперь придется совершить, чтобы вернуть такой «должок», а времени на это совсем ничего...

— И кому из нас предстоит расплачиваться? — Девушка посмотрела на брата, он задумчиво пожевал губы.

— Мм... Думаю, что тебе. Я много чего совершил за вечер.

Вздыхнув, Виола перекатилась на сене и села, подтянув колени к груди и уткнувшись в них лбом. Возбуждение, подпитывавшее во время рискованной авантюры, прошло. Девушке очень хотелось спать, но нужно было встать и идти, искать какой-нибудь повод и достойную цель. Делать благие дела — как же это тяжело...

Они пошли вместе, рассудив, что так будет безопаснее. К тому же, пока Виола будет творить добро, Лука вполне сможет нанять карету, чтобы добраться до столицы с комфортом. Как им удалось узнать, их опекун дружен с императором, поэтому ра Веллады рассчитывали найти неуловимого маркиза Каларона при государевом дворе.

В предрассветный час Муштивенка не выглядела местом, где полно жаждущих быть обласканными. Никаких тебе сырых и убогих людишек, ютящихся под заборами, которым Виола могла бы просто дать денег, которых у нее теперь было много.

Близнецы без толку бродили по пустынным темным улицам.

— Может, пойдем в гостиницу? Там-то точно есть те, кто сейчас не спит.

— Не хотелось бы столкнуться со Шрамом и его приятелем.

— А мы пойдем в другую, как ее... «Лебединый клин». Думаю, с тамошними ценами у них все постояльцы несчастные.

— Предлагаешь скопом оплатить их счета? — В отчаянии Виола могла пойти даже на такое безрассудство.

— Вот еще! — Лука был готов грудью встать на защиту обретенного богатства. — Присмотришься — может, там кого ужином отравили.

При воспоминании о еде животы у близнецов завели голодную песню — колбасу дядьки Онкаля юные путешественники съели еще до того, как пошли в амбар Жульма.

— Заодно купишь нам еды в дорогу.

— Это которой кого-то отравили? — Брат и сестра приснули тихим смехом.

— А может, это именно то доброе дело! — И они уже громко расхохотались под тявканье потревоженной собаки, которая еще долго жаловалась на них окрестным товаркам, подхватившим ее лай.

Перед входом в «Лебединый клин» близнецы разделились: Лука пошел договариваться насчет кареты, а Виола вошла в холл гостиницы.

Служащий за конторкой при входе сладко спал. Виола тенью проскользнула мимо него.

Пусто. Никого. Ей просто отчаянно не везло.

Она прошла по коридору первого этажа. Здесь было четыре номера, за дверями которых царил тишина, даже храпа не было слышно.

«Может, там и нет никого... Стоит поискать буфетный зал», — подумала Виола, но внезапно услышала голоса. В конце коридора была еще одна дверь, которую она сразу не заметила. И эта дверь оказалась приоткрытой.

Девушка заглянула в щелку. Вид постояльцев поразил ее: «И здешняя служанка еще от нас нос воротила? Хм...»

На стуле возле стола развалился смазливый хлыщ, одетый на манер кочевников, такие крикливые яркие кушаки носили только они. То, что этот мужчина промышляет обманом, было видно с первого взгляда. Тем более жалкой выглядела хорошо одетая дама, униженно молившая этого кудрявого красавца о благосклонности.

— Хочешь, я встану на колени? — всхлипывала незнакомка. — Только не покидай меня!

Виола заметила, как гримаса отвращения на миг промелькнула на лице жестокого мужчины, когда женщина таки рухнула перед ним на колени.

— Я все решил и попросил тебя уйти.

— Нет! Скажи, что ты хочешь, — я все для тебя сделаю!

«Ого! Да она жертва этого мошенника!» — Виола улыбнулась. Вот и цель для ее благого дела — она спасет бедняжку.

Меж тем женщина в комнате решилась на крайние меры: обнять, а может, и поцеловать ноги унижающего ее своим равнодушием красавчика. Чем бы закончилась эта сцена, так и осталось неизвестно, потому как в этот напряженный момент дверь комнаты резко и широко распахнулась, как от пинка, и в гостиничный номер вплыла она, Виола.

От удивления красавчик выкатил глаза и чуть привстал.

Не тут-то было: «Не уйдешь, гад! И не пытайся!» — злорадно подумала Виола, картинно шествуя большими шагами к не ожидавшему ее мужчине. Для большего эффекта она постаралась посильнее раскачивать бедрами, имитируя походку куртизанок, на которых насмотрелась в торговых тавернах Маринвенской бухты.

— Мила-ай! — коверкая слова, протянула Виола. — Я скуча-ала!.. — Девушка переступила через сидящую на полу женщину. — Посторонись! — и чуть ли не с разбега плюхнулась мошеннику на колени, обхватив его шею руками: — Ждала тебя твоя птичка, а ты все не шел и не шел, бука! — Девушка приникла к груди остолбеневшего от ее наглости красавчика и потерялась носом об мужскую щеку, на удивление гладкую.

«Побрился — значит, готовился очаровывать несчастную», — подумала она, искоса взглянув в необыкновенно зеленые лукавые глаза мужчины, который отчего-то не торопился разоблачать ее игру.

Виола капризно подергала незнакомца за ворот бледно-желтой рубахи и заныла:

— Кто эта клуша? Пусть она уйдет!

Красивый мошенник собрался сказать что-то решительное, по крайней мере он уже открыл рот и твердо взялся за талию девушки, намереваясь отстранить ее, но она не дала ему этого сделать. Зажмурившись, Виола прильнула к губам незнакомца в шокирующе смелом поцелуе. Он боролся с собой не дольше секунды, юная авантюристка-благотельница почувствовала, как ослабела его хватка на ее талии. Обрадовавшись своему успеху, она случайно коснулась его губ языком, и тут что-то произошло...

Мужчина тотчас прижал ее к себе с такой силой, что у нее чуть ли не затрещали кости, а голова закружилась. Как через вату, очень смутно Виола услышала, как застучали по полу каблучки: рыдающая женщина бросилась вон из комнаты.

Девушка понадеялась, что совершила достаточно благое дело, пожертвовав зеленоглазому негодяю свой первый поцелуй.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

в которой маркизу устраивают засаду

Не так маркиз Каларон представлял долгожданное возвращение в «Олений бор», свое родовое поместье. Последние несколько недель он просто изнывал, мечтая побродить по знакомым с детства лесам, промчаться на Свободолюбивом вдоль спокойной и широкой Айморэ, искупаться в ее водах. Желание отдохнуть в родном доме было таким нестерпимым, что только личная просьба императора могла удержать молодого маркиза в столице. И Арган II этим правом воспользовался. Не как император, как друг детства.

— Андэр, любимый! — воскликнула самая беспокойная и капризная из женщин, которую маркиз с успехом избегал последние два года. До этого момента.

— Матушка... — обреченно выдохнул Андэр Каларон, стараясь ничем не выдать своего ужаса от устроенной матерью засады.

— Да, это я, мой негодник! — Приблизившись, вдовствующая маркиза заключила сына в кольцо материнских объятий, крепостью и тяжестью подозрительно напоминавших рабский хомут, используемый в Алтувете. Андэру как-то пришлось носить такой, хорошо, что недолго. Но от маменькиной заботы так быстро не избавиться. Может, и в самом деле стоило ехать не домой, а на соседний континент?

— Как-то ты исхудал. — Вдовствующая маркиза подозрительно оглядела сына. — И этот загар тебе не идет. От него мы избавимся в первую очередь.

Усталый маркиз не поспевал за ходом материнских рассуждений.

— О чем вы, матушка? Чем вам не нравится загар?

— Сынок, не стой столбом, у нас много дел!

— Что...

— Скоро начнут съезжаться гости! Следуй за мной, — сделав пару шагов, обернулась она к застывшему на месте сыну, — поторопись же, ну!

— Что происходит? — Маркизу стоило больших сил задать этот вопрос спокойным и уверенным голосом.

Маменька угрожающе нахмурилась, словно заранее знала, что сын будет сопротивляться.

— Я собираюсь тебя женить, несносный мальчишка! И пригласила в поместье потенциальных невест. Скоро они съедутся сюда, для них запланирована череда испытаний и приемов. А в конце я собираюсь устроить грандиозный бал.

При виде того, как матушка в предвкушении бала закатывает глаза и расплывается в улыбке, маркиз почувствовал, как пол уходит у него из-под ног.

— *Что* вы сделали?! Нет, вернее — *как* вы это сделали?! Вы не могли пригласить их наобум! Откуда вы узнали, когда я вернусь?!

Матушка разгневанного маркиза довольно ухмыльнулась — ждать от нее откровенности не стоило. Вдовствующая маркиза сделала рукой знак следовать за ней и направилась к центральной лестнице.

«Лучше бы я отправился в Алтувет...» — в отчаянии подумал маркиз Каларон. Теперь месяц в рабском ошейнике выглядел куда более привлекательным, чем ближайшие недели в родовом гнезде. Из рабства удалось сбежать, а вот куда деться от будущей жены — тот еще вопрос...

Есть от чего впасть в уныние.

«Любящий» сын послушался мать и пошел быстрым шагом... в противоположную от нее сторону.

— Тсс! — донеслось до слуха маркиза из темного алькова. — Ваше сиятельство, сюда!

Андэр узнал голос дворецкого. Подтвердив догадку, верный слуга на секунду показался из густой тени, которую создавала большая статуя обнаженной девы, прикрывавшая собой довольно глубокую нишу со стрельчатой аркой.

Маркиз украдкой огляделся и поспешил присоединиться к дворецкому в укромном уголке.

— Джурс!

— Вы дома, ваше сиятельство, какая радость!

— Смотря для кого, — под нос себе пробормотал маркиз и добавил чуть погромче: — Что здесь, к проклятым демонам, происходит?

Дворецкий чуть не заплакал:

— Ее сиятельство явились третьего дня и слушать ничего не стали... Слуг привезли аж три десятка!

— Та-ак! — зловеще протянул маркиз Каларон. Тучи над его головой сгустились, уж слишком грандиозными выглядели приготовления. Обычно маменька предпочитала тратить деньги на драгоценности и гардероб, а не на наем прислуги. — Что дальше?

— Она заняла покои маркизы!

Андэр прикрыл глаза: жить по соседству с деятельной матерью, отделенной от него всего лишь дверью, на которой и замка-то нет?..

— А еще она избавилась от вашей коллекции редкостей!

— Что?! — взревел маркиз, позабыв о необходимости соблюдать конспирацию.

— Умоляю, ваше сиятельство, тише! — зашипел дворецкий. — Она привезла с собой секретаря — жуткую девицу, везде сующую свой длинный нос!

Маркиз почувствовал, что у него дергается глаз, а еще внезапно разнылись зубы.

Обожаемый заботливой маменькой сын почувствовал желание напиться в хлам.

Верный Джурс как почувствовал отчаянный порыв хозяина:

— И все крепкие напитки ее сиятельство конфисковали, а винный погреб опечатали!

Его сиятельство от бессилия застонал и пару раз стукнулся затылком о стену — умных мыслей о том, куда бежать или что делать несчастному и обездоленному хозяину большого поместья, превращенного в арену для пыток, в голову не пришло. Он слишком устал, чтобы придумать, как выкрутиться.

Но это пройдет. Ему просто нужно выспаться, если во всем доме еще остался уголок, в котором маменька не станет его искать. И если следующая новость не добьет его окончательно...

— А еще...

— Джурс, умоляю, заткнись!.. — Маркиз почувствовал, что он на грани, за которой может не удержать свою силу. Маг его уровня в невменяемом состоянии способен сотворить многое, а учитывая, что его стихией был огонь...

Хотя, может, спалить здесь все дотла не такой уж плохой способ избежать женитьбы? А дом он себе потом отстроит. Без окон и с замурованной дверью, чтоб уж наверняка...

— Джурс, у меня к тебе дело. Где твоя комната? Я собираюсь как следует выспаться.

— Но, ваше сия...

— Не зли меня...

— Извините!

Покинув альков, гонимые жертвы произвола маркизы крадучись направились в крыло для прислуги.

Появившийся в родном доме около полудня маркиз без помех смог проспать почти до самого вечера. Накануне ужина Андэр очнулся ото сна и с первой же секунды пробуждения принялся прикидывать, как выбраться из расставленной родительницей западни. К счастью, его пока не обнаружили. Полученной возможностью следовало распорядиться самым мудрым образом.

«Дружище, — вскоре писал Андэр, от нетерпения оставляя чернильные кляксы на бумаге (что, по его расчету, могло только добавить драматизма посланию), — умоляю, скорее выручи меня! Я согласен выполнить любое твое поручение, лишь бы оно было вдали от Геврата. Готов даже отправиться с посольством к мифическим ледяным дикарям, если на то будет твоя воля! В этом

случае обязуюсь исследовать Северный океан самым тщательным образом и не сходить с корабля до тех пор, пока не докажу или не опровергну легенду об их существовании».

Перечислив еще с десятков самых сложных, но для него самого увлекательных, а самое главное — географически удаленных миссий, за которые он согласен взяться, маркиз отложил перо.

Послание к единственному человеку, которого побоится послушаться маменька, получилось довольно пространное. Многочисленным помаркам и торопливо-небрежному почерку для максимальной убедительности не хватало разве что следов от слез. Подумав, Андэр в конце концов решил, что это будет лишним. Друг и без того поймет его отчаяние. Да и не поверит император в слезы Андэра — не в характере маркиза Каларона бессильно ронять их.

Сложив и запечатав письмо, Андэр коротко подписал: «Дылде». Так Аргана II звал только он — общее школьное прошлое и давняя дружба позволяли многое.

В детстве будущий император довольно долгое время оставался намного выше Андэра, за что принца часто дразнили, а уязвленный такой природной несправедливостью юный наследник маркиза Каларона прозвал друга Дылдой. Теперь об этом позабыли. Молодые люди давно сравнялись в росте, прежние мальчишеские обиды ушли, без следа растворившись и в горьких, и в счастливых воспоминаниях, но прозвище осталось промеж друзей как тайный знак.

Андэр с трудом распахнул окно — видимо, предоставивший убежище дворецкий не был любителем свежего воздуха. Рама поддалась не с первой попытки, стекла жалобно зазвенели, но остались целы, когда хозяин «Оленьего бора» рванул створки с большей силой.

С улицы упоительно запахло скошенной травой и еще чем-то чрезвычайно приятным. Маркиз выглянул из окна и неподалеку увидел роскошную клумбу с цветами, семена которых он как-то привез из далекого Боссопора, расположенного на западном побережье Эфзаума — континента настолько большого, что огромная Гевратская империя не смогла объединить под своим началом и половины его земель. Садовник явно заботился об экзотических растениях — вон какую красоту развел.

Обратившись к своей силе, маркиз вылепил из призванного огня небольшую птицу. Она доверчиво села на запястье своего создателя. Андэр склонился над вестницей, совершенно не опасаясь опалить себя, стихия никогда бы не смогла причинить вреда владевшему ее силой магу.

Прикрыв глаза, маркиз припомнил чужой наговор — тайное знание, обретенное им в одном из путешествий, и зашептал над огненной посланницей, заключая ее огонь в невидимую глазу оболочку, призванную обезопасить послание и адресата. Арган II был магом воды. Столкновение с противоборствующей стихией могло стать для него опасным. К тому же в нормальном состоянии пламенная птица не смогла бы донести бумажное послание. Обычно таких огненных созданий использовали в бою для нападения.

Закончив колдовать, Андэр вручил письмо посланнице и велел ей:

— Передай лично в руки Аргану Вииту, императору Геврата.

Послушно подхватив конверт, птица вылетела из окна и растворилась в густой синеве вечернего неба. Как раз вовремя: за дверью комнаты верного Джурса послышался приближающийся шум, среди которого выделялся рассерженный голос вдовствующей маркизы:

— Не мешайтесь под ногами! Эри Стиранн сказала мне, что вы укрываете его в своей комнате! Ее словам я доверяю, в отличие от вас, чья обязанность — всячески помогать мне наводить порядок в этом доме, а вы только мешаете!

Затаившийся маркиз тихо вздохнул: значит, эта вездесущая секретарь матери еще не замужем, раз маменька назвала ее эри. Такое обращение было употребимо лишь к незамужним девицам...

Мм, а это мысль! Короткий отдых пошел маркизу на пользу — в его голове в одно мгновение родился план диверсии. Пожалуй, так битва за холостяцкую свободу будет даже веселой.

Ободрившись, маркиз Каларон в три шага преодолел расстояние до двери и, повернув ключ, распахнул ее, чтобы предстать пред очи матери.

При виде сына по-женски коварная маркиза сменила уксус на мед — разулыбалась, приветливо протянула к Андэру руки и защебетала, словно не она тут только что вопила, как храмовый инквизитор на отступников.

— Мой сынок, мой маленький маркиз, — засюсюкала дама, чей элегантный и неприступный вид, а также безукоризненное поведение в свете считались образцом для любой благородной леди.

Андэра передернуло — такое обращение к нему, как к младенцу, в устах взрослой и искушенной в этикетке женщины было подобно тому, как если бы она разговаривала с карликовой болонкой. Некоторые светские дамы имели обыкновение таскать подобные твякающие создания на руках, сюсюкая и нежничая с ними при любом удобном случае. Нелепо и противно, бррр!

Матушка скользкой походкой подобралась к желанной жертве ее матримониальных планов. Она ухватила сына под локоть и повлекла по коридору.

— Бедненький мой, устал с дороги. Будь спокоен — я позабочусь о твоём отдыхе, — сказала женщина, напрочь лишившая маркиза этого самого отдыха.

Андэр бросил благодарный взгляд на Джурса, тот старался шествовать за хозяевами с невозмутимым видом, но постоянно забывался, так как искоса поглядывал на особу, которую маркиз вначале не заметил. В тени его матери семеняла девица не первой юности. Зализанные волосы серого цвета, нещадно стянутые в тугую дульку, очки в безобразной оправе — все в эри секретаре подчеркивало ее неказистость, отсутствие вкуса и, как следствие, скверный характер, поставленный матушкой на стражу своих интересов. В последнем маркиз Каларон был абсолютно уверен. По его наблюдениям, подобные особи женского рода излишним служебным рвением вымещали свою непривлекательность на окружающих...

«Что ж, — подумал маркиз, — тем интереснее будет, если мой план сработает...»

Голос маменьки не утихал ни на мгновение, пробуждая в душе Андэра подозрение, что она его просто забалтывает. Тут нужно держать ухо востро! Как бы по собственной невнимательности не согласиться на что-то неприятное...

К счастью Андэра, мучимого голодом с момента позднего пробуждения, его повлекли не к алтарю, а в малую залу — к столу, сервированному на три персоны.

«Значит, эри как-ее-там-секретарь тоже приглашена», — догадался маркиз. Следовательно, его задача упростилась...

В плотном потоке вроде бы ничего не значащей чепухи, высказываемой его матерью ровным голосом с самым беззаботным видом, очень сложно было различить, где конец, а где начало очередной фразы и к кому в данный момент обращены ее слова. Андэру чудом удалось расслышать приказ подавать ужин. Но в сложившихся обстоятельствах его слух и внимание обострились, чего нельзя сказать о незнакомом лакее, растерянно стоявшем возле стола и явно не расслышавшем повеления вдовствующей маркизы. «А маменька многое успела за три дня», — решил маркиз, имевший привычку знать всех своих слуг в лицо и по имени.

— Можно подавать, — негромко сказал он застывшему слуге. Тот бросил на хозяина дома испуганный взгляд и засуетился.

— Простите, маменька. — Андэр с трудом успел вклиниться в крохотную паузу в непрерывной речи вдовствующей маркизы, видимо, и ей требовалось изредка дышать. — Представьте мне прекрасную незнакомку, которую я имею честь принимать в своем доме.

Взгляд маркиза обратился в сторону невзрачной девицы, ставшей пунцовой, как переспевший алтуветский томат.

— О, Единый! — Вдовствующая маркиза всплеснула руками. — Сынок, ты совсем меня не слушал! Я уже представила тебе эри Стиранн, моего секретаря. Дорогая, — повернулась она к девице с дулькой, — простите маркизу его рассеянность! Верно, усталость после тяжелой дороги сказалась на нем самым серьезным образом. Мой материнский долг — немедленно взять заботу о нем и его делах в свои руки!

Последнее не было обещанием, скорее завуалированной угрозой. Маркиз тихо хмыкнул: в эти игры можно играть и двоим.

— Миледи, — подчеркнуто вежливо обратился маркиз к матери, — вижу, что мои слуги чем-то вам не угодили. — Он выразительно посмотрел на двух незнакомых лакеев, обносивших их дымящимся супом с душистыми травами, отчего по залу поплыл вкуснейший аромат. — Прошу вас не стесняясь высказать мне все претензии. Обещаю, что приму все необходимые меры.

Маменька замешкалась с ответом, она не готова была к резкой смене темы, Андэр с удовольствием это отметил. Теперь можно было считать, что своих верных слуг он отстоял, мгновенно увеличив ряды собственного войска в предстоящей войне за личную свободу.

Но вдовствующая маркиза Каларон была не из тех особ, кого легко смутить маленьким проигрышем. Она планировала эту кампанию с самого начала и намеревалась закончить ее собственным триумфом! И небольшое «тактическое отступление» никак не могло помешать ее

масштабным планам.

— Андэр, сегодня уже поздно, но нам необходимо срочно что-то сделать с вашей внешностью. — Она пальчиком выписала в воздухе непонятную загогулину, призванную без слов обрисовать всю сыновью запущенность, для чего и перешла на более формальное обращение, намекая сыну на свою обиду. — Мне стыдно показать вас потенциальным невестам, которые начнут съезжаться в поместье уже с завтрашнего утра.

Маркиз нахмурился, такого скорого осложнения он не ожидал. Пусть его письмо к императору будет получено им этой же ночью, но и тогда ответа и помощи государя можно ждать не ранее чем через три дня. С такими темпами развития событий в поместье, зная маменьку... за это время его и окрутить смогут.

— Вы похожи на бродягу, сын мой, — с укором посмотрела маркиза на Андэра.

В ее словах содержалась большая доля правды: часы пробили семь часов вечера, а спутанные волосы Андэра видели расческу лишь на заре нынешнего несчастливого дня, дорожный костюм был изрядно измят, так как маркиз спал в комнате дворецкого не раздеваясь. За последние дни он физически сильно исхудал от магического истощения. От природы смуглая кожа Андэра выглядела темнее обычного из-за палящего солнца, сопровождавшего его в последнем путешествии.

— К счастью, мне удалось заполучить эрэара Кустимоса. Он займется твоей внешностью сразу же после ужина. — Вдовствующая маркиза решила сменить гнев на показную милость и вновь вернулась к личному обращению. — Думаю, ночи хватит, чтобы привести тебя в вид, достойный хозяина «Оленьего бора» и моего сына.

Маркиз вздохнул. Было бы неплохо пока ничего не менять, глядишь, кого из невест и отпугнул бы его неухоженный вид. Да ради этого он натянул бы на себя лохмотья нищего! Так-то он видный красавец, Андэр это осознавал. В разного рода делах, которые маркиз прокручивал время от времени, его привлекательность чаще мешала, чем приносила пользу или доставляла удовольствие. Чего не было в натуре молодого лорда Каларона, так это склонности к самолюбованию. Внешние данные для него были своего рода инструментом, которым он умело пользовался, оставаясь эмоционально холодным и рассудительным. В отличие от других молодых людей его возраста, а Андэру в этом году исполнилось двадцать семь, он ни разу не влюблялся. Сам Андэр считал это обстоятельство счастливым свойством своей природы и невероятной удачей, подспудно избегая вглядываться в эмоциональную бездну, во тьме которой скрывалось его оледеневшее сердце.

— Эрэар Кустимос — настоящий волшебник! Он пообещал мне, что к утру ты полностью преобразишься! Первым делом понадобятся ванны со змеиным ядом и желчью алтуветского варана, потом...

Маркиз с трудом заставил себя спокойно слушать. Всегда можно представить, что происходящее касается кого-то другого, не его. А тем временем противник в подробностях сам выложит все свои планы.

— ...жемчужная пудра с каплей масла войрского каштана сделают твои волосы...

«Отрешиться, нужно отрешиться...» — мысленно уговаривал себя маркиз, стараясь быть настороже, чтобы не упустить малейшего намека на истинные планы матушки.

Эри Дулька, как он окрестил секретаршу, особого участия в беседе не принимала. Вначале беззвучно болтала ложкой в супе, теперь так же осторожно, чтобы, не дай Творец, чем-либо нарушить монолог своей госпожи, пилила жареное мясо на мелкие-мелкие кусочки, должно быть, этим проявляя свою страсть к садизму. Маркиз подумал, что своего супруга, если таковой для нее внезапно сыщется, она будет пилить с тем же тщанием и вкусом к самому процессу.

Почти мирное течение ужина было прервано появлением Джурса.

— Прошу прощения, миледи. Ваше сиятельство, прибыли барон Синегад с дочерью и слугами. Как прикажете поступить?

— Немедленно проводи сюда. — Вдовствующая маркиза не оставила Андэру шанса избавиться от неожиданных гостей. — И вели здесь убрать и подать чай с десертом. Думаю, барон с дочерью, милейшей леди Синегад, не откажутся присоединиться к нам.

Маркиз философски отнесся к неожиданному визиту — чему быть, того не миновать. Раньше или позже, но его любимый дом наводнят лорды и леди разной степени противности. В том, что ему не понравится барон Синегад, Андэр ни секунды не сомневался, как и в мотивах гостя заявиться со своей кандидаткой раньше остальных.

Предчувствие маркиза Каларона полностью оправдалось: плюгавый аристократишко с острым, как

шило, носом, переданным им в наследство доченьке, выглядел несколько комично. Вряд ли разумный человек станет в дорогу одеваться столь непрактично: бархатный камзол барона сверкал золотым шитьем, мелким жемчугом и радужными кристаллами, ввозимыми в империю из земель братства Остропиких — горной племенной республики. Аристократы Геврата с удовольствием покупали недешевые кристаллы в большом количестве. Но похоже, что большую часть ввозимого лорд Синегад скупил лично: что не украшало «дорожный» камзол барона, было наклеплено на платье его тощей бледной доченьки.

«Возможно, что кристаллы — это продуманная стратегия, — подумал маркиз, разглядывая вежливо расшаркивающихся визитеров. — Их нестерпимое сияние хорошо отвлекает внимание от внешних несовершенств». Помимо фамильного носа и страсти к сверкающим нарядам, похвалиться дочери барона было нечем, она пугала своей болезненной худобой и зеленоватым цветом лица. Маркиз покосился на маменьку. Судя по прикушенной губке, вдовствующая маркиза была немного расстроена. Но надеяться, что она так просто откажется от своих планов на его женитьбу, Андэру не стоило. Пока его самой верной надеждой в этом деле была скорая помощь императора. Ее просто необходимо было дожидаться, не теряя бдительности и не отступая перед превосходящими силами противника.

— Ах, леди Каларон! — меж тем лебезил неказистый Синегад. — Вот так приключение! Ха-ха! Как же невнимательно леди Синегад прочла приглашение! Видимо, оно было не очень разборчиво написано.

Маркиз улыбнулся, прикрыв рот салфеткой, при виде того, как явно лживые слова Синегада вызвали плохо скрытую ярость у Дульки. Должно быть, она лично трудилась над пригласительными письмами.

В столь внезапном визите барона и его меланхолической дочери Андэр увидел неожиданную выгоду — матушка была явно недовольна не только этой кандидаткой в невесты, но и ее родственником.

Вдовствующая маркиза избегала смотреть на сына и постаралась свести общение с Синегадами к минимуму, даже довольно прозрачно намекнула слуге, что не стоит подавать десерт. В результате все рано разошлись по своим покоям.

Но маркиза не дала сыну вдоволь насладиться первой и такой неожиданной победой. Она тут же явилась в его комнату в сопровождении столичного светила косметической магии и в ультимативной форме передала любимое, но «безобразно неухоженное», по ее словам, чадо в умелые руки эрэара Кустимоса. Так что следующую потенциальную супругу маркиз невольно встретил в самом сияющем здоровьем и светским лоском виде.

Встреча с молодой баронессой Шайм произошла случайно. Андэр намеревался с самого утра сбежать на конюшню, где его ждал Свободолюбивый — великолепный боссопорский жеребец вороной масти. К своей досаде, маркиз умудрился выйти из дома как раз в тот момент, когда перед входом в особняк остановилась запыленная карета — должно быть, леди Шайм так торопилась в «Олений бор», что не останавливалась в дороге даже на ночлег. Что ж, у нее получилось даже лучше, чем она могла на то рассчитывать: гостья наверняка решила, что маркиз вышел встретить ее лично.

Баронесса оказалась миловидной светловолосой девушкой с приятными манерами. Было видно, что ей понравился хозяин поместья. Она окинула взглядом его высокую фигуру с широкими плечами, задержалась на сверкающих в свете утреннего солнца пышных темных волосах и мельком, чуть покраснев, но взглянула на узкие мускулистые бедра маркиза, прекрасную форму которых подчеркивали охотничьи штаны из оленьей кожи тонкой выделки.

К великому сожалению, Андэру пришлось отложить встречу с любимым жеребцом и посвятить баронессе какое-то время. Позже его план сбежать из дома нарушила матушка, которая привлекла своего «очаровательного бездельника» к устройству будущих мероприятий, коими намеревалась развлекать многочисленных гостей. Последних в доме все прибывало.

Барон и леди Синегад, баронесса Шайм со свитой, младшая дочь герцога Улука в сопровождении старшей сестры, к счастью маркиза, уже замужней. И это были только первые, можно так сказать, ласточки. Потому что дальше последовали павлины и стервятницы. Среди хищных птичек особо выделялась жгучая и темпераментная красotka Дамира Айлайр, внучатая племянница императорского советника. С ее появлением в особняке воцарилась атмосфера перепуганного курятника, разве что перья по воздуху не летели... пока. Но невесты и сопровождающие их компаньонки-родственницы-служанки-мамки-няньки и барон Синегад заматились по старинному дому, как несущки при виде лисы. Сам же маркиз на пару секунд даже пожалел, что категорически не согласен жениться. Такую огненную красавицу, в которой он ощущал немалый магический потенциал родной стихии — энергичную, со смелым взглядом чуть раскосых, темных с поволокой глаз, — он мог представить в роли своей супруги. Искушение было слишком велико... если бы не маменька. Внезапно противостояние с родительницей оказалось важнее возможного счастливого

матримониального союза. Андэр просто не мог сейчас принять девушку, которую выбрала для него мать. Хотя у него появилась возможность познакомиться с леди Айлайр поближе...

Андэр не мог не отдать должного усилиям матери — все кандидатки в супруги были из благородных семейств, славившихся древностью рода. Каждая из девушек была по-своему красива, за исключением леди Синегад, конечно. С ней вдовствующая маркиза дала маху.

Маркиз Каларон не без некоторого душевного трепета смотрел на заплывавший стены его «крепости» многоцветный благоухающий десант прекрасных диверсанток. К вечеру он насчитал двенадцать невест! Каждая из них всеми правдами и неправдами стремилась попасться ему на глаза в течение всего этого бесконечного дня...

От многообразия новых лиц у него кружилась голова. Сердце щемило от того, как привольно эти резвые козочки принялись осваиваться в его доме, который он ценил за тишину и покой.

Андэру нравились строгие темные интерьеры «Оленьего бора» — поместья, многие поколения принадлежавшего магам и охотникам. Еще в родовом древе встречались военные, но это было скорее исключением, так как военная карьера по традиции была стезей второго сына, а в роду Каларонов двое детей были редкостью. Может, именно тревога за продолжение рода сподвигла вдовствующую маркизу заняться устройством личной жизни сына? Авантюрный склад характера единственного отпрыска Каларонов ни для кого не был секретом. Скорее уж мать даже не знала всех подробностей опасных приключений сына, так как черпала сведения о них из публичных источников, тогда как его настоящие авантюры были скрыты от глаз широкой публики. Вдовствующую маркизу очень удивили бы многие из умений сына.

— Карри, вы обязательно должны позаботиться об этом *лично!*

Хороший у матушки голос, далеко разносится по коридорам. Заслышав его, Андэр, девятый маркиз Каларон, извлек прихваченные отмычки, с которыми не расставался в путешествиях, но никогда не думал, что ему придется применить их дома. Умелые руки вельможного авантюриста с легкостью справились с замком одной из комнат. Беззвучно ступая, маркиз успел скрыться за дверью пустующих покоев прежде, чем из-за поворота появились вдовствующая маркиза и ее сухая, как пустынная колючка, секретарь.

«Надо же — Дульку зовут Карри...» — про себя хмыкнул Андэр. Для такой чопорной девицы имя было слишком женственным.

— Приставьте двух... нет, лучше трех слуг, пусть они повсюду следуют за маркизом. У него не должно быть ни малейшей возможности для побега! — Дамы прошли мимо затаившегося героя их коварного плана. — Вы лично будете отчитываться мне о его местонахождении каждый час!

— Миледи, я уже направила Куили следить за его сиятельством!

— Кто это? Ему можно доверять?

— О да! Он служащий сыскной конторы из Фардуба.

— Из Фардуба? Так не пойдет! Маркиз достоин наилучшего! Наймите столичных сыщиков. Я желаю знать о действиях Андэра по минутам...

Женские голоса стихли. Маркиз коварно улыбнулся: сыщики? Ну-ну... Пусть поищут его. Маменька и Дулька сами придумали, чем занять все их время.

Андэр потянулся, сбрасывая напряжение, сковывавшее его весь день. Пожалуй, пора как следует размяться: дорога звала его, манила бескрайним простором и горячила кровь.

Ночь, дорога, верный конь — что может быть лучше для стремящегося к свободе мужчины? Маркиз выскользнул из комнаты и бесшумной тенью растаял в сумраке коридора.

Никакая дорога не может доставить удовольствие на четвертый день пути в тряской карете. Особенно если в ней путешествуют деятельные молодые люди, привыкшие к раздолью Приморского края, непрерывному движению и бесконечности сверкающего всеми оттенками синего горизонта. Как бы Лука ни любил сестру, но смотреть на нее по шестнадцать-семнадцать часов кряду было не так легко, как могло бы показаться любящему брату. С момента их последней неудачи в поисках неуловимого опекуна сестра была мрачна и неразговорчива. Она даже не смотрела по сторонам, погруженная в какие-то гнетущие мысли, причин которых Лука не знал. Ему тяжело было видеть практически зеркальное отражение своего лица, но с таким сумрачным выражением, как если бы на него глядел криничный морок — бес из тех, что селятся в глубоких заброшенных колодцах. Любимой забавой такой нечисти было прикинуться собственным отражением неосторожного

человека, вздумавшего напиться темной водицы, да внезапно накинувшись, себе на потеху, утопить утолявшего жажду путника. Криничный морок всегда принимал смурной облик.

Расспрашивать сестру про ее печаль не стоило. Лука догадывался, что Виола винит себя в чем-то. Скорее всего, в том, что они вновь разминулись с маркизом Калароном — прибыли в столицу в тот же день, как он оттуда таинственно исчез. Можно было подумать, что опекун от них специально прячется.

Надутый, как квочка на насесте, высокомерный дворецкий его сиятельства не пустил близнецов дальше порога городского особняка. Этот напыщенный тип, возвышавшийся над визитерами на полголовы, ни разу не взглянул на них прямо, для этого нужно было склонить к ним голову, а дворецкий, должно быть, боялся уронить свой массивный, выступавший на добрых четыре пальца, нос. Единственный взгляд, которым слуга окинул стоявших перед ним молодых людей, заставил близнецов почувствовать, какая грязная и помятая на них одежда, в каком беспорядке волосы, сколько пыли на побитых башмаках. Не выдержав, Виола сама утащила брата в ближайшую гостиницу, где они помылись и переоделись в одежду, купленную по дороге в скромном магазине готового платья.

В особняке Каларонов двери им больше не открыли. Близнецы истратили целый день в напрасных поисках опекуна, даже не отдохнув после многодневной дороги. Те две недели, которые понадобились Луке и Виоле, чтобы добраться в столицу в наемной карете, маркиз провел при дворе. Многие его видели и охотно делились сведениями о том, где он в эти дни бывал, какие приемы почтил своим присутствием, какой камзол надевал и за какими дамами ухаживал. Но никто не мог сказать, куда ему взбрело в голову податься именно в тот день, когда близнецы его, казалось бы, настигли.

Для ра Велладов единственной полезной встречей оказался визит к семейному поверенному маркиза. Мэтр Салиф выслушал близнецов и пообещал связаться с поверенным из Маринвенской бухты, у которого хранилось завещание их отца, чтобы должным образом оформить все бумаги об опеке.

— Процесс этот будет долгим, так как обмен письмами растянется на недели, а то и на пару месяцев, — сказал он. — Очень жаль, что вы потеряли свою копию документов. Но подготовка бумаг — это единственное, чем я сейчас могу вам помочь. Найти его сиятельство вам нужно самим, я не располагаю никакой информацией о его местонахождении или планах. Молодого маркиза я видел только однажды, когда навещал его в «Оленьем бору» для оформления наследства. Кстати, это хорошая мысль! «Олений бор» — родовое поместье маркиза. Рано или поздно он в него вернется — его сиятельство очень привязан к дому. Гоняться за ним наугад не лучшая из идей. Маркиз слывет любителем рискованных приключений и экзотических путешествий.

Посоветовавшись, близнецы решили последовать совету адвоката и на следующее же утро покинули столицу Гевратской империи, их путь лежал дальше на север, к заповедным лесам Алькулонской чащи.

Пейзаж за окном больше не был таким же скучным, как в степных землях на юге, но пялиться на него день-деньской или смотреть на молчаливую и печальную сестру Луке порядком надоело.

— Виола! — позвал девушку Лука. — Что ты сама не своя?

Очнувшись от задумчивости, та подтвердила подозрения брата:

— Никак не могу избавиться от мысли, что наша неудача в столице — моя вина... Возможно, что тогда после боев...

— Чушь! — перебил Лука сестру. — Сделай ты что-то не так, мы бы узнали об этом на следующий же день. Но, как видишь, мы живы, здоровы и при деньгах. — Он с удовольствием похлопал себя по карману, в котором звякнули монеты. — То, что маркиз пропал у нас из-под самого носа, ничего не значит. Нам с ним и раньше не везло.

Девушка поморщилась, слова брата ее несколько не убедили. Если бы он знал все о той ночи после петушиных боев... но она так и не решилась рассказать ему всю правду.

Лука ко всему относился слишком легко. Если Виола много размышляла о произошедшем или об ожидавшем их будущем, то брат лишь смеялся и махал на все рукой, отмечая любые дурные мысли, которые не касались настоящего момента. Воистину такое легкомыслие было счастливым даром. Виола так не могла. Слишком часто испытывала тревогу, предвидя множество подстерегавших их угроз. Вообще по своему характеру, рассудительности, ответственности она в этой паре близняшек казалась старшей сестрой. Впрочем, она и была старше брата — на целых пятнадцать минут.

— А ты думал о том, что он может с нами сделать? Мы же ничего о нем не знаем! Какой он человек? Может, жестокий или любит делать все назло?

— Вот не надо этого! — огрызнулся мигом утративший бодрое расположение духа братец. — Ты опять начинаешь!

— Как ты не понимаешь, найти его — это лишь малая часть!

Лука знал, что Виола права, но не мог так просто признать это и перестать злиться. Они с сестрой редко ссорились. А сейчас в них обоих накопились усталость и раздражение от бесконечной погони за демоновым маркизом, который и трех дней не мог усидеть на одном месте.

Юноше с усилием, но удалось обуздать дурное настроение.

— Мы в любом случае придумаем, как нам выпутаться, Ви. Даже не сомневайся. — Лука потянулся всем телом, прогоняя скованность и уныние. — Вот увидишь, нам сегодня обязательно повезет, мы его встретим и сами во всем разберемся!

Карета резко вильнула, отчего не успевший сгруппироваться Лука полетел на пол. Послышался гневный крик возницы:

— Поберегись!

За окном кареты мелькнула темная — темнее воцарившейся ночи — смазанная тень пронесшегося мимо всадника на быстром как ветер коне.

— Демоново отродье! — прокричал ему вслед перепуганный возможным столкновением кучер. — Глаза ты дома забыл?!

Сидя на полу, Лука, ничуть не смущенный внезапным падением, все так же задорно усмехнулся испуганной сестре:

— Сегодня мы с ним встретимся, в этот раз маркиз от нас не сбежит!

Кучер подстегнул лошадей, и карета быстрее покатила в сторону «Оленьего бора», в то время как вороной жеребец Свободолюбивый по этой же дороге все дальше уносил маркиза Каларона в противоположную сторону...

Тем временем в поместье обнаружили, что никем не замеченный маркиз пропал из дома.

Стараясь двигаться на цыпочках и кричать очень тихим голосом, вдовствующая маркиза изволила предаваться истерике.

— Как он мог?! У нас полон дом гостей! — Вспомнив об этом, маркиза постаралась еще больше понизить тон, чтобы не спугнуть невест. Несмотря на поздний час, в коридорах было полно приезжей прислуги, сопровождавшей кандидаток. Не дай Творец им узнать, в какое позорное положение любимый сын поставил ее своим побегом.

В эту недобрую минуту славный сыщик из Фардуба решился неловко переступить с ноги на ногу, чем тотчас привлек к себе внимание.

— Эри Стиранн! — Тихо рычать у маркизы получалось так же плохо, как и кричать, отчего все присутствующие задрожали еще больше.

— Да, ваше сиятельство, — дребезжащим голосом ответила секретарь.

— Вы рекомендовали мне это ничтожество?!

Смотреть на маркизу было страшно. Известие застало ее, когда она готовилась отойти ко сну, умаявшись за день с приемом гостей, поэтому вдовствующая маркиза была облачена в халат из дорогой ткани, блестящей в отблесках горящего камина. С распущенными волосами вид она имела самый что ни есть демонический. Джурс, и в этот час испытаний оставшийся верным Андэру, с трудом подавил желание сделать осторожный жест, отгонявший нечистую силу. Дворецкому не хотелось привлечь внимание и к собственной подневольной персоне.

Маркиза пристально уставилась на провинившегося соглядатая.

— Ну, и где мой сын?

— Миледи... — Сыщик схватился за влажную от пота рубашку, сжав ее в кулаке; от ливрейного сюртука ему пришлось избавиться еще полчаса назад, когда он окончательно вспотел, с невиданной скоростью обегав поместье в поисках пропавшего из поля зрения маркиза Каларона. — Поверьте, это первый случай в моей карьере!

— У вас больше не будет карьеры...

— Это просто демоно...

— Что?! — Голос маркизы повысился до самой высокой ноты, но она тут же умолкла, с опаской покосившись на двери, за которыми могли оказаться нежелательные свидетели. — Это вы о моем сыне?!

Несчастный фардубский следопыт был готов на месте провалиться сквозь землю, сгореть и утонуть, и все это одновременно. Но даже самая скорая кончина не могла оградить его от ужасной маркизы, которая медленно и как-то совсем нехорошо двинулась в его сторону скользящим шагом, похожим на поступь дикой кошки. Однажды он водил свою маленькую дочку посмотреть на такое животное, привезенное из-за океана. Заморская хищница ходила по клетке точно так же, еще и нервно лупила себя по бокам и лапам длинным хвостом, которого у маркизы не наблюдалось, по крайней мере на виду. Хотя сыщик все равно предпочел бы, чтобы сейчас их с леди Каларон разделяла клетка с такими же надежными и толстыми прутьями, как у той алтуветской кошки.

— Ваше сиятельство, — прохрипел сыщик приблизившейся к нему вплотную маркизе, — милорд не взял с собой никаких вещей! Они все на месте! Значит, он вернется!..

По взгляду маркизы можно было понять, что спасти нерадивую ищейку может только чудо. Сыщик прикрыл глаза, ощущая, как волосы на его голове становятся дыбом.

И тут раздался спасительный стук в дверь.

— Да! — в полную силу рывкнула маркиза, которую отвлекли от жертвы.

— Ваше сиятельство, там прибы-ы-ли-и-и... — Слуга не успел закончить фразы, как, позабыв обо всем, маркиза сорвалась с места. Как была, растрепанная, в развевающемся блестящем халате, она вылетела из комнаты со скоростью мушкетной пули.

Следом за вдовствующей маркизой Каларон побежали все, кто до этого находился в ее апартаментах, даже сыщик, чью безвременную кончину так удачно отсрочил слуга, проводивший растерянным взглядом колоритную группу.

— Прибыли, значит... — пробормотал он, хотя все его слушатели убежали, не дослушав доклад.

Слуга кивнул, соглашаясь с собственными мыслями.

А думал он о том, что неурочных гостей удар хватит, если вся эта толпа на них разом накинется.

Морские ли боги подшутили, но только какая-то из высших сил позаботилась, чтобы Лука вместе со всем своим оптимизмом сел в лужу в прямом и переносном смысле. Мили за полторы до «Оленьего бора» у кареты соскочило колесо.

Это стало последней каплей.

В сердцах Виола колданула так, что ее магия не только вернула на место колесо, но и неведомой силой подняла в воздух кучера и с размаху бросила на его законное сиденье. Вознице только и оставалось, что вновь взять в руки вожжи и кнут да дожидаться, когда его юные пассажиры заберутся обратно в карету, тихо ругаясь на непонятных колдунов.

Было ли деяние Виолы положительным?

Безусловно.

— Нно-о! А ну пошли! — во все горло крикнул кучер и подстегнул лошадей.

В этот раз близнецы устроились на одном сиденье. Виола положила голову на плечо брата и, предвосхищая вопрос, сказала:

— Не могу больше терпеть ни секунды промедления. А ты, если нам не повезет опять, сможешь побуйнить с полным на то основанием.

Согласившись с планом, Лука обнял сестру и подумал: «Держись, „Олений бор“, — мы едем!»

Теперь же близнецы топтались в просторном, но темном холле величественного особняка. Свет от оставленного им слугой зажженного канделябра был не в силах прогнать мрак огромного помещения. В доме было на удивление тихо и пустынно. А ведь при подъезде к особняку Лука радостно отметил горящие окна, и это вселяло надежду, что уж в этот-то раз они непременно

встретятся с опекуном.

Но, как говаривал батюшка: «Надейся на лучшее, а сам держи гарпун под рукой!»

Прихватив оставленный слугой подсвечник, близнецы бродили по холлу, рассматривая поле возможного злодеяния на предмет хрупкости и ценности — если уж буйствовать, то с размахом.

Виола застыла перед большой статуей обнаженной девы, целиком выполненной из дорогого розового мрамора, который корабли Солнечной флотилии под заказ привозили в Геврат аж с востока жаркого Алтувета. Это ж какая глыбища понадобилась, чтобы изваять такую громадину? Хотя статуя девушке понравилась. Несмотря на немалый размер, каменная дева выглядела тонкой, гибкой и божественно прекрасной. Даже жаль, что такое творение заперто в холле какого-то маркиза, где на нее и внимания-то не обращают, скорее всего.

Решив рассмотреть статую получше, Виола вынула из канделябра свечу и обошла величественную фигуру по кругу, поэтому пропустила эффектное появление вдовствующей маркизы с ее обезумевшей свитой.

А вот Лука наслаждался им сполна, с перепугу выронив подсвечник.

Встретившись с мрамором пола, позолоченная бронза громко зазвенела, свечи раскатились по отшлифованному камню и погасли...

В темноте не успевшая затормозить маркиза сбила с ног субливного гостя, а кто-то из следовавшей за ней по пятам оравы еще и потоптался по растянувшемуся на холодном мраморе юноше.

Вдовствующей маркизе тоже досталось — она упала на пол одной из первых. Все произошло так быстро, что, очутившись во внезапной темноте, участники столкновения запаниковали. Маркиза, запутавшись в полах халата, с трудом смогла встать на колени.

Картину крушения мира дополнила Виола, которая обошла статую и неожиданно для всех выплыла из темноты с горящей маленькой свечкой, в свете которой бледное от усталости лицо девушки и разметавшиеся волосы приобрели поистине потусторонний вид.

— А-а-а-а! — От дружного вопля ужаса содрогнулись стены.

Из глубины особняка послышался шум открывающихся и закрывающихся дверей, гул обеспокоенных голосов.

Скандал, приближающийся со скоростью встревоженных гостей, несколько привел в чувство маркизу, до того завороченно уставившуюся на растрепанное привидение, застывшее возле скульптуры, изображавшей юную маркизу в роли Весны — подарок ныне покойного мужа своей красавице-невесте.

Но момент предаваться воспоминаниям был неподходящий.

— Все за статую! Прячьтесь, живо! — прошипела маркиза, сердце которой сжалось от ужаса при мысли, о чем станут говорить невесты и их сопровождающие, если сейчас увидят безобразную сцену в холле.

Ее послушались. Раздались шорохи, приглушенные вскрики и едва слышная ругань — все ринулись к слегка белевшей в темноте статуе и призраку со свечой.

Сыщик первым пробежал мимо Виолы, он двигался так быстро, что загасил единственный источник света. В воцарившемся мраке к указанному месту все добирались кто как мог — большинство, включая вдовствующую маркизу, на четвереньках.

Звуки со стороны лестницы нарастали. Появился свет — то встревоженные гости вооружились подсвечниками и рискнули выйти на шум, однако в нерешительности остановились посреди лестницы.

— Ну как, что там? — спрашивали они вразнобой у Дамиры Айлайр, единственной отважившейся спуститься в холл.

Свечами родственница императорского советника не пользовалась — впереди нее летел огненный шар, освещавший дорогу.

Набившиеся в арку за статуей виновники ночного переполоха напряженно замерли. Потрясенный Джурс подумал, что еще два дня назад он с хозяином прятался в этой же нише от вдовствующей маркизы, а теперь, в том же месте, он прячется *вместе с маркизой*... Какой неожиданный поворот судьбы.

Ошеломленная Виола не понимала, кто все эти люди и почему нужно прятаться, но на всякий

случай послушно замерла в битком набитой нише, едва прикрытой скульптурой.

Помимо близнецов ра Веллад каменная дева на высоком постаменте скрыла за собой вдовствующую маркизу, ее секретаря, невезучего сыщика, двух доверенных горничных миледи, Джурса и лакея из числа тех, кого маркиза Каларон наняла для предстоящих мероприятий. Теперь все эти люди в позах разной степени неудобства с тревогой следили, как разрастается световое пятно: кто-то приближался чуть ли не с факелом, столько света появилось разом.

Огненный шар красавицы-мага был намного сильнее факельного пламени, поэтому ей удалось осветить большую часть холла, и она сразу заметила валявшийся на полу канделябр и разлетевшиеся свечи.

— Что вы видите?! — вновь спросили с лестницы.

Дамира раздумывала долю секунды, а потом встала так, чтобы заслонить юбкой свою находку, после чего слегка обернулась и крикнула:

— Здесь пусто! Ничего необычного! Я еще проверю, а вы можете идти спать!

Для спрятавшихся время текло невыносимо медленно. Выглянуть и разузнать, что происходит в освещенном холле, никто из них не решился. Многие инстинктивно зажмурились и сжались, как будто это могло спасти их в случае разоблачения. Или просто растерявшись под влиянием предыдущей паники. И только Луке было смешно. Он с трудом сдерживался, чтобы не расхохотаться или не чихнуть, так как пряный запах, исходящий от халата дамы, с которой он сидел чуть ли не в обнимку, сильно раздражал его обоняние. Юноше приходилось ежесекундно морщить нос, чтобы сдержать рвущийся наружу чих, отчего веселье накатывало с удвоенной силой.

К счастью Луки, девушка, успокоившая потревоженных обитателей особняка сообщением, что в холле нет ничего необычного, вскоре ушла. Но вместе с пей пропал и свет, отчего группа затаившихся людей вновь оказалась в полной темноте. Это стало последней каплей, и Лука рассмеялся, перемежая приступы смеха частым чиханием:

— Ха-ха-ха, ой! А-апчхи! Не... апчхи!.. могу-у-у, ха-ха-ха!..

Дама в пахнущем халате не оценила веселья, и Лука схлопотал от нее тяжелый подзатыльник, частично пришедшийся на ухо — нелегко отвешивать затрешины, ориентируясь только на звук.

— Заткнись, — сказала она повелительным тоном, пока остальные участники невероятной мизансцены расплзались.

Послышались стоны, охи, ахи и тихая ругань тех, кто так или иначе в крошечной тьме умудрился навредить себе или окружающим. Кто-то звучно приложился головой к мраморному постаменту и громко застонал.

— Джурс! — позвала маркиза. — Вы лучше всех ориентируетесь в доме, добудьте нам свет. Это безобразия должно прекратиться немедленно!

— Слушаюсь, ваше сиятельство! — проблеял дворецкий голосом, полным страдания, так как это именно он стукнулся головой о мрамор из-за того, что кто-то его сильно пихнул, когда он на четвереньках переползал через невидимое в темноте тело и случайно наступил на чью-то на руку.

— Замрите все! — Вдовствующая маркиза на ощупь нашла ушибленное ухо заходившегося смехом Луки и принялась его трепать. — А ты немедленно успокойся!

Юноша перестал смеяться и зашипел от боли, но у дамы в халате была стальная хватка, она отпустила ухо только тогда, когда Лука окончательно затих и перестал раздражать ее непонятным смехом. Впрочем, прекратить чихать он не смог, поэтому отодвинулся от грозной соседки.

Все замерли, не желая навлечь гнев сердитой дамы. Единственным источником звука стал ползающий на четвереньках дворецкий. Вскоре ему удалось выбраться из-за статуи, но дальнейший путь он предпочел проделать не вставая, решив, что в темноте так будет сподручнее и в случае чего ближе падать.

Спустя некоторое время, показавшееся многим бесконечностью, Джурс вернулся с большим подсвечником, в котором горел десяток свечей. Пленники мрака наконец были освобождены от неизвестности, но повергнуты в пучину неловкости, так как вид у всех был еще тот...

Маркиза торопливо стянула полы халата, прикрыв ажурную сорочку, и постаралась пригладить распущенные волосы.

— Так-так, — сказала она, оглядев присутствовавших и заметив среди них двух незнакомых юношей

с одинаковыми лицами, — это кто тут у нас?

Эри секретарь позволила себе крохотную мимолетную улыбочку: опыт общения с маркизой Каларон подсказал ей, что в эту минуту ее госпожа нашла виновников, которым предстоит отдуваться за все события злосчастливого вечера...

Красивая темноволосая женщина неторопливо помешивала чай серебряной ложечкой и пристально смотрела на Виолу чуть прищуренными зелеными глазами, чем нервировала девушку, так как длилось это уже не минуту и не две... Чая близнецам вдовствующая маркиза не предложила, в то время как события последнего часа вызвали у девушки жгучую жажду.

— Так вы, стало быть... девушка, — наконец-то произнесла маркиза, не скрывая своего сомнения и явного неодобрения.

За прошедшие полчаса «дама в халате» успела переодеться, привести в порядок волосы, устроить близнецам допрос и в одиночку выпить чайник ароматного чая.

Близнецы же за это время приобрели еще более несчастный вид: на их коже проявились синяки, одежда оказалась кое-где порванной и грязной, причесать волосы им было нечем, так как все необходимые вещи дожидались их в багажном отделении наемной кареты, а предложить пострадавшим гостям помощь никто не озаботился. Виола подозревала, что в этом был расчет унизить их с братом.

Маркиза изящно отставила фарфоровую чашку.

— Вы не выглядите двойняшками. — Она окинула взглядом обоих и картинно приподняла брови. — При этом вы разного пола.

Виола кивнула, ей уже приходилось сталкиваться с таким предубеждением.

— Так и есть, миледи, — сказала девушка, — мы редкий случай. Врач нашему батюшке объяснил, что такое встречается, но не очень часто.

— И вы решили исправить эту ошибку природы? — Маркиза брезгливо обрисовала пальчиком фигуру гостя, облаченного в мужской наряд — рубашку с порванным воротом, залоснившийся камзол, грязные бриджи, чулки и тяжелые мужские ботинки.

Виола скрипнула зубами и мельком взглянула на брата: тот был на удивление благодушен и спокоен; может быть, тоже представлял, как крушит дорогие напольные вазы, которые близнецы присмотрели в коридоре, когда их вели в гостиную... Эх, дожить бы до возможности расколотить хотя бы одну из них! Виола чувствовала, что ее просто распирает от злости.

Противная маркиза больше не кричала, как там, в холле, говорила негромко, но при этом яд канал у нее с губ. Может, не чай она пила, а восполняла отраву в организме? Девушка с опаской покосилась на большой чайник.

— Пожалуй, я даже поверю, — сморщила носик маркиза, — что вы действительно ищете моего сына как опекуна и не пытаетесь обманом заполучить его в мужа...

Виола не удержалась и презрительно хмыкнула, за что заработала от маркизы гневный взгляд.

«Ого! Так вот что может тебя разозлить... — отметила девушка, — запомним». Виола с некоторым злорадством подумала, что они с братом правильно сделали, не сказав этой спесивой даме о величине своего наследства. Тем больше маркиза будет опасаться «бедных сироток». Ради такого случая не стоило тратиться на платье. Единственное, купленное еще в столице, сейчас лежало в сундуке.

Холодность в зеленых глазах маркизы сменил злой огонь.

— Вынуждена вас расстроить. Вам снова не повезло. Маркиза Каларона в поместье нет, — злорадно улыбнулась высокородная дама.

— Снова?! — Не сдержавшись, Виола приподнялась со стула и тут же рухнула обратно. С ее губ отчетливо слетело грязное ругательство.

Маркиза пришла в восторг:

— Это еще больше доказывает, что вам в «Оленьем бору» не место и причин находиться здесь далее у вас нет!

Лука громко чихнул — все-таки мать Андэра Каларона действовала на него самым раздражающим образом.

Вдовствующая маркиза ошибалась — Андэр находился в поместье. «Спустив пар» с помощью бешеной скачки, блудный сын вернулся в «Олений бор».

Расседлав и собственноручно почистив Свободолюбивого, он напоследок погладил его по умной голове и любопытному носу:

— Не переживай, друг, теперь мы с тобой каждый день будем прогуливаться.

Конь всхрапнул, Андэр засмеялся и отправился в дом.

Воспользовавшись боковым входом для слуг, маркиз незамеченным проник в особняк и прислушался. Внутри царил тишина и спокойствие. Коридоры для прислуги слабо освещались свечами в настенных подсвечниках, пробраться к господской части дома Андэру труда не составило.

Но дальше дело пошло хуже.

Выбравшись в центральную часть особняка, маркиз очутился в крошечной тьме. Вспомнив о нежеланных гостях, наводнивших родовое гнездо, хозяин «Оленьего бора» усмехнулся, решив, что темнота является хорошим средством борьбы с навязанными невестами: «Меньше будут шляться!» Сам маркиз отлично ориентировался во мраке. Он не стал подниматься по центральной лестнице, чтобы не наткнуться на лакеев, которых могли посадить возле нее на каждом этаже, как полагалось по этикету.

А вот на пути к боковой лестнице маркиз с удивлением обнаружил, что коридор ярко освещен — значит, где-то здесь обретались слуги и тот, кому в полночную пору понадобилось столько света... Андэр затаился.

Вовремя.

Тихо, крадущимся шагом, спиной вперед по коридору, по направлению к Андэру, двигался человек. Осторожно, словно боялся спугнуть кого-то в той стороне, которую покидал, поэтому и смотрел именно туда. При этом неизвестный совершенно не заботился об опасностях, с которыми мог столкнуться...

Маркиз напрягся — ничего хорошего такое поведение незнакомца не сулило.

Кравшийся человек вел себя крайне подозрительно, словно опасался чего-то и в то же время явно что-то выискивал, злоумышлял...

Маркиз пристальнее взгляделся в пятывишующую задом худую фигуру с копной растрепанных серебристых волос, и его пронзила невероятная догадка... Он подкрался к незнакомцу, схватил за плечо и, резко крутанув, прижал к себе, после чего склонил голову... прямо к губам юного создания с распахнутыми в удивлении аквамариновыми глазницами...

За дверью гостиной раздался вопль боли и звон — что-то большое и хрупкое покинуло бранный мир, в котором властвовала жестокосердная матушка беглого опекуна.

Дверь резко распахнулась, и в комнату влетел донельзя перепуганный и ошеломленный Лука с вытаращенными глазами на покрасневшем лице. Приданное ему ускорение было так велико, что затормозить юноша смог, только пробежав большую часть комнаты.

Следом за ним на пороге возник тот, кто и придал шкодливому юнцу нужную скорость, — высокий молодой мужчина с широкими плечами, одетый в костюм для верховой езды. Он с трудом дышал, сторбившись и полуприсев, сомкнув ноги в коленях. Его лицо, обрамленное темными кудрями, искажала гримаса боли, а зеленые глаза сверкали от ярости.

— Сынок! — воскликнула маркиза, оторвавшись от терзания побледневшей как снег Виолы.

Девушка в отчаянии прикрыла глаза, надеясь, что зеленоглазый исчезнет, как дурное видение.

Нет. Не исчез...

«Это катастрофа!» — поняла Виола, когда взгляд подозрительно знакомых нахальных глаз перестал буравить растерянного брата и остановился на ней.

Утро маркиза Каларона началось рано и высшей степени беспокойно. Вот он мечется, стараясь спастись, в бушующих аквамариновых волнах, а вот он через мгновение уже стоит возле кровати, нагой, с рапирой в одной руке и огненным шаром в другой, не понимая, откуда ждать удара.

Долго томиться в неизвестности маркизу не пришлось — где-то в доме раздался пронзительный, леденящий кровь женский вопль, от которого Андэр подскочил на месте и бросился к двери, совершенно не осознавая, что на нем нет ни нитки... Поэтому следующее, что он услышал, распахнув дверь в коридор, — всхлип верного Джурса, грохот серебряного подноса да звон разбившейся посуды. Ну, и еще глухой стук — это рухнула в обморок Дулька.

— М-ммми-иии-лоррд... — Глаза дворецкого грозились вывалиться из глазниц.

— Что за крик?! Откуда? — рявкнул маркиз.

— Н-н-невесты, милорд. — Слуга развел руками.

Вывранный из сна таким внезапным образом, Андэр никак не мог прийти в себя и понять, о чем говорит дворецкий.

— Какие еще, к драным демонам, невесты?!

— Ваши. — Джурс вздрогнул от рыка маркиза, который потихоньку начал вспоминать события последних дней.

Дворецкий присел, поднял поднос и начал собирать остатки завтрака, который не сумел донести в комнату вдовствующей маркизы.

Секретарь ее сиятельства стала приходить в себя и тихо застонала.

— Так где... — Андэр не успел закончить фразу.

— В правом крыле, милорд. Крики доносились оттуда.

Маркиз тут же широко шагнул, намереваясь отправиться в указанном направлении.

— Ваше сиятельство, стойте! — Дворецкий преградил хозяину путь. — Вы не можете появиться там в таком виде...

— Разрази меня гром! — До маркиза дошло, в каком первоизданном «наряде» он выбежал из спальни. — Да, как-то я не сразу сообразил... — сказал он, перехватив испуганный взгляд Дульки, таранившей на него с высоты плинтуса. На лице полуобморочной девы бледность медленно сменялась ярким пунцовым румянцем. Закрывать глаза дурочка не сообразила, так и глазела не мигая, пока маркиз с проклятиями не скрылся в своей комнате.

— Пусть их хоть демон жрет — подождут, пока я оденусь! — глухо донеслось из-за двери.

Тут-то эри секретарь и встретила взглядом с дворецким. Что-то было в том взгляде такое, из-за чего молодая женщина наконец-то прикрыла глаза и повторно уплыла в забытие — пусть вдовствующая маркиза и весь мир подождет... девичья скромность дороже.

Галдеж, стоявший в «крыле невест», а попросту в «курытнике», мгновенно стих, стоило Андэру появиться среди переполошенных гостей.

Маркиз был полностью одет, причесан и вооружен. А еще — сверх меры раздражен. За ним по пятам следовала вдовствующая маркиза в сопровождении Джурса. Эри Стиранн, к радости дворецкого, не удалось привести в чувства, хотя он отвел душу, старательно похлопав по щекам эту сующую нос во все щели задаваку. Секретарь морщилась, но держала глаза закрытыми, изображая глубокий обморок под грозные требования маркизы что-то сделать. Джурс перенес эри Стиранн на кушетку в апартаменты ее хозяйки.

— Что случилось? — Маркиз обвел взглядом собравшихся девушек с их служанками и на заднем плане заметил топтавшегося в нерешительности Синегада.

Из толпы гостей кто-то вытолкнул бледную и дрожащую блондинку, Андэр запомнил ее как Сивиллу Лукрень, какую-то родственницу министра финансов.

— Вот ее спросите, это она всех перепугала! — загалдели гости.

Маркиз с трудом удержался, чтобы не выдать своего презрения — что бы здесь ни произошло, но недостойно леди так травить девушку.

Сивилла краснела, бледнела и нервно теребила оборку своего утреннего пеньюара, вполне благопристойного, надо заметить.

— Прошу прощения, ваше сиятельство, — голос девушки дрожал, — меня испугала к-крыса...

Брови маркиза взлетели.

— Крыса?.. Джурс!

— К вашим услугам, милорд! — выступил вперед дворецкий.

— Откуда в доме взялась крыса?

— Низжайше прошу прощения, ваше сиятельство, я никак не хочу смутить леди, но, еще раз прошу прощения, подобное невозможно. — Дворецкий поклонился маркизу и леди Лукренье. — Я лично регулярно приглашаю мага для проверки и зарядки артефактов против вредителей.

— А я говорила, что она все врет! — заверещала нервная леди с небесно-голубыми глазами. Другие девушки ее поддержали.

— Милорд, вы ее о крысе подробнее расспросите, — спокойно и как-то лениво вставила Дамира Айлайр. Она смело посмотрела в глаза Андэру и чуть повела плечом, привлекая мужское внимание к собственному весьма соблазнительному кружевному одеянию.

Маркиз отметил, что в отличие от якобы небрежно надетого пеньюара, несмотря на ранний час, волосы огненной красотки причесаны и тщательно уложены.

— Благодарю, леди Айлайр, — сказал Андэр, вызвав у брюнетки довольную улыбку, от созерцания которой он с трудом смог оторваться... — Так что там с крысой?

Блондинка нервно дернула за оборку, послышался треск ткани, отчего девушка в очередной раз побледнела:

— Крыса?.. Она была фиолетовой, милорд! С жуткими горящими глаз-зам-ми-и-и...

«Что за чушь!» — едва не воскликнул вслух маркиз, но вовремя успел прикусить язык. Недовольных и без него хватало — вон как зашумели. А с его стороны такое замечание прозвучало бы неблагородно. Бедняжка и без того напугана до состояния желе на тарелке у нервного слуги — трясется так же.

Среди злых слов в адрес блондинки явственно прозвучали эпитеты «сумасшедшая» и «пьяная», вызвавшие у девушки слезы. Маркиз почувствовал, что свирепеет. К счастью, вдовствующая маркиза уловила настроение сына и поспешила вмешаться:

— Леди, прошу вас не забывать о приличиях. Некоторым из вас следует обратить внимание на свой внешний вид.

В ответ послышались испуганные восклицания, некоторые из девушек поторопились удалиться в свои комнаты, чтобы позаботиться о достойной прическе и более уместном наряде.

Маркиза взяла сына за руку:

— Андэр, можешь оставить нас. Никакой опасности нет, я сама позабочусь о леди Сивилле.

Маркиз кивнул и поспешно покинул место несостоявшегося сражения.

Вдовствующей маркизе понадобилось десять минут, чтобы разогнать всех по их комнатам, успокоить рыдавшую родственницу министра финансов и отправить Джурса на инспекцию охранных артефактов. Понятное дело, что маркиза не верила в бред про фиолетовую крысу в «Оленьем бору». Это больше напоминало оскорбительную проделку, и маркиза даже подозревала, чьих рук это дело. Чтобы разобраться со злой шуткой, нужно было как можно скорее переключить внимание гостей. Справиться с большинством из них было просто, потребовалось лишь указать на растрепанные волосы и заспанные глаза. Куда сложнее оказалось избавиться от барона Синегада и настырной Дамиры. О ней вдовствующая маркиза впервые подумала плохо, до нынешнего утра матушке жениха девушка нравилась...

— Белинда! — Барон прилипчивой осой вился вокруг маркизы, все пытаясь припасть губами к ее «сладкой ручке». — Вы прекраснейшая из женщин. Я сражен!

В конце концов маркиза Каларон пригласила надоедливого аристократа на чай в одну из гостиных,

перепоручила его служанке, а сама... не явилась.

Леди Айлайр ушла раньше, сразу как почувствовала недовольство маркизы. Поэтому, стоило ожившей от потрясения эри Стиранн появиться рядом с госпожой, ее сиятельство скомандовала ей:

— За мной!

Комната, выделенная наглому мальчишке, устроившему ночью скандальный переполох, была в этом же крыле, в самом конце коридора, в который выходили спальни потенциальных невест.

Вдовствующая маркиза даже не удивилась, что близнецы не явились на шум, устроенный Сивиллой. Это еще больше убедило матушку Андэра в авторстве нового скандального происшествия. Она не стала стучать, просто кивнула эри Стиранн, чтобы та открыла дверь маленькой спальни.

Комната Луки была пуста...

Маркиза переглянулась с эри секретарем.

В любом другом случае сиятельная дама только обрадовалась бы такому исчезновению — близнецов она невзлюбила с первой встречи. Но сейчас ее сжигало желание наказать юных негодяев за неуместный розыгрыш. Поэтому дверь в спальню, выделенную Виоле, маркиза распахнула собственноручно и без вежливого стука. Та с шумом литавр ударилась о стену, придав моменту нужный оттенок воинственного торжества, однако это совершенно не произвело никакого впечатления на тех, кого неожиданный грохот близкого возмездия должен был испугать.

Близнецы спали глубоким и спокойным сном, раскинувшись с двух сторон широкой кровати. Они остались все в той же грязной и потрепанной одежде. Ноги одного из них — маркиза не различила, парень это или девушка — были опущены на пол, как если бы их владелец попытался уйти, но усталость сморила его на месте. Бедовые родственники соприкасались только головами, их серебристые волосы смешались, создав иллюзию странного двухтелого существа с одной головой о двух лицах.

В том, что близнецы не притворяются, очень скоро убедилась секретарь — разбудить ра Велладов ей удалось далеко не сразу.

Первое, что увидел Лука, едва смог разлепить глаза, это атласную туфельку, постукивавшую об пол. Позже он разглядел, что туфелька двигалась не сама по себе, а была надета на ножку, скрытую пышной юбкой из узорчатой ткани. И принадлежала вся эта красота едва сдерживавшей ярость маркизе, сидевшей в кресле напротив кровати. Эмоции женщины были понятны по сжатым губам и прищуренным глазам, словно бы пылавшим изнутри от переживаемых негативных чувств.

— Э-э-э... — Лука с трудом соображал, но решил проявить вежливость. — Доброе утро?!

В приветствии проскользнул вопрос, так как юноша не был уверен, сколько прошло времени с момента, как их с Виолой одолели усталость и переживания. Он поднялся с кровати под непрекращающийся аккомпанемент — в постукивании туфелькой появились нервные ноты, вдовствующая маркиза теряла терпение.

Юноша взглянул на сестру — Виола так и не смогла проснуться, просто перевернулась набок и подтянула колени к груди. Лука понял: что бы тут ни случилось, пока они мирно спали, отдуваться придется в одиночку...

— Я жду! — с угрозой произнесла маркиза.

— А почему здесь? — удивился Лука.

— Что?! — Мамаша опекуна вскочила, сжав маленькие кулачки, совершенно неподобающе леди. — Смеешь издеваться?!

Виола застонала, наверное, силась проснуться, а Лука отпрянул, несколько испугавшись неожиданной агрессии на свой безобидный вопрос.

— Пока не думал... — вновь неудачно ответил юноша.

У маркизы в глазах появилась жажда убийства. Дама сделала шаг вперед:

— Творец свидетель, что ваше поведение вынуждает меня к самому жесткому ответу. — Разгневанная женщина чуть ли не скрипела зубами. — Кара, которую я на вас обрушу, целиком и полностью заслужена, неблагодарные юнцы!

Лука ногами почувствовал, что уперся в край кровати, отступить дальше было некуда.

— Да что такого мы сделали?! — с обидой воскликнул он.

Маркиза чуть не задохнулась от возмущения, даже разжала кулаки и прижала руки к груди:

— Какое бесстыдство! Отпираешься?! Сотворил фиолето... — тут она замялась, подбирая слова, упоминать про крысу ей не хотелось, уж слишком такое заявление отдавало безумием, опыт несчастной леди Сивиллы был тому примером, — фиолетовый ужас и смеешь смотреть мне в глаза?!

У озадаченного Луки от изумления рот приоткрылся, но потом он сообразил, чем таким фиолетовым могла попрекнуть его матушка маркиза-опекуна, которого он вчера знатно стукнул со всей мочи... Неужели там такой ужасающий синяк, что маркиза явилась с утра пораньше? Лука поневоле возгордился. Довольная ухмылка, мельком появившаяся на губах юноши, стала последней каплей, и маркиза пошла в атаку.

Лука проворно вскочил на кровать и перепрыгнул через сонную сестру. У маркизы так ловко не получилось — в запале она ринулась следом за наглецом, но наступила на Виолу. Та закричала от неожиданной боли, при этом спугнув девицу-секретаря, которая намеревалась перехватить юношу. Девица с кислым лицом замешкалась, а Лука схватил со стола кувшин с водой для умывания и бросил ей под ноги, отбивая охоту к охоте, где он был проворным лисом, которого настигала маркиза. Лука извернулся, наклонился, прошмыгнул и... пошел на второй круг, запрыгнув на кровать под возмущенные крики женщин. В процессе Лука как-то позабыл про дверь, через которую мог бы сбежать. Маркиза все не отставала, как привязанная повторяла все маневры легко скакавшего по комнате юноши.

Завершив второй круг, Лука увидел, что секретарь приготовилась перехватить его. Маркиза вновь настигала, поэтому ему не оставалось ничего другого, как белкой взлететь по столбику кровати вверх и устроиться вне досягаемости на раме балдахина. Преследовательница от неожиданности споткнулась, пораженная секретарь схватилась за голову, а Виола наконец-то смогла проснуться и приподняться на кровати.

В таком виде их и застал хозяин «Оленьего бора», внезапно распахнувший дверь спальни. Он обвел взглядом всю сцену, застывшую при его появлении, в конце задержавшись на заспанном лице Виолы. Девушка покраснела и отвела глаза.

— Что здесь происходит? — холодно спросил его сиятельство — сын и опекун. Не такую картину он рассчитывал застать в комнате своей, хм, подопечной...

От взгляда маркиза не ускользнула ни одна деталь: ни перекошенное лицо Дульки, ни залившаяся багряным румянцем матушка с растрепанной прической, ни лужа и разбросанные по полу осколки, ни обрадовавшее его смущение особы, к которой он направлялся с намерением серьезно побеседовать, ни комичное положение застывшего сверху кровати юноши, с каким-то непонятным интересом разглядывающего маркиза в ответ. Последнее Андэру не понравилось: в глаза Лука не смотрел, больше уделяя внимание внушительной фигуре хозяина дома.

— Вижу, матушка, последние полчаса вы провели самым увлекательным образом.

— Андэр! — Маркиза удивила сына заблестевшими слезами, ее стало мелко трясти от резкой смены эмоций. — Я требую, чтобы ты выставил этих... людей из дома! Только пусть сначала извинятся за свою фиолетовую кры... у-у-у... проделку.

Маркиз Каларон изумился:

— У вас есть основания считать, что эти... дети причастны к недавнему происшествию?

Последние слова маркиза были неоднозначно встречены близнецами: девушка явно обиделась, что их назвали «детьми», а глаза юноши засверкали от интереса, он даже подался вперед, рискуя свалиться со своего высокого насеста.

— Кто еще способен устроить такой злой розыгрыш?

— А вы не думаете, что виновницей могла быть одна из девушек? — парировал маркиз в надежде настроить родительницу против приглашенных ею кандидатов.

— Девуше... ик?.. — удивленно пискнула близняшка-подопечная.

Андэр с неудовольствием посмотрел на нее — один демон знает, что она теперь о нем подумает, учитывая обстоятельства их самой первой встречи.

— Это затея маркизы, вы о ней знать не можете. Невесты...

— Невесты? — Аквамариновые глаза округлились, приковав к себе все внимание маркиза Каларона.

Кажется, он снова сказал что-то не то или не так.

— Андэр! — Вдовствующая маркиза не желала смены разговора. — Как ты мог подумать, что благородные леди на такое способны!

Маркиз громко хмыкнул: как будто благородство передается по праву рождения, да самых больших подлецов он встречал как раз среди так называемых «благородных», причем в этом деле леди от лордов не отставали. За примером далеко ходить было не нужно — маменька стояла прямо перед ним.

— А почему вы думаете, что это дело рук моих подопечных?

Андэр впервые так назвал близнецов, тем самым признав, что не собирается отказываться от опеки над ними. Ночью по этому поводу он не принял определенного решения, отложив все до утра, когда рассчитывал прийти в себя от потрясений и физического дискомфорта, доставленного одним проворным юношей, который сейчас наблюдал за ним с самым зачарованным видом.

— А ведь я вас знаю! — радостно воскликнул Лука, невежливо указав на маркиза пальцем. — Точно, я вас уже видел!

«Как скверно!» — подумал Андэр, воспоминания юноши о встрече в Муштивенке были маркизу ни к чему. В тот раз видеть Луку маркизу не пришлось, но раз первая встреча с Виолой произошла именно там, то и ее брат наверняка находился где-то поблизости...

Откровения юноши требовалось как можно скорее пресечь.

— Я вас тоже узнаю — виделись. Вчера. В коридоре. — Маркиз добавил в тон толику угрозы.

Лука дураком не был и тотчас прекратил словесно выражать свой Восторг от сделанного открытия, но в его взгляде появилось лукавство.

— Так в чем нас обвиняют? — Виола стала смотреть только на вдовствующую маркизу. — Что, по-вашему, мы такого совершили?

Девушка перелезла через кровать и спокойно встала перед матерью опекуна, чем совершенно обезоружила ее.

Вдовствующая маркиза прикрыла глаза, собираясь с мыслями и справляясь с эмоциями. Андэр видел, как сложно ей это дается, но с помощью не спешил. Ему пришло в голову, что оставить близнецов в доме будет отличной идеей: сами того не ведая, они послужат оружием в борьбе с излишней материнской заботой, а там, может, и до невест доберутся...

— Я желаю, чтобы вы с братом сознались, чем занимались сегодняшней ночью!

— Это просто, — уверенно сказала Виола, — мы разговаривали, а потом нас сморил сон.

— И больше ничего? — Маркиза попыталась смутить девушку, но никакого успеха не достигла.

— Клянусь честью! — Виола подняла руку, сложив пальцы в «волну» — особый жест, принятый между клянущимися моряками и заключающими сделки морскими торговцами.

Андэр улыбнулся: было очевидно, что девушка не врет. Но никакой особый жест, никакие слова не могли перебороть предубеждение маркизы.

— Всего лишь пустые слова. — Упрямства леди Каларон было не занимать.

— В таком случае ваши неясные обвинения тоже только слова!

Среброволосая малышка нравилась маркизу все больше. Он едва ли не с улыбкой глядел, как она пикируется с его матерью.

— Не имею такого обыкновения!

— Я тоже не бросаю слова на ветер!

— Дерзкая... пацанка! — не выдержала маркиза.

— Этого вы еще не проверяли! Вдруг и этим моим словам нельзя верить?!

— Да я...

— Довольно! — Маркиз решил прекратить кошачий концерт, пока он не перешел в побоище. Что-то у матушки нынче совсем худо с самообладанием. Нельзя, чтобы она позорилась и дальше, потом

сама же этого свидетелям не простит.

Женщины замолчали и повернулись к маркизу. В глазах матушки Андэр увидел жажду убийства — близняшка довела-таки ее своим норовом.

— Спор зашел в тупик. Не вижу смысла продолжать выяснения до тех пор, пока Джурс не проверит все артефакты. Тогда и будем гадать, откуда здесь взялась крыса.

Маркиза застонала, досадуя, что Андэр проговорился о вредителе, а Лука сверху заинтересовано переспросил:

— Крыса?

На лицах близнецов отразилось искреннее удивление. Они переглянулись. Андэру было очевидно, что подопечные не притворялись — что бы там ни увидела леди Лукрень, близнецы были совершенно ни при чем.

— Миледи, — Андэр обратился к матери, — я обещаю, что мы сегодня же во всем разберемся. А пока давайте оставим этих молодых людей, пусть приведут себя и комнату в порядок.

Против этого вдовствующая маркиза возражать не стала. Но напоследок одарила ра Велладов грозным взглядом.

За маркизой ушла перепуганная Дулька. Сам Андэр задержался, чтобы спросить Луку:

— Помочь спуститься?

Юноша замотал головой:

— Я сам, спасибо!

Маркиз кивнул и вышел, оставив брата и сестру одних.

Лука рассмеялся и проворно слез, оставив свой не только спасительный, но, как оказалось, довольно пыльный насест. Виола только покачала головой — теперь на одежду брата было страшно смотреть. Луке же было все равно. Он небрежно смахнул самый большой клубок пыли, оставив на рубашке еще один серый след.

— Ты представляешь, я вспомнил, где видел этого маркиза! Помнишь, рассказывал, как делал ставку на нашего петуха? Так вот, он тот мужик, за которым я пристроился, чтобы пробраться к арене! Одет был как бродяга, вот я и не узнал его сразу. Уж очень он тогда на атемо смахивал.

Виола задора брата не поддержала, чем сильно его расстроила.

— Чего ты?

Сестра махнула, сглатывая комок в пересохшем горле. Лука смотрел участливо, и ей показалось, что это удачный момент наконец-то признаться ему в том, что произошло в проклятой Муштивенке. Но...

Виола внезапно поняла, что до ужаса не хочет рассказывать брату о своей первой встрече с маркизом. Раньше с ней такого не случалось. У них с братом не было тайн друг от друга ни в чем...

— Ви! — Лука подошел вплотную и принялся похлопывать побледневшую девушку по щекам. — Скажи что-нибудь! Что с тобой? Ви!

Виола поняла, что не дышит, и тут же со всхлипом вдохнула, закашлявшись.

— Прости, Лу... — сказала она, так и не признавшись, что извиняется не за то, что испугала его. — Я, пожалуй, присяду.

Брат помог ей и тут же устроился на кровати рядом. Он сжал руку сестры и участливо заглянул в глаза, словно опасаясь, что она вот-вот лишится сознания. Виола избежала этого взгляда, потупившись.

— Ну, хоть порозовела, — сказал брат, заметив, что на щеках девушки появился румянец.

Виола покраснела сильнее, чувствуя себя ужасно виноватой перед братом. К счастью, Лука легко менял настроение. Вот и сейчас он перестал тревожиться и принялся сыпать предположениями:

— Эта ведьма тебя так испугала? Как она ворвалась в спальню! Не понимаю, почему она считает нас виноватыми? — Лука соорудил забавную мину, пародируя выражение лица разгневанной

маркизы.

Девушка слабо улыбнулась:

— Думаю, что она вообще против нашего присутствия в этом доме. Трясется над своим сыном, как над хрустальным яйцом.

— Да! — Лука рассмеялся. — Знала бы она, как я ночью стукнул его по этим самым яй... хм!.. ну, как раз по самому дорогому, ха-ха-ха!

Но Виола веселья не поддержала, наоборот, встревоженно спросила:

— Что ты с ним сделал? Зачем?!

Брат не сразу смог ответить, его душил смех. Но в конце концов он рассказал о ночном конфузе маркиза.

— Представляешь, подкрался ко мне, когда я примерялся к вазе, к одной из тех — ну, ты поняла... — Глаза брата задорно сияли. — Только я решился и протянул руку, как кто-то схватил меня за плечо. Я чуть из башмаков не выпрыгнул! А он меня как крутанет! Гляжу — мужик. Близко так... И сразу ко мне с поцелуем полез! По крайней мере я так подумал. Ну и стукнул его коленом... по чему пришлось. А потом еще и на ногу наступил... — Смех Луки потихоньку стих при виде того, как глаза Виолы наполнились ужасом. Но и сейчас юноша не разобрался в чувствах сестры. — Ви, ты не подумай ничего! Он меня не поцеловал! Ничего не было!

Виола смотрела на брата остекленевшим взглядом: поцелуй!

Маркиз решил, что это она и собирался ее поцеловать! Морские боги!

Теперь она точно не сможет рассказать брату о том, что произошло между нею и маркизом той ночью в гостинице!

Только бы маркиз промолчал... Стыд-то какой! И что он о ней теперь думает?..

Не зная о страхах сестры, Лука все не умолкал, тревожась о вчерашних событиях:

— Мы так и не решили, достаточно ли сделали, чтобы вернуть равновесие?

— Кажется, ты хватил лишку, — пробормотала Виола, переживая о маркизе.

— Думаешь, из-за этого нам устроили такую побудку? — Лука забрался на кровать с ногами, прямо в башмаках, все равно постель уже ничто не могло спасти.

— Возможно... — Виола потерла лоб, пытаясь собраться с мыслями, которые упорно роились вокруг образа зеленоглазого мошенника, которому она отдала свой первый поцелуй.

Почему-то с того поцелуя у Виолы появилось ощущение, что мир стал невероятно сложным и хрупким. Каждый день она чувствовала себя канатоходкой, балансирующей на одной ноге над пропастью, заполненной прозрачными острыми пиками. Виола боялась двинуться, опасаясь рухнуть вниз на стеклянные острия, но и совсем замереть у нее не получалось. Тревожные чувства, родившиеся в ту памятную ночь, овладевали ею все больше. Новая встреча и ее нынешнее положение подопечной делали ситуацию еще более опасной. Виола предчувствовала, что все закончится катастрофой. В любом случае забыть о происшествии в «Лебедином клине» ей больше не удастся, хотя она на это надеялась все дни, проведенные в дороге, уводившей все дальше от смущавшего душевное спокойствие мужчины. Вот так увела... прямо под крышу его дома.

— С чего вдруг они вообще придумали про эту крысу? — Виола наконец смогла сосредоточиться на происходящем.

Будь любопытство костром, он бы сейчас вспыхнул до небес, так загорелись глаза Луки при упоминании о фиолетовой крысе.

— А если она действительно существует? — спросил он. — Было бы здорово ее изловить!

— Ага... — без энтузиазма отозвалась Виола, — и науськать на маркизу. Пусть еще побегаёт.

— Мне тоже понравилось! — Лука раскинул руки, словно хотел обнять весь мир в благодарность за такое интересное утро. — Хорошо бы, если нам уже можно колдовать. Думаю, что без магии такую крысу не поймаете.

— Потерпи до обеда, чтобы уж наверняка. Может, это еще не все неприятности на нашу голову, — мрачно сказала Виола.

— Вот еще! После обеда она может потеряться.

— Кто? Фиолетовая-то крыса?! — Сестра шутливо щелкнула Луку по носу. — Это вряд ли! Скорее уж ее и в природе нет — это всего лишь видения маркизы. Или она нас так оговорить пытается...

Лука нахмурился — расставаться с идеей о поимке такого интересного существа он категорически не желал. Это же сколько всего можно придумать, если у него будет такой питомец!

Безжалостная Виола не дала брату далеко унести в мир фантазий:

— Крыса не важна, — вот тут бы Лука с сестрой поспорил, — меня интересует другое. Если маркиз был в Муштивенке одновременно с нами, то как он в то же время мог посещать балы в столице?

Глаза младшего из близнецов округлились.

— Ого! Да ты права! Как он такое провернул?

— Или же кто был в столице вместо него?

— Неужели... — Лука понизил голос и огляделся, нет ли тут лишних свидетелей, — у него есть тайный близнец?

— Да ну тебя! — Впечатленная предосторожностью, с которой брат высказал свое предположение, Виола треснула его по макушке. — Придумаешь тоже... А маркиза, значит, не в курсе, что у нее два сына?!

— Я только предположил. — Лука потер голову. — Не могла не так сильно ударить?

— Ты еще не так заслужил! — Виола решительно встала. — Есть у него двойник или нет, но мы непременно раскроем его тайну.

— А то! — Лука вскочил. — Но только после того, как поймем крысу!

Виола наконец-то рассмеялась. Непонятные смутные чувства отступили, все стало как прежде. Она с Лукой вместе, и собирается на «дело»... Такая проказа была как раз в их духе.

Да помогут им морские боги!

А маркиз... она с ним как-нибудь договорится, что ничего между ними не было. И тогда все это дурацкое волнение прекратится. Все вернется на круги своя...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

в которой начинается охота

Общий обед пока был самой худшей идеей вдовствующей маркизы. Андэру стоило больших трудов изображать гостеприимство на протяжении полутора часов, во время которых атаки на его самообладание не прекращались ни на минуту.

Первой начала матушка, представив собравшимся за столом леди близнецов, как «пока что подопечных моего сына». Ядовитый тон вдовствующей маркизы не оставлял никакого сомнения в том, что ра Велладам в поместье не рады, а ее слова почти прямо говорили соборщице ревнивых девиц: «Ату их!»

Сами близнецы были одеты в плохо подогнанную одежду, не отличавшуюся ни материалом, ни красотой, что, в свою очередь бросало тень на самого маркиза, как на их опекуна.

Андэр восхитился маменькой — вот так, в один ход, нанести удар сразу по двум противникам. Ничего удивительного, что Луку и Виолу посадили рядом с блондинкой, превратившейся в парию после устроенного утром переполоха. Это произошло так быстро, что маркиз даже не успел рассмотреть подопечную. В платье он видел ее впервые. Когда Виола накинулась на него в гостинице, на ней была мужская одежда. Он тогда сразу и не понял, что перед ним девушка. Теперь же Виола была скрыта от его глаз длинной чередой девиц и бароном Синегадом, во все стороны вертевшим острым, как шило, носом. Кажется, этот бледный представитель местной аристократии имел какие-то виды на вдовствующую маркизу, что натолкнуло Андэра на интересные мысли...

Вопреки дурным предчувствиям хозяина дома Сивилла Лукрень от недостатка внимания не страдала. Узнав, что именно она пострадала от явления таинственного грызуна, близнецы забросали девушку вопросами. Сивилла тут же чуть не расплакалась, так как подопечные маркиза Каларона оказались единственными, кто поверил ее словам и не обозвал сумасшедшей.

— И она была такого огромного размера? — все переспрашивал впечатленный Лука.

— Да! А еще у нее сверкали глаза. — Блондинка настолько увлеклась искренним интересом слушателей, что, позабыв о манерах, принялась размахивать вилкой с наколотым на нее куском мяса по-картавольски, истекающего жирным соусом. — Она так на меня посмотрела этими своими красными глазницами! Клянусь, в них полыхал настоящий огонь!

В глазах Луки огонь полыхал не меньший, в своем воображении он уже изловил крысу сотней разных хитрых способов. Его даже не смутили капли соуса, попавшие ему на лицо с вилки белокурой соседки.

В отличие от юноши, некая Вирита Амо, сидевшая за Лукой, хотела возмутиться, так как от соуса пострадало ее платье. Она даже повернулась в сторону говорунов, которых до этого старательно игнорировала, но безобразное поведение юноши — он стер соус со щеки и тут же беззаботно облизал пальцы — заставило ее, поморщившись, молча отступить. Что толку затевать перепалку с такими невежами, только собственную репутацию порочить...

Виола наклонилась к Сивилле:

— Покажете нам, где вы ее видели?

— Да, на месте, может быть, еще какие-нибудь детали припомните, — сказал Лука, приблизившись к блондинке с другой стороны так, чтобы, кроме них троих, больше никто ничего не слышал.

Личико Сивиллы скривилось.

— Там, где я видела крысу? — Леди Лукрень совсем не хотелось вспоминать дополнительные подробности, она и от уже высказанных была в ужасе. Но мольба в аквамаринных глазах новых знакомых была такой трогательной, что девушка сдалась. — Хорошо, но только поздно вечером, когда все разойдутся по своим покоям. Не хочу, чтобы меня вновь там увидели и опять говорили...

Заметив, как девушка испугалась, Виола пожала ей руку:

— Не волнуйтесь, мы будем с вами!

Лука энергично кивнул, подтвердив слова сестры. Вид у близнецов был до того забавный и в то же время уверенный, что Сивилла поддалась невольному чувству, что в этом далеком от ее родного дома поместье у нее появились друзья.

Увидев знакомую фигуру с серебристыми волосами, елозящую на коленях туда-сюда по полу, Андэр решил, что его матушка таки договорилась с самим Творцом или вовсе прокляла сына, так как его вторая попытка переговорить с Виолой с глазу на глаз в этот момент терпела неудачу. Попыток ошеломить кого-то из близнецов он теперь не предпринимал: прошлой ночью крепко усвоил урок, что не всякая девочка, переодетая мальчиком, и вправду переодетая девочка. Порадовавшись, что столь поздний час «этаж невест» плохо освещен, маркиз затаился за тяжелой портьерой одного из окон, идущих вдоль этой части коридора.

И вовремя. С другой стороны коридора появилась Виола. Она по-прежнему была в платье, но вела себя не менее странно, чем ее ползавший на четвереньках брат. Девушка скользила вдоль стены, на какое-то время застывая возле каждой двери, попадавшейся ей по пути. Затем она склонялась и делала что-то на уровне замка, чего маркиз не видел, потом опускалась на колени и повторяла свои таинственные действия прямо над порогом.

Происходящее Андэру нравилось все меньше.

Что он знает об этих близнецах? Они его подопечные только по их словам... А еще девушка ранее попалась ему в весьма интересном месте. Да и вела себя Виола что сейчас, что тогда весьма и весьма рискованно. Пусть в Муштивенке она неожиданно помогла ему, но кто знает, какие цели преследовала на самом деле.

Похоже, он поторопился, открыв перед близнецами двери своего дома. Впрочем, если его подозрения оправдаются, он сможет реабилитироваться в деле, которое сорвалось тогда на юге...

О нет, избавляться от близнецов нельзя... только не сейчас. А вот присмотреться к ним стоит самым пристальным образом.

К досаде маркиза, воплотить свои планы прямо в этот момент ему не удалось — близнецов спугнули. С противоположной стороны послышался шум, и юные авантюристы тут же умчались в направлении своих комнат. В коридоре появилась вдовствующая маркиза со своей чопорной спутницей. Дулька радовала глаз до скрипа натянутыми волосами, немилосердно закрученными в прическу, которая и послужила ей прозвищем. К тому же у мамашиной спутницы не только волосы были стянуты, ее неестественно прямая осанка выдавала, что девица переусердствовала с корсетом и шнурами. Маркиз усмехнулся. Не случайно эта «темная лошадка» так себя сковала. После утреннего проишествия такой показной строгостью девица-секретарь старалась вернуть расположение маркизы.

Дулька подошла к одной из комнат и тихо постучала. Не прошло и минуты, как дверь отворилась, и женщины без лишних слов исчезли в комнате одной из кандидаток. Их явно ждали.

Что-то затевалось.

Еще один день в ожидании императорского письма прошел для Андэра почти бесполезно: ни в одном из намеченных дел продвинуться не удалось. И помешала ему, кто бы мог подумать, Дулька! Эта девица могла дать фору любому нанятому ею сыщику. Маркиз с досадой осознал, что зря он с таким невниманием отнесся к жалобам дворецкого. Эри секретарь была вездесуща! Поэтому нынешний вечер Андэр провел в своей комнате, придумывая варианты скорейшего избавления от надзирательницы в очках. То, что все остальные его «проблемы» все это время не сидели сложа руки, маркиза отнюдь не радовало.

На утро матушка запланировала экскурсию в Стайлерсок — маленький городок в трех часах езды от «Оленьего бора». Любимому сыну, как хозяину, вменялось в обязанности сопроводить гостей, решивших ознакомиться с местными достопримечательностями. Хорошего в этой поездке было мало, но Андэр рассудил, что так все противники будут на глазах, заодно можно будет позаботиться о более-менее пристойной одежде для близнецов.

Неясность с подопечными очень его тревожила. Вдгонку к письму, что накануне Андэр отправил в столицу к поверенному, днем пришлось отправить второго гонца с записками к паре доверенных лиц, которым можно было поручить расследовать историю с появлением брата и сестры ра Веллад.

Чем эти юные прохиндеи занимались у комнат невест, узнать Андэру не удалось, в том месте все время было полно народу, к тому же интерес маркиза к обиталищам потенциальных невест не остался незамеченным. Матушка сделала неверные выводы и всю торжествовала, пробуждая в сыне раздражение и досаду.

Утренние приготовления к путешествию затянулись более чем на час. С натянутой улыбкой Андэр изображал заботливого и терпеливого хозяина при незваных гостях. Если расчет вдовствующей

маркизы, задумавшей эту поездку, строился на том, чтобы маркиз лучше узнал девушек и очаровался какой-нибудь из них, то добилась она прямо противоположного результата. «Курятник» проявил себя во всей красе. Чтобы не замечать их едва прикрытые любезностями склоки, нужно было быть слепым, глухим и, мягко говоря, не очень умным. Такие свойства маркизу Каларону не были присущи.

Удерживать на лице благожелательность Андэру помогала фантазия: мысленно он делал ставки на ту или другую леди, ведя счет всем мелким подлостям, которыми девицы осыпали друг друга. Сорвать куш ему помешало долгожданное появление вдовствующей маркизы. Матушка быстро разобралась в своей тактической ошибке и решила дело просто: объявила, что с удовольствием присоединится к экскурсии. Присутствие маркизы внесло нужную ноту рассудительности, никто из потенциальных невесток не хотел настроиться против себя будущую свекровь, поэтому всего через четверть часа кавалькада экипажей мирно покинула «Олений бор». Воспользовавшись случаем, Андэр сопровождал гостей верхом на Свободолюбивом.

Рысь вороного и овевавший лицо ветер рождали в душе маркиза ощущение свободы. От экипажей он старался держаться подальше. С каждой милей настроение всадника становилось все лучше, единственное, что все еще омрачало его, — мысль о долгожданном письме, которое могло прийти с минуты на минуту, но узнать об этом он сможет только вечером. В том, что император откликнется на его просьбу и спасет друга, Андэр даже не сомневался.

За статным всадником следили две пары аквамаринных глаз: одна с тоской — Лука ужасно завидовал маркизу, словно сросшемся с роскошным конем, вторая — с неосознаваемым восхищением. Виола была очарована красотой и мужественной грацией, с которой опекун управлялся с вороным. Темно-серый костюм для верховой езды и белая рубашка, воротник которой виднелся поверх куртки, пошитой на военный манер, чрезвычайно шли маркизу Каларону. С развевающимися на ветру темными кудрями мужчина являл собой весьма романтичный образ.

— Куда вы смотрите? — спросила третья особа, имевшая несчастье оказаться в это чудесное летнее утро в душной карете — единственном крытом экипаже из всей кавалькады.

Лука только тяжело вздохнул — ему так хотелось сейчас быть на месте маркиза. Уж он не стал бы рысать вокруг поднимавшей пыль вереницы повозок, а отправил коня галопом напрямик через поля к темной стене леса.

Виола отпрянула от окна и посмотрела на Сивиллу, сидевшую рядом с братом. Забавно, как девушка привязалась к ним за неполных два дня.

— Сегодня такая чудесная погода, — сказала она. — Такая жалость, что мы вынуждены ехать вместе со всеми.

— Вы не хотите посмотреть на стайлерсокский храм Единого Творца? Говорят, что он один из самых старых.

Виола по-мальчишески фыркнула:

— Вот уж не думаю, что всем так интересно глазеть на развалины!

— Это не развалины, я читала о нем, — горячо возразила леди Лукрень, но собеседница не дала ей закончить восторженное высказывание.

— Могу поспорить, что экскурсия завершится в каком-нибудь шляпном салоне!

Сивилла обиженно надула губы — неприятно, если все так, как сказала подруга, а ставить деньги на собственную правоту девушка не решила бы. С деньгами у нее было не особенно хорошо с того момента, как в их доме появилась молодая хозяйка, занявшая все мысли приютившего ее дяди. Он и без того не отличался щедростью в отношении осиротевшей родственницы. Новая жена довершила дело. Подвернувшийся случай выйти замуж за богатого, молодого и красивого маркиза был для Сивиллы просто подарком судьбы. Но ужасные события первых дней изрядно подорвали ее уверенность.

Поездка в одной карете с близнецами внезапно показалась племяннице министра финансов не такой уж привлекательной, а ведь она ради этого поменялась местами с другой девушкой!

Вдовствующая маркиза смотрела на сидевшего рядом лорда Синегада из-под полуприкрытых век. Навязчивый барон пользовался малейшей возможностью завладеть рукой леди Каларон. Противоположное сиденье занимали леди Айлайр и старшая дочь барона, присутствие которой в экипаже было так же не предусмотрено, как и путешествие в компании ее отца.

— Белинда, какое счастье для девушек иметь перед собой пример настоящей женственности и красоты! Моя дочь Тития не так давно сказала, что если бы не леди Синегад, то я бы — ух!.. стал рабом у ваших ног, позабыв о моей кровиночке!

Маркиза Каларон прикрыла глаза, чтобы не выдать обуревавших ее чувств. Как ей в голову пришла такая катастрофическая мысль пригласить на смотрины девушку из местной аристократии?! Заподозрить эри Стиранн в подкупе она не могла, но почему, о Творец, выбор пал именно на это семейство?! Маркиза планировала прокатиться до Стайлерсока в компании эри Айлайр и леди Лукрень, каким же образом отец и дочь Синегады оказались в одном экипаже с ней? Несомненно, это происки барона...

Выбор желанных спутниц маркизы был неслучайным. Она хотела поближе познакомиться с самой яркой кандидаткой, коей, несомненно, являлась леди Дамира, а также рассмотреть поближе и приободрить самую робкую участницу. В сумасшествие и пьянство белокурой Сивиллы маркиза не верила, по-прежнему полагая, что явление фиолетовой крысы было злой проказой близнецов.

Кандидатуру, навязчиво протезируемую бароном, матушка маркиза Каларона даже не рассматривала. У девушки не было ни внешности, ни характера, а манеры, демонстрируемые родителем, лучше всяких слов показывали, каким кошмаром может обернуться родство с этой семейкой. Кажется, барон упоминал, что помимо Титии в семье есть еще две незамужние дочери? Маркизу передернуло, она даже не смогла скрыть этого. Но барон воспринял все более лестным образом:

— Миледи, вы замерзли! Тития, передай ее сиятельству свою шаль!

Эри Синегад сняла с себя шелковую накидку и протянула маркизе, которая была вынуждена ее принять.

— Благодарю, — еле пробормотала она из-за сведенных от злости челюстей.

Тития улыбнулась, по-птичьи склонив набок голову на тощей шее. Маркиза с удивлением подумала, что в первый раз видит, как эта девушка улыбается. До этого леди Синегад ходила с совершенно постным видом. Но улыбка не смогла украсить ее неприятное лицо с водянистыми глазами навывкате, длинным острым носом и тонкими губами.

«На редкость непривлекательная девушка», — заключила маркиза, но тут эри Синегад смогла ее изумить второй раз за какую-нибудь пару минут, когда обратилась к маркизе с прямым и весьма неожиданным вопросом:

— Ваше сиятельство, как вы планируете поступить с этими... подопечными маркиза? Мне кажется или их пребывание в поместье не приносит никому удовольствия?

Маркиза кинула быстрый взгляд на леди Айлайр — судя по поджатым губам, она тоже не ожидала от бледной немочи баронского рода такого вопроса. Чтобы разобраться что к чему, девицу Синегад надлежало испытать, поэтому леди Каларон деланно вздохнула:

— Ах! Эти близнецы всего лишь дети...

Барон на реплику маркизы никак не отреагировал, продолжая взглядом одурманенной мыши перед алтуветским питомом следить за рукой ее сиятельства, ныне прижатой к взволнованной груди. Но дочь его не разочаровала насторожившихся женщин, явив ум и коварство, ранее скрытые под непрезентабельной оболочкой.

— Не могу сказать за всех гостей, но большинству кажется, что эти молодые люди своим раскованным поведением могут бросить тень на особу его сиятельства, — провозгласила Тития, и маркиза согласно кивнула: эти слова отвечали ее собственным мыслям.

Леди Синегад между тем продолжила:

— И это не самое страшное, ваше сиятельство! Нельзя забывать, что одна из подопечных — девушка!.. Безусловно, она слишком юная и не блещет красотой, а эта ее прическа... — Тития передернула плечами, — просто ужасна! К тому же пусть она путешествовала с братом, который суший ребенок, но и в пути, и сейчас она находится без надлежащей компаньонки. Что скажут в свете, когда узнают, что маркиз вынужден жить в одном доме с опозорившей себя особой! Или того хуже, ему придется самому ответить за испорченную репутацию подопечной! Вся ситуация представляется несколько щекотливой, не правда ли?

Девица Синегад заметила, что сумела взволновать маркизу, поэтому усилила напор и продолжила с еще большей значительностью в голосе:

— Подумайте сами: эта девушка не может сравниться с нами в красоте, но это не значит, что у нее

нет видов на маркиза, она всегда может воспользоваться уловками, чтобы скомпрометировать себя и лорда Каларона!

Только спустя два биения сердца вдовствующая маркиза осознала, что сидит с открытым ртом, как деревенская простушка. Она встретилась взглядом с не менее ошеломленной красавицей Айлайр — похоже, поразила их одна и та же невероятная догадка...

«Неужели эта Тития в самом деле считает себя красоткой?!» — Грудь леди Каларон сжали дурные предчувствия.

К досаде Сивиллы, Виола оказалась права: весь интерес высокородных экскурсанток к осмотру достопримечательностей ограничился взглядом на храм издалека, пока дамы яркой группой переходили из лавки с тканями в салон эрза Мильми, портнихи.

— Какой приятный сюрприз! Восхитительное местечко! — осматриваясь, воскликнула прекрасная, как драгоценная статуэтка, дочь герцога Пиморка, рядом с которой Сивилла чувствовала себя медведицей, большой и неуклюжей.

Леди Пиморк превосходила родственницу министра финансов во всем — в происхождении, манерах, изяществе фигуры, даже светлые волосы у наследницы герцога имели более красивый оттенок расплавленного золота, в отличие от банального желтоватого, как у леди Лукрени. При этом Анхеланика Пиморк не демонстрировала надменность, как многие другие девушки из числа приглашенных в «Олений бор». Сивилла с сожалением вздохнула: если бы не привидевшаяся ей крыса, она могла бы подружиться с леди Пиморк.

По модным лавкам дамы направились после приятного полуденного завтрака, который маркиз и его матушка заказали в ресторанчике на центральной площади Стайлерсока.

Результатом длительной совместной поездки в карете стало то, что теперь Сивилла немного сторонилась близнецов, обидевшись на слова Виолы, поэтому за новыми злоключениями подопечных маркиза она наблюдала со стороны. В любом случае Сивилла ни за что бы не присоединилась к травле близнецов, организованной некоторыми девушками. В этом плане ее особенно поразила дочь барона: всегда бледная и вялая девица оживилась, на ее зеленоватых щеках пятнами проступил лихорадочный румянец, глаза неестественно засверкали. А какие язвительные слова слетали с ее губ! Больше всего эри Синегад нравилось обращаться к одетой в платье Виоле, как к юноше, а к Луке — как к девушке. Под градом оскорбительных слов Виола сумела сохранить невозмутимое выражение лица на протяжении всего завтрака, а вот Лука не смог сдержать ответных колкостей. Сивилла видела, что он вот-вот не выдержит и взорвется.

К собственному стыду, леди Лукрени так и не нашла в себе достаточной смелости, чтобы заступиться за друзей. Слишком свежи были в ее памяти те нападки, которым она подверглась два дня назад. Поэтому теперь Сивилла бросала на близнецов виноватые взоры и старалась идти отдельно от остальных девушек, за исключением леди Пиморк, которая не принимала участия в «маленьких недоразумениях», преследовавших Луку и Виолу.

Среди ярких голубых, нежных розовых и радостных желтых нарядов других экскурсанток скромное серое платье девицы ра Веллад смотрелось особенно жалко. И так было еще до того, как его украсили «случайными» пятнами компота, вина и еще чем-то белым, скорее всего кремом с пирожного. Даже вдовствующая маркиза Каларон вслух заметила, что если кому и надо поспешить в лавку с платьями, так это подопечной ее дорого сына.

Девушки с радостью подхватили идею, поэтому теперь все они разместились в двух залах модного салона. Хотя некоторые из них воротили носики от выставленных на обозрение нарядов, но про себя Сивилла подумала, что у эрза Мильми настоящий талант, ее модели отличались сдержанным и одновременно модным кроем и изящными деталями отделки. Леди Лукрени не далее как пару недель назад видела квадратный вырез, отороченный витым двухцветным шнуром, на платье герцогини Штикар, которая слыла первой модницей империи. В салоне эрза Мильми было представлено аж два платья с таким вырезом и отделкой. Сивилле приглянулось то, что было из ткани нежно-кремового цвета с крохотными белыми листочками, по вырезу которого шла отделка из шелкового жгута, сплетенного из белого и кремового шнуров.

Пока леди Лукрени любовалась нарядом, в салоне началась открытая война, в которой высокородные дамы выступили единым фронтом против сирот ра Веллад. Формальной причиной послужило платье, которое эрза Мильми предложила Виоле.

— Взгляните сюда, леди, думаю, что этот цвет подойдет к цвету ваших глаз и волос, а необычный покрой юбки подчеркнет изящество фигуры самым лучшим образом.

— Изящество фигуры?! — взвизгнула эри Синегад таким тоном, словно ее грубо оскорбили, в то

время как модистка не только обращалась не к ней, но даже не смотрела в сторону дочери барона.

— Леди?! — хмыкнула Дамира Айлайр.

Комора Стифрис зашла дальше всех, вцепившись в платье и потянув его к себе:

— Этот цвет подойдет прежде всего мне!

Тут она ошибалась: нежно-зеленое платье холодного мятного оттенка могло только подчеркнуть синеватый цвет ее кожи.

Эрэа Мульми опешила от такой реакции на свое предложение и невольно сжала руки. Послышался треск — леди Стифрис потянула слишком сильно, и нежная ткань не выдержала...

Раздался дружный вздох.

Вдовствующая маркиза выдвинулась вперед:

— Эрэа простите неловкость леди Стифрис, которая, безусловно, загладит свою досадную неловкость и возместит ущерб. Думаю, что причина в невероятной привлекательности ваших моделей. Прошу, покажите мне, что вы можете порекомендовать для более зрелой дамы. — И маркиза увела модистку, оставив Виолу на растерзание хищных светских дев.

Кольцо невест маркиза стало сжиматься, десять из двенадцати леди сочли возможным принять участие в публичном унижении непонятной девицы, оказавшейся не в том обществе, не в то время... когда у них как раз начался марьяжный гон.

Виола по-настоящему испугалась. Глаза ее горели от едва сдерживаемых слез, а губы затряслись против воли. Никогда в жизни она не оказывалась в такой ситуации! Еще девочкой она смело вступала в схватку с любым мальчишкой, гордилась, что может выкрутиться из самой сложной переделки. Виолу не пугали всякого рода мошенники и мерзавцы, нацелившиеся на ее жизнь или кошелек. Но эти с виду нежные дамочки оказались куда опаснее любого Хитрого Вурца или Шрама, промышлявшего разбоем на большой дороге! Единственное, что пришло Виоле в голову, — ударить кулаком в глаз первую из приближавшихся леди — увы, никак не могло помочь в сложившейся ситуации. Только не так, не перед маркизом! Виола еще этого не осознавала, но в душе она страшилась разочаровать опекуна.

Глаза Титии Синегад торжествующе сверкали. Она бессознательно подняла руки и растопырила пальцы настолько тонкие, что они казались чудовищными костяшками ожившего скелета.

Все стихло. Вот-вот должно было произойти что-то совершенно нехорошее...

И тут раздался оглушительный треск, лучше другого говоривший женскому уху, что у кого-то треснуло платье...

Дамочки обернулись.

Вирита Амо, младшая дочь графа, стояла с наполовину оборванной по шву юбкой, демонстрируя всем присутствующим свои панталоны, аляповато расшитые алыми сердечками. Позади нее нахально ухмылялся Лука. Юноша сложил руки на груди и нарочито притопнул грязным башмаком по оборванной юбке.

— Про тебя-то мы и забыли... — задумчиво промурлыкала леди Айлайр, нехорошо прищутив глаза.

— Зато я про вас — нет! — осклабился юноша.

— А-а-а! — завопила леди Амо, нервная девица с небесно-голубыми глазами, которая первой обвинила Сивиллу во лжи про крысу. До графской дочки только сейчас дошло, в каком неприличном виде она оказалась у всех на глазах.

В салоне эрэа Мульми начался переполох.

Воспользовавшись поднявшейся суетой, Лука выскользнул из обители моды и женской истерики. При воспоминании о пережитых за сегодняшний день унижениях его кулаки непроизвольно сжались.

Чертовы куклы! Решено, он в жизни не посмотрит в сторону ни одной девчонки! Единственная женщина, достойная его любви, — Виола. Вместе и до конца своих дней они будут жить в родной Маринвенской бухте. А может, и отправятся в плавание — сестра мечтала найти родину матери. Приключений на их век хватит. Собственной семьей Виола обзавестись не захочет из-за их

непонятного магического дара, разделенного на двоих. В этом Лука был уверен.

Нехорошо, что он вот так бросил сестру в обществе обезумевших от его проделки дамочек, но Лука просто больше не мог сдерживать обуревавшую его ярость. И без того крепился из последних сил. Всего лишь и сделал, что наступил на подол и толкнул вперед одну из противных девиц.

Ничего, как только кто-нибудь из них решит присесть на один из стульев, им опять станет не до Виолы. Сестричка выдержит, она кремень.

Лука вспомнил, с каким удовлетворенным видом вдовствующая маркиза наблюдала, как девушки окружали растерянную Виолу. Ярость вновь заклокотала в груди. Он прикрыл глаза и невольно выпустил магическую силу, для которой испытываемая им злость послужила направлением...

Лука в ужасе открыл глаза.

О демоны!

Он что-то сделал. Наколдовал. И не знает, что именно!!!

Лука в отчаянии посмотрел на небо — хоть бы все обошлось, растворилось само собой...

Вокруг ничего не происходило. Из салона, от которого он не успел далеко отойти, никаких криков не доносилось, поэтому юноша перевел дух и чуть расслабился. Кажется, пронесло!

Юноша поторопился уйти подальше и свернул в узкий переулок, вившийся между домами. Спустя несколько минут он наткнулся на лавку зеленщика, где соблазнился купить несколько румяных яблок, которые рассовал по карманам до встречи с сестрой, еще одно Лука решил съесть немедленно и тут же вонзился зубами в бочок сочного фрукта.

Погода была все такой же солнечной и тихой. Жители Стайлерсока выглядели степенными, никто никуда не спешил. Какое-то время Лука послонялся по центру, присматриваясь к разным безделушкам. Купил горячий пирожок у дружелюбного булочника, рассказавшего, что завтра в городе ожидается ярмарка.

— Эх! — Лука пожалел, что они не приехали в Стайлерсок на день позже. Но может, завтра получится как-то ускользнуть и побывать на ярмарке.

Настроение юноши улучшилось, он чуть ли не вприпрыжку возвращался к салону, когда его внимание привлекла крупная крыса, шмыгнувшая прямо под ногами. Лука остановился и задумался, что неплохо бы понаблюдать за наглой тварью. Может быть, ему в голову придет какая-нибудь ценная мысль насчет застопорившейся охоты на фиолетовую крысу? Пока ни одна из их с Виолой ловушек не сработала.

Лука свернул за крысой в узкий проход между домами.

До того беззаботная тварь вскоре заметила, что ее преследуют, и со всех лап ринулась дальше по улице. Лука погнался за ней, но она ускользнула, оставив его с носом.

Расстроенный юноша зашагал медленнее, погоня завела его в совершенно незнакомое место. Ход, по которому шел Лука, был извилистым и пустынным, так как тянулся по задворкам. Выбор был небольшой — или идти вперед, или постучаться в одну из задних дверей и спросить жильцов, если откроют, как выйти к модному салону или к городской конюшне, куда отвели лошадей и экипажи. Лука почти решил на второе, как вдруг услышал негромкий женский вскрик за углом одного из домов. Он поторопился туда, чтобы не упустить возможную помощницу.

Шаг у юноши был легким, почти бесшумным, поэтому чужой разговор он услышал раньше, чем успел завернуть за угол и показаться на глаза неизвестным собеседникам, укрывшимся от чужих глаз.

— ...милочка, вы полностью провалили дело в столице, — презрительным тоном высказывал кому-то мужчина, — а теперь смеете мне перечить. Из-за вашей глупости нам пришлось ехать в это забытое Огнебогом место!

Лука замер, не став заворачивать за угол. «Огнебог?! Так это... Они что, из Алтувета?» Инстинкт подсказал юному авантюристу затаиться и подслушать.

— Но... — попробовала возразить женщина.

— Ну нет, никаких оправданий и самодеятельности! — не дал ей больше сказать ни слова мужчина. — Мой источник заверил, что в этот раз нашли правильного человека, и агент, которого мы ищем, входит в его окружение. Вы уже в нужном месте. Осталось только втереться в доверие, очаровать и приручить. По возможности общитесь с кабинетом. Может быть, ваш объект связан с

делами короны больше, чем мы предполагаем. Ищите любые зацепки. Связываться со мной не нужно, я буду наведываться сам тем же путем. Вам все ясно?

Ответа женщины Лука не услышал, должно быть, она кивнула или подала еще какой-то знак, потому что опять заговорил мужчина:

— Расходимся!

За углом послышались удалявшиеся легкие шаги, спустя минуту Лука услышал звуки более тяжелой поступи — мужчина тоже уходил. Юноша рискнул выглянуть и успел заметить худощавую фигуру заворачивающего за угол мужчины среднего роста в неприметной темной одежде и шляпе с широкими полями.

Лука шумно выдохнул. Вот так в историю он попал... Это наверняка были шпионы! Пропустить такое приключение он никак не мог, поэтому побежал за незнакомцем в шляпе.

— Кхм-кхм! — Долговязый парень делано прокашлялся, привлекая внимание маркиза Каларона. Убедившись, что его заметили, он незаметно указал его сиятельству, что им надо поговорить, и скрылся в полумраке конюшни.

Андэр для виду еще несколько минут провел среди экипажей «Оленьего бора». Надобности следить за тем, как впрягали лошадей да готовили повозки к обратной дороге, не было. Всех слуг он знал как проверенных и надежных. Побродив промеж суетившихся конюхов и кучеров, маркиз незаметно исчез, чтобы через какую-то минуту предстать в пустующем деннике перед одним из своих агентов.

— Есть что-то интересное?

Долговязый молодой человек кивнул:

— Да. Здесь, в городе.

— Не томи, — приказал Андэр, прислонившись спиной к деревянной стене. Так ему было легче слышать все, что происходило в довольно большом помещении: любые далекие шумы и голоса отдавались в стене едва заметной вибрацией.

— Три дня назад на окраине обнаружили брошенную двуколку, запряженную парой лошадей.

— Дальше...

— Дело в лошадях. Они были в мыле, сильно уставшие, но бродяга, который нашел двуколку, быстро смекнул и продал все это добро одному не совсем честному барышнику.

— И что барышник?

— Сильно расстроился, когда к утру лошади пали и от них остались лишь высохшие скелеты, — зло ухмыльнулся долговязый.

— Что?! — Маркиз резко выпрямился. — Как такое возможно? Кто это видел?

Долговязый тряхнул головой:

— Я сам видел. Да еще и целителя Цирелиуса вызвал. А трупы мы забрали и спрятали в леднике. Но это не помогло, там какое-то ускоренное развитие тлена, на которое не влияют ни жара, ни холод. К сегодняшнему утру уже и кости распались.

— Значит, магия...

— Несомненно, ваше сиятельство. Цирелиус сказал, что их, похоже, гнали магическим образом, заставив отдать все жизненные силы вплоть до самого источника рождения. Он и сам не представляет, как это можно было сделать. Говорит, что впервые такое в своей целительской практике видит.

Маркиз мрачно задумался.

— А чужаки в городе в это время появлялись?

Долговязый агент пожал плечами:

— Точно не скажу, мы все еще прочесываем окрестности. Но работать сложно: завтра ярмарка, и в город уже несколько дней стекается народ.

— Хорошо. Я жду любых, даже самых незначительных сведений, которые удастся разузнать по этому делу. И вот еще что: мне нужна парочка парней в поместье...

Мужчины простились. Встревоженный Андэр поторопился забрать Свободолюбивого и присоединиться к кавалькаде, встречавшей женщин возле модного салона.

Виола убежала от своих спутниц, как только появилась такая возможность. За последние два часа она пережила сильнейшую агрессию и две истерики разных представительниц нежной половины человечества. Первая случилась из-за оборванной Лукой юбки; причиной второй тоже наверняка стал любимый братец. Случайной жертвой новой проделки явилась леди Синегадина, как ее мысленно прозвала девушка, до сих пор вздрагивавшая от видения жутких растопыренных пальцев, с которыми шла на нее баронская дочка.

Долго бродить по улице Виоле не пришлось — к салону подкатила вереница экипажей. Оставшись без обновки, Виола поторопилась укрыть свое испорченное платье за стенами кареты. Она с удобством устроилась и принялась ждать. Пережитые потрясения и летний зной сморили ее, и она вскоре уснула.

Раскат грома вырвал Виолу из видения, в котором она с хохотом мчалась на коне вслед за вороным, к спине которого приник мужественный всадник, через плечо глядевший на нее светящимися от счастья зелеными глазами.

Парило. На небе появились тучи, но жара не ослабевала. Чувствовалось, что ее вот-вот смочит дождем.

Виола потянулась и зевнула, зажмурив глаза. Дверь кареты внезапно распахнулась, и Синегадина грубо толкнула все еще потягивавшуюся со сна девушку.

— Посторонись!

Виола не успела спросить, в чем дело и почему Тития так беспардонно заняла чужое место, как возле кареты появились другие девушки. Они столпились возле лесенки, мешая друг другу занять место в карете.

— Пропустите! — потребовала Вирита Амо.

— Почему это тебя? — сварливо спросила леди Куприкс, высокая брюнетка с впечатляющим бюстом, который она выставила вперед на манер тарана.

— Я больше всех пострадала сегодня! — Лицо леди Амо покрылось нервными пятнами цвета сердечек на предъявленных публике панталонах.

— Подумаешь! — заявила леди Куприкс. — А у меня сложная прическа, ее совсем нельзя мочить.

— У меня тоже прическа! — подала голос еще одна невеста.

Леди загалдели самым скандальным образом, не желая уступить друг другу возможность спрятаться в закрытой карете от надвигавшегося дождя.

Виола вытаращилась на это «благородное» собрание. Они что же, решили взять штурмом карету, в которой поместятся от силы пятеро? К тому же три места уже заняты. Растерянная Сивилла, одна из тех, кто изначально ехал в карете, замерла чуть поодаль в одиночестве и участия в скандале не принимала. С другой стороны, также в отдалении, стояли вдовствующая маркиза и Дамира Айлайр. Виолу поразил взгляд маркизы, молча наблюдающей за творившимся безобразием, в нем сквозило такое презрение...

Эх, небось потом матушка опекуна опять сделает их с Лукой во всем виноватыми, но Виола не смогла сдержать секундного порыва:

— Ваше сиятельство, — девушка открыла дверцу и спустилась по ступенькам лесенки, — прошу вас. Займите наше с братом место.

Свара стихла, как только Виола обратилась к маркизе. Потенциальные невесты внезапно вспомнили о достоинстве, которое за последние минуты нещадно изваляли в пыли на глазах будущей свекрови. *Возможной* будущей свекрови. До некоторых леди стало доходить, как непростительно и глупо они только что себя вели...

Маркиза Каларон молча приблизилась и одарила Виолу тяжелым взглядом, а затем изящно взошла по лесенке и устроилась в карете.

— Благодарю, — скупно поблагодарила она девушку, больше не взглянув в ее сторону.

«Точно, обвинит во всем нас!» — подумала Виола, отступив от группы застывших невест.

— Скорее займите свое место в карете, — посоветовала она Сивилле, все так же беспомощно хлопавшей глазами. — Если не поторопитесь, ваше место тоже займут.

И в самом деле, воспользовавшись всеобщим замешательством, леди Айлайр последовала за маркизой, что не укрылось от Виолы. «Можно подумать, что тебя туда звали...» — Девушка перехватила направленный на нее взгляд Дамиры, полный скрытого торжества.

Конец спору положило появление маркиза.

— Дамы, прошу вас рассаживаться поживее, надвигается гроза. Если мы поторопимся, у нас есть шанс обогнать ее или обойти стороной, если ветер не изменится.

Только после его слов леди разошлись по своим прежним экипажам.

Пока дамы суетились, занимая места, маркиз Каларон подошел к Виоле.

— Понравилась ли вам прогулка? — спросил он, заставив ее испуганно подпрыгнуть — она не заметила, как он приблизился.

— Ой! — Ее первой реакции на него недоставало элегантности. Виола смутилась и потупилась. — Все хорошо, благодарю вас.

— Мы не успели раньше поговорить об этом, но я распорядился, чтобы траты за все ваши с братом покупки отнесли на мой счет. Надеюсь, вы выбрали себе что-то в салоне?

Виола поежилась, вспомнив визит в лавку эрэа Мультми. Впечатления были столь яркими, что она неожиданно для себя утвердительно кивнула на вопрос опекуна.

— Тогда...

— Андэр! Ты мне срочно нужен! — донесся капризный голос вдовствующей маркизы.

— Извините, вынужден вас оставить. — Маркиз чуть поклонился и направился к карете, в которой томилась леди Каларон.

Виола наконец-то смогла оторвать взгляд от земли и посмотреть во след опекуну. Выглядел маркиз ошеломляюще элегантно, словно и не ехал три часа верхом по пыльной дороге. Залюбовавшись тем, как легко и энергично двигался молодой мужчина, Виола опомнилась лишь тогда, когда один из грумов его сиятельства спросил, собирается ли она возвращаться в поместье.

В распоряжении Виолы оказалось целое ландо, в котором вдовствующая маркиза приехала в город. Барон Синегад не пожелал сидеть с ра Велладами в одном экипаже и сделал попытку сесть в карету. Пока его отговаривали да искали другое приемлемое место, появился запыхавшийся Лука.

— Я уже начала волноваться. — Виола поймала брошенное братом яблоко. — Мм... Вкусное какое!

— У меня есть кое-что, что понравится тебе не меньше! — Глаза брата сияли восторгом.

— Это что же?

— Не сейчас. — Лука с намеком покосился в сторону сидевшего на козлах возницы. — Чуть позже обо всем расскажу. А как ты заполучила это ландо?

Девушка коварно усмехнулась:

— Дала взятку маркизе! Все наши деньги отдала, так что мы опять ни с чем.

— Шутишь! — с опаской воскликнул брат: мало ли, с Виолы станется покушаться на святое...

— А то! — Девушка подмигнула. — Ты пропустил достойную легенды битву за место в карете.

Лука заволновался, что мимо него прошло что-то интересное.

В это время все заняли места в экипажах, и маркиз скомандовал трогаться.

Кучер хлестнул поводьями, и ландо покатило по булыжной мостовой.

Спустя час, когда кавалькада удалилась от города на большое расстояние, гроза все же догнала путешественников.

Дождь начался нечастыми, но увесистыми каплями. Виола смахнула первую из них с носа.

— Не знаю, как маркиз рассчитывал уйти от грозы, но мне кажется, что она следует за нами по пятам даже вопреки ветру.

Лука огляделся. Действительно, ветер дул чуть ли не в лицо, а грозовые тучи угрожающе надвигались с противоположного направления.

— Ви, — зашептал юноша на ухо сестре, — мне кажется, что это я...

— Что ты?

— Я наколдовал что-то. Может, это дождь?

— Что ты сделал?!

— Это получилось случайно! Я ничего такого не хотел! Оно просто выплеснулось, когда я злился из-за салона...

Виола стукнула брата по затылку:

— Почему сразу не сказал?

— Я не думал, что что-то будет! Ведь сразу-то ничего не произошло!

— Дурак! — Виола в задумчивости прикусила ноготь, была у нее такая дурная детская привычка. — Сколько силы ты вложил?

— Не знаю... Много...

— Ох, горе ты мое... Что же мне теперь нужно сделать, как восстановить равновесие?

— А может, ты уже все и сделала. Я потому так обрадовался, что ты наши места маркизе отдала. Думал, как раз подстраховала нас.

— А если этого не хватит?..

Лука беззаботно пожал плечами и подставил лицо прохладным струям припустившего дождя:

— Эх, благодать!..

Маркиз смотрел на дождливое небо отнюдь не благодарным взглядом. Дождь шел всего пару минут, а барон Синегад уже успел жалобами выесть Андэру печень. На девушек в открытых экипажах было страшно смотреть. Если бы маркиз так не рвался домой из-за письма, по уму, следовало переждать грозу в городе. Теперь он оказался кругом виноват.

В пелене дождя показались силуэты построек какой-то фермы — она вполне могла сгодиться как пристанище. Маркиз пришпорил вороного.

Андэру повезло, и хозяева фермы согласились принять застигнутых непогодой путешественников и слуг. Для промокших гостей разожгли очаг в большом зале.

Несмотря на радушный прием и ожидающее тепло, не всем девушкам пришлось по душе скромное жилище. Многие леди морщились — в зале отчетливо пахло домашней скотиной.

Лишившись общества дочери, которая продолжила путь в карете, барон Синегад невероятно расстроился. К досаде Андэра, он избрал маркиза в собеседники и не преминул многократно высказать ему свое раздражение. Избежать сыпавшихся со всех сторон жалоб не было никакой возможности. Только поэтому Андэр не сразу заметил, что среди попутчиков кое-кого не хватает.

— Прошу прощения, лорд Синегад, но есть дело, требующее моего немедленного вмешательства. Я покину вас на несколько минут.

Нужного кучера маркиз нашел в кухне, где тот пил приготовленный хозяйкой грог.

— Леслар!

— Ваше сиятельство! — Кучер вскочил и поклонился.

— Где близнецы?

Возница растерялся:

— А разве их нет со всеми господами?

Маркиз отрицательно покачал головой:

— Будь они там, стал бы я спрашивать? Где ты видел их последний раз?

— Под навесом рядом с экипажем, когда выпрягал лошадей.

Андэр выругался. Что затеяли эти сумасброды? Предчувствие было нехорошим.

— Накинь плащ. Пойдем проверим ландо.

— Слушаюсь, милорд!

Стихия встретила маркиза и слугу сильным ветром и хлещущим с огромной силой холодным дождем. Небо совсем потемнело, гремел гром, и широкие ветвистые молнии время от времени расчерчивали небосвод ослепительными вспышками.

— Ну и погодка, настоящая буря! — прокричал возница, обращаясь к хозяину. — Как бы мы тут не застряли на всю ночь!

Такой расклад Андэра не устраивал, он ускорил шаг.

— Что ж, предчувствие меня не обмануло, — спустя минуту сказал маркиз, когда кучер обнаружил исчезновение ландо. — Проверь лошадей!

Пока Леслар смотрел, какие лошади пропали, Андэр вернулся в дом и оставил распоряжения самому смышленому из слуг, после чего сообщил гревшимся в зале леди, что вынужден их оставить под присмотром барона.

— Окажите такую любезность, лорд Синегад, прошу вас. Только особые обстоятельства вынуждают меня покинуть вас на некоторое время. Надеюсь на ваше благоразумие. Мои слуги в полном вашем распоряжении.

Барон попытался возразить, но Андэр был категоричен:

— Я вынужден отправиться на поиски, тут ничего не попишешь: пропавшие находятся под моей опекой.

Среди дам поднялся недовольный ропот, и Андэр поспешил удалиться.

— Они взяли тех двух лошадок, на которых приехали, милорд! — отчитался кучер. — Все остальные на месте.

Маркиз задумался. Ситуация выглядела скверно.

— Это что ж бедолаги удумали, ваше сиятельство? Разве можно в такую погоду в дорогу пускаться?

— Как видишь, можно... А нам с тобой так и поневоле придется! Возьми у ребят два плаща понадежнее, а я пока договарюсь с хозяевами о лошади для тебя.

Андэр терялся в догадках, что заставило близнецов отправиться неизвестно куда в такую бурю. Но их решение могло стать моментом истины в том, кто они на самом деле и с какой целью появились в его жизни. Сейчас путей у них было не много — по дороге они могли отправиться или назад в Стайлерсок, или в сторону «Оленьего бора». Мчаться в такую погоду по непредназначенным для ландо узким дорожкам среди полей? Нет, не безумные же они... Хотя вера в здравомыслие близнецов у маркиза пошатнулась...

Спустя четверть часа Андэр и Леслар в плащах и одолженных у фермеров широкополых шляпах выехали за ворота. Свободолюбивый гарцевал и нервно прядал ушами, выражая хозяину свое недовольство. Маркиз успокаивающе похлопал вороного по шее:

— Крепись, дружище! Мне самому эта погода не нравится.

— Милорд, — восседавший на флегматичной каурой лошадке кучер поглубже натянул шляпу, — будут еще какие-то распоряжения?

— Смотри внимательно по обочинам, они могли съехать в канаву. Если до города не найдешь паршивцев, то отравись по указанному адресу и передашь мою записку. Там о тебе позаботятся. Как отдохнешь и погода наладится — возвращайся в поместье.

— Будет исполнено, ваше сиятельство. — Кучер чуть поклонился, усилив низвергающийся с небес водопад потоками воды, скопившейся за отворотами шляпы. — Но-о, пошла!

Всадники разъехались.

Стихия разбушевалась не на шутку, тяжелые косые струи дождя без остановки молотили в лицо разъяренного маркиза. Даже всемирный потоп, если таковой был в планах Творца, не смог бы сравниться силой со злостью, овладевшей Андэром.

Едва отъехав от гостеприимной фермы, он потерял шляпу, ее снесло могучим порывом ветра. Плащ давно промок. Свободолюбивый артачился, не понимая, зачем хозяин заставляет его шагать по скользкой дороге зигзагом — от обочины к обочине. Вороной чувствовал отвратительное настроение хозяина, закаменевшей рукой сжимавшего поводья, только это удерживало животное от попыток освободиться от всадника.

Андэр не ощущал пронизывающего холода, в его груди клокотала лава отчаяния и негодования, грозившая вот-вот выплеснуться наружу. Для этого требовалась малость — найти его безрассудных подопечных.

Всю дорогу до поместья, занявшую у него более четырех часов, маркиза мучило видение, как он кладет одну среброволосую нахалку на колени и со всей силы хлещет ее рукой по заднице, которая ни дня не может прожить без приключений, в каждый удар вкладывая беспокойство, растущее по мере приближения к дому. При этом Андэр старался не думать, что радость наказания станет доступна лишь в том случае, если близнецы направились в «Олений бор». О другой возможности он даже думать не мог, так ему было больно от воображаемого предательства.

Близнецы ра Веллад наслаждались каждой секундой пути, не ведая о страданиях пустившихся в непогоду на их розыски мужчин. Ливень удивительным образом напитал детей островной колдуньи. Они ни капельки не страшились свирепствующей бури. Каждую молнию встречали радостными возгласами и смехом — прибывающая сила пьянила похлеще вышата — крепчайшего морского самогона, который близнецам случалось пробовать на родине.

Ничего подобного с Виолой и Лукой раньше не происходило, хотя в Приморском крае случались бури и посильней. Чувство слияния со стихией было настолько острым, что близнецы и подумать не могли, чтобы его прервать. Из-за этого они решились украсть ландо, в котором ехали, и продолжить путь самостоятельно. Решение было мгновенным и понятным обоим без слов. Слаженный дуэт юных авантюристов разыграл все как по нотам: задняя дверь дома не успела закрыться за кучером, а Лука уже выводил лошадей из конюшни.

Устраиваясь на козлах рядом с братом, Виола только плечами пожала и храбро улыбнулась:

— Нас все равно будут ругать из-за проделок в салоне, добавим побег для ровного счета!

Лука подмигнул сестре и направил лошадей со двора. Стихия словно почувствовала, что ее дети нуждаются в ней и стремятся навстречу. Стена дождя отгородила уезжавших близнецов от оставшихся на ферме попутчиков.

Всю дорогу Виола и Лука дурачились, как дети, открывая для себя новые неожиданные грани своего магического дара. Сотрясавший землю гром вторил их смеху. Сила, принесенная рожденной колдовством бурей, не убывала, позволяя близнецам творить немыслимое: когда Лука создал над лошадьми полог, защищавший их от дождя, Виола пошла дальше и завернула каждую из лошадок в гибкий водяной доспех, послушный любому движению.

— Ах так! — вскричал Лука на выдумку сестры. — Тогда я сделаю вот что!

Послушный его желанию водяной полог обрушился вниз, превратившись в мощные крылья на лошадином доспехе. Испуганные животные припустили скорее. Экипаж опасно замотало из стороны в сторону на мокрых булыжниках, которыми была вымощена дорога.

Виола благоразумно поторопилась вмешаться. В Приморском крае зима никогда не была настолько холодной, чтобы можно было приобщиться к зимним забавам вроде катания на санках или коньках. Но в одной из книжек про империю девушка читала о таком времяпрепровождении. Даже видела иллюстрации. Когда ландо стало неуправляемым, Виоле пришлось в голову превратить экипаж во что-то наподобие саней.

Бесконечно податливая вода приподняла экипаж над землей, превратившись в скользкую гладкую поверхность, на которой стояло ландо.

Лука захохотал и взмахнул водяными крыльями лошадей; мгновение, и животные воспарили над дорогой, продолжая перебирать ногами в воздухе.

— Это так красиво, — изумилась Виола. — И быстро.

Брат кивнул и всю доступную силу направил в крылья. Лошади вместе с экипажем и юными колдунами поднялись высоко в воздух и полетели в сторону «Оленьего бора», перелетев и оставив далеко позади медленно двигавшуюся карету, в которой сидели недовольные всем и друг другом маркиза и ее спутницы, изнывавшие от бесконечных жалоб испуганной леди Синегад.

Одурманенные открывшимся могуществом, ра Веллады меньше чем за час домчались в поместье. Луке пришлось изрядно потрудиться, кружа над двором перед каретным сараем, прежде чем близнецам удалось безопасно опуститься на землю.

Ландо они бросили под дождем, а несчастных лошадей распрягли и отвели в конюшню, напоследок хорошенько о них позаботившись. Лука как раз отложил скребок, которым чистил одну из лошадей, когда в конюшне появился заспанный и хмурый конюх.

— Что вы здесь делаете?.. Как... Откуда вы появились?.. — изумился он. Ответом ему стал смех убежавших под дождь близнецов.

В кои-то веки в особняке было тихо и почти пустынно. Брат и сестра незаметно пробрались в комнату Луки, по пути проверив расставленные ранее магические ловушки. Увы, никакой крысы в них не оказалось.

Близнецы переоделись в сухую одежду Луки. Единственное платье Виолы выглядело безнадежно испорченным.

— Даже не знаю, что с ним можно еще сделать, чтобы оно выглядело хуже, чем сейчас...

Лука насупился, вспомнив, как невесты маркиза нападали на сестру. У них-то платьев было вдоволь. А вот у него сейчас был переизбыток силы, а также дурости и обиды. Идея новой проделки возникла мгновенно.

— Ви, а давай-ка мы... — Лука зашептал сестре на ухо новый план. Да такой соблазнительный, что Виола не смогла удержаться, тем более что ситуация сложилась удачно и помешать им никто не мог.

Когда Андэр добрался до поместья, буря стихла. Ливень перешел в мелкий дождик, который уже никак не мог усугубить незавидное положение промокшего насквозь и продрогшего маркиза.

Ни в одной канаве ландо не было, но привратник огорчил приободрившегося было хозяина.

— Никак нет, ваше сиятельство, — покачал он головой, — не проезжали они тут. Что с вами, милорд?!

Андэр почувствовал, как его накрыла раздиравшая сердце боль. Все-таки худшие подозрения оказались правдой. Почему же ему от этого так невыносимо тяжело?

Маркиз едва осознавал, что привратник тянет его с лошади.

— Пойдемте, ваше сиятельство, обогреетесь! Я за доктором пошлю.

— Оставьте! — сказал Андэр помертвевшим голосом и слабо оттолкнул слугу. — Ничего не надо. Я сам доберусь до дома.

Маркиз с трудом освободился от настойчивого привратника и направил Свободолюбивого по подъездной аллее в сторону конюшен, где его ждал сюрприз, вмиг вернувший Андэра в состояние ярости.

В особняк он влетел, с грохотом распахивая каждую из дверей по пути. Но его громкое появление не произвело никакого впечатления, так как и без маркиза в доме хватало желающих похлопать дверями, покричать да гневно потопать ногами. И источник шумного безобразия находился именно там, куда так стремился маркиз, — на «этаже невест», будь они неладны!

Больше всех разорялась дочка остроносого барона. Леди Синегад, чуть ли не завывая, причитала об испорченных платьях и погубленном кружевном белье. Впрочем, суть женской трагедии можно было понять и без слов: метавшиеся по этажу слуги таскали в тазах и ведрах воду, которой еще полно было на полу. Гневной, но более сдержанной Дамире Айлайр вода доставала до щиколоток. Девушка единственная из гостей, кто стоял в воде. Тития Синегад сидела на широком подоконнике и оттуда раздавала ненужные указания, всякий раз, когда уставала завывать.

Двери во все комнаты были распахнуты. Слуги трудились не покладая рук, ликвидируя потоп.

Только сейчас Андэр обратил внимание, что на лестнице, по которой он поднимался, были лужи. На полу коридора слуги сложили барьер, преградив воде путь.

Руководивший спасательными работами Джурс заметил маркиза. Андэр сделал ему знак, чтобы он не привлекал к нему внимания, и показал, что будет ждать на лестнице.

Дворецкий появился спустя пару минут.

— Что здесь произошло?

— Буря, милорд. Похоже, что окно в коридоре было плохо заперто, и в комнатах леди окна остались открытыми. От ветра окно в коридоре распахнулось, и получился сильнейший сквозняк, вследствие чего дождем залило весь этаж. Многие вещи леди испорчены.

— А близнецы?

— Не видел их с утра, ваше сиятельство.

— Я хочу, чтобы мне доложили, как только они появятся.

Гнев Андэра вновь сменился беспокойством: конюх не мог ошибиться, Лука и Виола должны быть в доме. Но куда же эта парочка ходячих неприятностей вновь пропала?

— Вы тут справитесь?

— Да, милорд. Я привлек всех слуг, в том числе тех, кого наняла ее сиятельство.

— Тогда не буду мешать. Не говори, что видел меня. И приготовь все к приему остальных леди. Если дождь вскоре стихнет, то часа через три они будут здесь.

— Будет сделано, милорд.

Андэр замер, что-то припоминая.

— Вот еще что... Мне должно было прийти письмо...

— Вся корреспонденция на столе в кабинете.

Маркиз кивнул:

— Отлично!.. Э-э... Джурс, думаю, что утром нужно пригласить пару модисток, чтобы помочь дамам с новыми нарядами.

— Не извольте беспокоиться, ее сиятельство уже распорядились об этом.

— Передай, что я оплачу все новые платья. Наши гости не должны пострадать от случившегося в «Оленьем бору».

— Будет исполнено!

Андэр без промедления направился в кабинет, где его ожидало письмо императора.

«Увы, мой друг, но я не вправе вмешиваться в ситуацию с твоим браком. Леди Каларон все предусмотрела и заранее вытребовала у меня разрешение. Теперь следует лишь покориться воле твоей матери...»

Маркиз почувствовал, что в голове у него зашумело. Спустя мгновение свет померк — Андэр потерял сознание.

— Смотри, у него письмо, — сказал Лука, склонившись над бесчувственным опекуном. — Интересно, что там такого написано, раз он...

— Не смей!

Виола выхватила таинственное послание раньше брата и от греха подальше свернула его и сунула себе в карман.

— Читать чужие письма нельзя!

Братец скорчил гримасу:

— Да я в качестве помощи! Надо же узнать, что его так поразило!

Привлеченные светом из приоткрытой двери, близнецы обнаружили опекуна лежавшим на полу в кабинете, в котором до того не бывали. А посмотреть здесь было на что — кругом стояли на полу, лежали на полках и висели на стенах всякие диковинки из разных стран. Одну из стен занимала огромная и невероятно подробная карта мира. Лука аж присвистнул при виде всех этих сокровищ, будораживших сердце любого мальчишки. Но потом он заметил письмо...

Виола встала на колени рядом с телом маркиза.

— Это не из-за письма, — сказала она, едва коснувшись ладонью лба Андэра. — Он весь горит.

Лука прикусил губу. Если бы не магия родной стихии, их путешествие под дождем могло иметь такие же последствия.

— Я позову кого-нибудь, — сказал юноша. — Побудь с ним. Сейчас вернусь.

Виоле впервые выдалась возможность так близко и без помех рассмотреть мужчину, заполучившего ее первый поцелуй.

Это странно, но он ничем не напоминал встреченного в гостинице мошенника. Как она вообще могла принять Андэра Каларона за скользкого разбитного типа? Перед девушкой лежал молодой мужчина с благородным лицом воина. Подобные идеальные гордые лики принято высекать в мраморе. И характером маркиз отличался от того наглеца, что облапал ее самым бесцеремонным образом, а затем ссадил с колен и, залихватски ухмыляясь, исчез, на прощанье похлопав по попке.

Тот смазливый мерзавец не преминул бы воспользоваться происшествием в Муштивенке. Будь маркиз Каларон тем мошенником, каким предстал при их первой встрече, скандальный поступок Виолы дал бы ему в руки смертельное оружие против нее и брата.

Но *этот* маркиз Каларон ни словом, ни взглядом не дал понять, что между ними что-то случилось. Если бы он не пытался поцеловать Луку, Виола вообще не была бы уверена, тот ли перед ней мужчина.

Поразительно, как манеры могут изменить человека!

Но что маркиз делал той ночью в гостинице? Кто та женщина и почему она так себя вела? И как маркиз на следующий день смог оказаться в столице?

Столько вопросов, и единственный человек, который может на них ответить, сейчас лежит перед ней. Виола сама не заметила, как приподняла голову опекуна и устроила ее поудобнее у себя на коленях. Ее пальцы запутались во влажных темных кудрях, которые она помимо воли гладила все это время. Опомившись, девушка испуганно отпрянула, едва успев подхватить голову Андэра прежде, чем она могла стукнуться об пол.

Дворецкий и вдовствующая маркиза появились в кабинете как раз в тот момент, когда Виола подкладывала маркизу под голову небольшую подушку, обнаруженную в кресле возле камина.

Леди Каларон выглядела испуганной.

— Джурс, что с ним? — постоянно спрашивала она, пока дворецкий суетился вокруг лежавшего без чувств хозяина.

— Не волнуйтесь, миледи, я послал за доктором сразу же, как мне сообщили о состоянии его сиятельства. Все будет хорошо! Простуда не сможет надолго одолеть милорда. Уверен, завтра же он будет на ногах.

Вопреки предсказанию дворецкого Андэр провалялся в постели больше недели.

Пока хозяин «Оленьего бора» метался между забытьем и горячечными кошмарами, в которых неизменно гнался за кем-то, вдовствующая маркиза Каларон полностью взяла власть в свои руки и принялась наводить желанные ей порядки. В связи с пережитым потопом дел у нее прибавилось, в то время как основная задача — женитьба сына на подходящей благородной девушке — откладывалась до времени выздоровления Андэра. О близнецах она тоже не забывала, никакая их помощь не могла смягчить ее недовольство ра Велладами.

В отличие от Луки, озабоченного охотой на невиданную крысу, Виола склонна была рассматривать воцарение маркизы в «Оленьем бору» как плату за восстановление равновесия. В этом вопросе прийти к единому мнению они с братом так и не смогли. За недели, прошедшие со смерти отца, они с Лукой неожиданно стали слишком разными.

Иногда Виоле казалось, что безудержное веселье и полная беззаботность, которые время от

времени овладевали братом, были его попыткой справиться с чувством утраты.

В своем поведении Виола все чаще стала замечать печаль и рассудительную предусмотрительность, ранее ей несвойственные.

А ведь еще был проклятый поцелуй, посеявший в душе непривычную смуту, справиться с которой она не могла, как не могла рассказать о самом поцелуе. Эта тайна отгородила мысли и чувства Виолы от Луки, с которым она всегда была одним целым. Даже колдовской дар они разделили пополам, хотя отец упоминал, что на острове, где он встретил их мать, ничего подобного не видел. Колдуньями были только женщины.

Еще была буря, давшая близнецам силу и новые способности, которые придется изучить как можно скорее, пока магическая отдача не превратила жизнь близнецов в хаос...

Брат и сестра решили посвятить этому все свое свободное время, которого у них теперь было много: пока опекун был прикован к постели, его матушка перестала звать близнецов к общему столу и как-либо вовлекать в жизнь поместья. Ладно хоть голодными не оставили. Еду им приносили в одну из комнат, в зависимости от того, где они в тот момент находились — у Луки или у Виолы. Ра Велладов все игнорировали. Даже Сивилла перестала заглядывать, окруженная заботой вдовствующей маркизы, внезапно проникшейся к ней теплыми чувствами.

Мстительное обращение маркизы и поведение одной-единешенькой ранее дружелюбной невесты не трогали Виолу. Единственное, что беспокоило, — состояние маркиза, о котором они с братом ничего не знали, так как опекуна полностью изолировали от них. Даже слуги молчали, словно были связаны магической клятвой. Тревога сводила Виолу с ума, и встреча с леди Каларон сделала это чувство еще более острым.

— Дети... — значительно произнесла вдовствующая маркиза, окинув приглашенных близнецов притворно добродушным взглядом.

«Хорошо, что не добавила „мои“, — Виола по достоинству оценила усилия ее сиятельства. — Спасибо, что сесть предложила».

Матушка опекуна в лицемерии пошла еще дальше, предложив изумленным ра Велладам чаю, который разлила лично. Даже блюдо с пирожными пододвинула ближе, предлагая угощаться.

— Пока мой сын болен, я считаю своим долгом взять на себя заботу о вас.

«Мы ее не могли не заметить...» — Виола улыбнулась маркизе с той же искренностью, которую продемонстрировала ее сиятельство.

— Как вы знаете, сейчас в поместье собралась гости, принадлежащие к самому избранному обществу империи...

Эти слова Виола встретила сдержанной улыбкой и мысленным замечанием: «Ага, особенно Синегады!»

— Мне кажется, что мой сын поторопился ввести вас в общество, что, увы, могло, негативно повлиять на вашу репутацию. — «Поэтому ты поторопилась нас чуть ли не запереть!» — мысленно прокомментировала ее слова Виола. — Прежде чем представить вас снова, нужно позаботиться о ваших манерах и подходящей одежде. Вчера в поместье приехала модистка. Я прослежу, чтобы она позаботилась о вашем внешнем виде...

Виола с приклеенной улыбкой деревянной куклы тотчас представила, как на нее надевают дерюжный мешок, испачканный смолой и обваланный в перьях, или невзрачное бесформенное платье вроде тех, что носят низшие жрицы при храмах Единого Творца.

— Также вскоре приедет учитель этикета...

Вот тут близнецы поежились, вспомнив, как ненавидели этот предмет в детстве. Батюшка неизменно отлавливал их и отправлял к учителю под личным присмотром, хотел, чтобы дети умели достойно вести себя в обществе. Наверное, у капитана на их будущее были далекоидущие планы, раз он с детства заботился о благородном воспитании отпрысков да еще записал в опекуны настоящего маркиза...

Виола заметила, как братец лукаво ухмыльнулся. Да, с учителем и модисткой перед ними открывалось большое поле для озорства, если леди Каларон вздумает сбросить маску доброжелательности.

— А как самочувствие его сиятельства? — спросила девушка у матушки опекуна.

Вдовствующая маркиза чуть нахмурилась, раздумывая, чем вызван интерес неугодной девицы к ее сыну.

— Мы так с Лукой испугались, когда нашли его лежащим на полу! — Виола постаралась придать своему взгляду и голосу нужную степень простодушия, чтобы убедить леди Каларон в своей безопасности.

— Мы все молимся, чтобы он как можно скорее выздоровел... — туманно ответила вдовствующая маркиза глухим голосом, вызвав у девушки приступ тревоги, который она постаралась скрыть.

Виола решила не испытывать судьбу и не стала предлагать свою помощь в уходе за маркизом. Худой мир с матерью опекуна был лучше ссоры, в которой все преимущества находились у соперницы — вдовствующая маркиза в любой момент могла выставить их из дома.

Вскоре встреча, пропитанная лицемерием, как бисквит ликером, подошла к концу. Маркиза больше не сказала ничего важного, и близнецы поторопились распрощаться, чтобы отправиться в свое полуофициальное изгнание. Днем они послушно следовали пожеланиям маркизы — не показывались никому на глаза без лишней надобности, покорно дожидались посещения портнихи, не торопившейся обслужить никому не угодных юнцов.

Ночью же у близнецов была совсем другая жизнь. Часть времени Виола и Лука тратили на изучение своих новых возможностей, а также для подновления и усовершенствования магических ловушек. Оставшиеся ночные часы близнецы проводили по-разному. Лука отправлялся исследовать особняк, а Виола... Брату она говорила, что идет спать, а на самом же деле пару часов перед рассветом проводила возле совсем другой постели...

Путь в спальню маркиза Виола нашла на второй день его болезни как раз после разговора с его матушкой, когда поняла, что маркиза ничего не расскажет о состоянии здоровья сына.

Скупые отговорки вдовствующей маркизы не смогли умерить беспокойство девушки, за два дня забывшей, что такое сон. От тревоги она просто не находила себе места.

Каждую ночь Виола уверяла себя, что переживает только из-за чувства вины — ведь это их с Лукой поступки привели к тому, что опекун заболел. Она просиживала возле метавшегося в горячке маркиза, пользуясь новыми магическими возможностями, чтобы охладить пылавшего от жара мужчину. В это время приставленная к его сиятельству сиделка безмятежно спала, отгороженная магическим пологом: Виола предпочитала не рисковать. Из-за угрозы сильно нарушить равновесие она строго контролировала свое вмешательство и не делала ничего, что не перекрылось бы обычными мелкими проделками, без которых Лука не мог прожить ни ночи, бунтуя против сложившихся обстоятельств.

Сначала Виола только охлаждала пот, покрывавший тело маркиза, потом пошла чуть дальше и ненадолго воздействовала на кровь пылавшего жаром мужчины. Вроде бы такое магическое вмешательство чуть добавляло сил больному. Точно определить Виола не могла, так как о врачевании имела весьма смутное представление: они с братом практически никогда не болели, единственное, что постоянно с ними случалось, так это травмы.

Во время визитов девушка присаживалась на край постели маркиза и сжимала его ладонь. В свете свечи она подолгу рассматривала лежавшего в забытьи мужчину. Он всегда успокаивался, когда Виола находилась рядом. Grimасы боли прекращались. Виола с тревогой всматривалась в его безмятежное и расслабленное лицо, сгорая от чувства вины. Если бы не они со своим колдовством и дурацким побегом! Что на них нашло? О чем они только думали?

Видеть этого сильного мужчину таким беспомощным и больным Виола просто не могла, ежесекундно упрекая себя за прошлые поступки. Только чувство вины заставляло ее покорно сносить мелкие издевательства вдовствующей маркизы, невест и слуг.

Ее предположения, что мать опекуна задумала подлость, для виду окружив их с братом показной заботой, полностью оправдались. С разговора в гостиной маркизы прошло три дня, а модистка к близнецам все не шла. Леди Каларон с выгодой использовала отсутствие приличной одежды как предлог для исключения близнецов из общей жизни, еще и подстраховалась, задвинув Виолу, остро нуждающуюся в новой одежде, в самый конец очереди. Если, конечно, леди Каларон вообще договаривалась с модисткой о визите к подопечной сына. К счастью, обещанный учитель этикета также не торопился появиться перед учениками.

Обо всех мелких подколках, скрытых оскорблениях и пренебрежительном отношении Виола даже думать не хотела. Ей стоило больших усилий каждый раз останавливать брата от ответных действий. Лука чувством вины не страдал. Разговор на эту тему посеял между близнецами взаимную обиду.

На пятый день маркиз очнулся. Горячка отступила, но жар все еще владел им.

— Дорогой, — склонилась над Андэром матушка, — ни о чем не волнуйся, у меня все под контролем!

Это ободряющее заявление стало темой новых кошмаров маркиза, все еще с трудом различавшего, где болезненный сон, а где явь.

Впрочем, среди пугавших, а порой и просто ужасных героев его видений случались и чудесные персонажи. Андэру нравилось пригрезившееся серебристое дерево, доверчиво касавшееся его руки веточками, как хрупкими пальчиками. От дерева пахло морем.

Раньше Андэр был очень слаб, чтобы ответить на ласку, но сегодня нашел силы сжать тонкие серебристые веточки. К его огорчению, этим он вспугнул волшебного гостя: дерево обернулось серебряной лисичкой, напоследок пугливо взглянувшей на него чудесными аквамариновыми глазницами. Зверек умчался, оставив Андэра один на один с отвратительным великаном, костлявым, но неимоверно сильным. Встретились они там же, где и в прошлый раз, — в пыточной айхойтра Каирита са Руами, главы тайной службы алтуветского союза. Андэр точно помнил, что убил палача-великана, расплавив оковы в призванном огне и вооружившись длинной иглой, выхваченной из пыточных инструментов. Андэр все еще ощущал то усилие, с каким глубоко вонзил острие иглы в глазницу великана.

Алтуветский палач умер мгновенно, но еще долго стоял, чуть покачиваясь, как башня под напором северного ветра, прежде чем рухнуть перед Андэром, который и сейчас помнил звук тяжелого глухого удара, ознаменовавшего падение костлявого гиганта.

Теперь палач вновь возник перед своим убийцей, напомнив о прошлом мерзкой картиной вытекающего глаза. Великан злобно скалился, радуясь беспомощности Андэра.

Вновь проходить через ад пыток Андэр не мог. Самым надежным средством против восставшего мертвеца, как и против железных оков, всегда служил огонь. И этот огонь у Андэра был в крови. Он обратился к магии, призвал стихию и запылал, отгородившись от страшно закричавшего мертвеца стеной пламени.

Очнулся маркиз на дымящейся кровати весь мокрый. Над ним с кувшином стояла неизвестная женщина с перепуганными глазами. Ее губы тряслись, она не могла сказать ничего внятного, только издавала жалобные скулящие звуки.

Стукнула дверь, в комнату ворвалась вдовствующая маркиза.

— Андэр! Что случилось?! Как ты?.. — Матушка кинулась к нему, своим порывом поразив до глубины души. Это было так не похоже на леди Каларон, которую он знал. Женщина, способная на такую тревогу, не отравила бы детство и юность сына...

Маркиза выглядела бледной, ее одежда была в полном беспорядке, в глазах блестели слезы. Андэр поймал себя на желании принять ее поведение за чистую монету и поверить...

— Сынок, ты мог погибнуть! — Мать присела прямо на безнадежно испорченную, дымящуюся постель и обняла ошеломленного Андэра.

— Миледи, я не знаю, как это произошло, клянусь! Я не спускала с его сиятельства глаз! — Женщина с кувшином принялась кланяться. — Умоляю, простите меня! Он сам внезапно загорелся, клянусь!

— Немедленно позовите Джурса! — холодно сказала маркиза, указав женщине на дверь. — И разбудите горничных, нужно перестлать постель.

Следующее утро для Виолы началось с неожиданного сюрприза: явилась обещанная маркизой модистка в сопровождении помощницы. Все то время, пока с нее снимали мерки, девушка пыталась угадать, в чем подвох — не могла леди Каларон так просто сдаться. Ситуация прояснилась быстро, когда помощница принесла образцы материи...

— Какой фасон предпочитаете? — спросила модистка, разворачивая шерстяные отрезы, все как один неприятного коричневого цвета.

— Вы только из шерсти шьете? — мрачно спросила Виола, подумав о том, что лето в самом разгаре, еще даже не перевалило за половину. — Или здесь настолько холодно летом?

У женщины чуть покраснели уши, а молоденькая помощница, смутившись, предпочла покинуть комнату.

— Ваш опекун... — Виола застыла: неужели маркиз очнулся? — Леди Каларон настояла на том, что платья должны быть практичными и...

— Простите, вы только что сказали: «Леди Каларон»?

— Да, эри.

— Но она не является моим опекуном!

Виола нервно прошлась. Морские боги! Она уже решила, что это нелепое и нечестное распоряжение отдал маркиз!

Модистка — женщина средних лет с усталым лицом и темными кругами от беспокойства и недосыпания вокруг глаз — выглядела смущенной и растерянной. Она не знала, что сказать, и все повторяла:

— Простите, эри!

Виола задумалась: таким способом маркиза задумала унижить ее, но в то же время сама вооружила Виолу средством, чтобы узнать настоящее отношение одного мужчины...

Ух! Даже мысленно Виола не была готова признаться, что ее волнует то, как опекун к ней относится, что чувствует...

А еще ее поразило собственное волнение, вызванное тем, что она будет выглядеть хуже других девушек. Да она никогда в жизни не тревожилась о подобном! С детства о ее гардеробе заботилась няня, оставшаяся при близнецах, даже когда они повзрослели. Уж няня-то знала, насколько скромными были предпочтения юной эри в одежде: чтобы платье было немарким, без рюшей, которые топорщились и цеплялись за что придется, без бантиков — Виола не хотела выглядеть глупой, как остальные девочки.

О! Перед какой дилеммой она нынче оказалась! У близнецов были деньги, Виола могла бы сама оплатить такое платье, чтобы выглядеть достойно на фоне остальных девушек, наводнивших дом. При этом она бы сорвала планы маркизы и последовала своему неожиданному желанию. В то же время еще более скрытое чувство требовало оставить все как есть и узнать об истинных чувствах маркиза.

А еще так она сможет продолжить играть роль бедной сиротки. Вины за этот обман Виола не чувствовала: решение близнецов не раскрывать того обстоятельства, что они наследники знаменитой Солнечной флотилии, было почти спонтанным и поначалу казалось разумным. Но теперь девушке не хотелось быть уличенной в обмане. Впрочем...

— Давайте поступим так, — начала говорить Виола, когда дверь стремительно открылась и на пороге показалась преисполненная чувства собственной важности сухая девица, служившая секретарем у вдовствующей маркизы. Она окинула быстрым взглядом комнату и застывших женщин.

— Прошу прощения, что без стука. Ее сиятельство прислали меня помочь эри ра Веллад с выбором. — Секретарь вошла и прикрыла дверь. — Приступим?

Виола стиснула зубы: маркиза все предусмотрела. Но в приходе ее соглядатая был и положительный момент.

— Как самочувствие нашего опекуна?

Девица холодно взглянула на Виолу, но все же ответила:

— Он по-прежнему болен и не в состоянии позаботиться о вас. Ее сиятельство взяли эту обязанность на себя.

О том, что маркизу стало лучше, Виола так и не узнала.

Лука просто светился от воодушевления. Он проник в комнату сестры спустя минуту, как ее покинули модистка, секретарь и груженная отрезами да альбомами помощница. Брат чуть ли не приплясывал от желания поделиться какой-то сногшибательной новостью.

— Ви, она здесь! — выдохнул он, блаженно жмурясь, как только развалился на кровати, раскинув руки.

— Крыса?

— Ага! — Братец повернулся на бок и подпер голову рукой. — А что от тебя хотели эти гарпии?

— Не поверишь, собираются сшить мне пару платьев.

— Да ну! — Лука недоверчиво хмыкнул.

— Ага... шерстяных...

Лука резко сел:

— Чего?

— Маркиза лично распорядилась. — Виоле было невесело: секретарь маркизы отвергла все предложения модистки, доведя несчастную женщину чуть ли не до отчаяния. Шить нелепый мешок с глухим воротом и двумя вытачками модистке не хотелось. — К концу недели смогу посостязаться с любым чучелом в окрестных полях. Только я лучше их буду подготовлена к зиме.

— Да ну! — воскликнул Лука. — Думаешь, что мы тут надолго застрянем?

— А ты надеешься, что нас отправят домой?

— Ну, было бы неплохо...

О такой перспективе Виола пока не думала. Раньше она бы ухватила за нее обеими руками, но сейчас...

Чтобы скрыть замешательство, девушка принялась разбирать одежду. Под руку попался камзол Луки, который уже несколько дней валялся в комнате. Виола надевала его в ту ночь, когда они вернулись из Стайлерсока. Нужно было его вернуть. Девушка встряхнула камзол и провела по нему рукой — в кармане что-то зашуршало.

— Я обнаружил потревоженную ловушку! — меж тем вернулся Лука к теме, которая более всего была ему интересна. — Уверен, что ее спугнули. Утром я слышал звон и грохот — одна из служанок уронила поднос с посудой.

Виола вспомнила, что письмо, которое только что нашла в кармане камзола, она забрала из кабинета маркиза. Нужно вернуть. Девушка порадовалась, что стояла спиной к брату и могла без помех переписать послание. Если что и способно отвлечь Луку от разговоров о крысе, так это таинственное письмо, которое опекун сжимал в руке, когда свалился в обморок.

— Только она молчит, хотя бледная, — раздосадованно закончил Лука свой рассказ. — Наверняка увидела крысу!

— Тогда у нас есть надежда, что вскоре какая-то из ловушек сработает и мы ее изловим.

Виола бросила брату его камзол.

Для визита к маркизу по непонятной причине она предпочитала надевать свое испорченное платье. Так вышло и этой ночью.

Темные коридоры не пугали Виолу. За прошедшие ночи она хорошо успела изучить путь к комнатам опекуна. В особняке царила тишина, которую ступавшая легко Виола почти не потревожила.

После бури все дни были ясными, по ночам на небосводе царствовала луна, света которой было достаточно, чтобы безопасно спуститься по лестнице.

Вот и двери в хозяйские апартаменты. Виола секунду помедлила, прежде чем взяться за дверную ручку. В этот момент ее всегда охватывала дрожь волнения.

Дверь отворилась почти бесшумно. Виола пересекла темную гостиную и открыла дверь спальни. Там было темно, только свет луны едва пробивался через неплотно прикрытые портьеры.

А вот это было необычно...

Виола прислушалась: похрапывания сиделки слышно не было. За прошедшие ночи этот звук стал привычным.

Виола вернулась в гостиную, более освещенную лунным светом. Ей удалось найти подсвечник и огниво. Она зажгла одну свечу и вынула ее из рожка.

Сиделки в спальне действительно не было. Сердце Виолы затрепетало. Она быстро приблизилась к кровати.

Скрытый драпировкой балдахина, маркиз мирно спал.

Виола прикоснулась к его лбу и почувствовала, что он прохладный. Жар отступил. Вид у маркиза уже не был таким бледным, как в прошедшие ночи. Виола облегченно выдохнула.

И все же... Даже если маркизу стало лучше, отсутствие сиделки настораживало. Возможно, что пожилая женщина только вышла и вскоре вернется?

Виола благоразумно решила не задерживаться — проведала и ладно. Вот только письмо оставит.

Она извлекла сложенную и несколько помятую бумагу с расколотой печатью из зеленого воска, огляделась, раздумывая, куда бы положить письмо таким образом, чтобы оно не попало на глаза никому постороннему.

— Что вы здесь делаете? — спросил маркиз хриплым голосом в тот момент, когда Виола осторожно вкладывала злосчастное письмо между книгами, лежавшими на небольшом столике у стены.

Неожиданное обращение сыграло с девушкой дурную шутку: она дернулась и отпрянула, так и не положив письмо. Маркиз не мог не заметить его, когда Виола обернулась с зажатой в руке бумагой.

Сердце девушки стучало так оглушающе громко, что она не сразу расслышала приказ опекуна:

— Что у вас?.. Отдайте это мне!

Виола испуганно замерла. Свеча дрожала. В пляшущем пятне света Виола увидела, как маркиз резко сел. На его бледном лице появились темные пятна румянца. Мужчина был еще слаб и не смог сразу выпутать ноги из-под одеяла, это задержало его.

Виола разволновалась, что своим порывом маркиз сделает себе хуже. В этот момент она даже не подумала, в какой компрометирующей ситуации оказалась.

— Прошу вас, не вставайте! — Девушка сделала шаг к кровати.

Маркиз посмотрел на нее с непонятной яростью:

— Отдайте то, что взяли! — Он протянул руку. — Ну же! Давайте это сюда!

Виола замешкалась, не сразу сообразив, что маркиз хотел получить письмо.

— Неужели вы подумали...

— Живо!! — рявкнул мужчина.

Девушка покорно вложила в его руку проклятую бумагу и отступила.

— Это не то, о чем вы могли подумать!

— Вам лучше не знать, о чем я думаю! — Маркиз почти шипел. — Как вы здесь оказались?

— Я пришла посмотреть, как вы себя чувствуете. Прошу вас, не нужно так волноваться! Горячка может вернуться, и это пагубно скажется на вашем здоровье!

— А шляющиеся в моей спальне юные девицы с сомнительными целями пойдут мне на пользу?! — и не думал успокаиваться маркиз. Ему все же удалось встать.

Виола стыдливо опустила глаза, предпочитая смотреть на босые ступни опекуна, выглядывающие из-под подола длинной ночной рубахи. Она боролась с желанием немедленно убежать отсюда, только надежда развеять заблуждение маркиза удерживала ее от немедленного побега.

В воцарившейся на секунду тишине послышался шум — кто-то попытался открыть двери, ведущие на половину хозяйки.

Маркиз и его ночная гостья замерли.

Послышался звук вставляемого в замок ключа.

— Сюда, быстро! — прошипел маркиз и одним большим шагом приблизился к девушке. Он схватил ее за руку и потянул к кровати. — Прилягте и укройтесь с головой!

Маркиз отнял у Виолы свечу и толкнул девушку на кровать.

Повозившись с ключом, вдовствующая маркиза наконец смогла отпереть дверь.

— Родной мой, с кем ты разговариваешь? — спросила она, входя в спальню, и тут же воскликнула, застав сына на ногах: — Почему ты встал? Что-то случилось?

— Где сиделка? — Андэр решил ответить вопросом на вопрос.

— Я больше не доверяю этой безответственной женщине! Буду присматривать за тобой сама.

— В таком случае, матушка, простите, что потревожил вас.

Маркиза приблизилась к сыну, стоявшему посередине комнаты.

— Это все пустяки, дорогой. — Она озабоченно коснулась его лба: — Как ты себя чувствуешь?

— Мне лучше.

— Все же не стоит тебе вставать. Хочешь, я позову Джурса или кого-то из слуг?

Маркиз перехватил материнскую руку и легко поцеловал ее:

— Не беспокойтесь, я чувствую себя достаточно хорошо, чтобы справиться самостоятельно с возникшими потребностями. — Он как бы невзначай развернул матушку в сторону спальни, из которой она пришла. — Вы можете идти отдыхать. Я вас сегодня больше не потревожу, обещаю.

— Но все же...

— Клянусь, я чувствую себя достаточно сильным и вскоре вернусь в постель.

Прежде чем уйти, маркиза обняла сына и на прощанье поцеловала.

— Спокойной ночи, дорогой! Я буду настороже.

— Спокойной ночи, матушка!

Андэр выждал какое-то время после того, как за маркизой закрылась дверь, а затем тихонько запер ее на потайной засов.

— Вылезайте, — негромко сказал он, вернувшись к кровати и откинув одеяло.

Виола приподнялась. Подол платья закрутился, обнажив ее ноги до бедер. Опекун честно постарался отвести взгляд.

— Уходите. Ваше счастье, что проснулась маркиза. Выяснение всех обстоятельств придется отложить.

Виола попыталась что-то сказать, но Андэр тут же пресек ее попытку объясниться:

— Мы поговорим с вами завтра. Постарайтесь быть осторожной и не шуметь.

Девушка кивнула и выбралась из постели, прикрыв наконец-то очень соблазнительные ножки. Она глянула на Андэра виноватыми аквамаринными глазищами и выскользнула из спальни.

Маркиз стряхнул с пальца горячую каплю воска, падение которой привело его в чувство, так как он так и стоял, глядя на дверь, за которой скрылась его подопечная.

«Моя лживая подопечная! — поправил себя Андэр, вновь воскрешая в душе злость. — Интересно, что она пыталась украсть?»

Голова у маркиза кружилась, ноги дрожали — неожиданные события забрали слишком много сил. Ему пришлось вернуться в постель, где на подушке дожидалась несколько помятая причина неурочного визита девчонки в его спальню.

— Посмотрим, за чем же ты охотилась... — пробормотал Андэр. Пристроив доставшуюся ему от девушки свечу в подсвечник, он с удобством расположился в постели и развернул отвоеванную бумагу. — Какой сюрприз!

В его руках оказалось письмо императора. Пальцы Андэра сжались. Наглости этой девке не занимать! Утром первым делом он пошлет за Джурсом — какие-то известия уже должны были прийти из столицы, а если нет, то пусть слуга мчится навстречу гонцам. Пускать дело на самотек больше нельзя. Андэр решил без промедления разобраться с врагами, пробравшимися под крышу его дома.

«Привет, Тупица!

Удивлен твоей недогадливостью. На тебя это не похоже.

Увы, мой друг, но я не вправе вмешиваться в ситуацию с твоим браком. Леди Каларон все предусмотрела и заранее вытребовала у меня разрешение. Теперь следует лишь покориться воле твоей матери. Смирись, пусть все идет своим чередом.

Лучше приглядишься внимательней к гостям. Счастье может быть рядом.

С наилучшими пожеланиями, всегда твой друг Дылда».

В размашистой подписи император пририсовал пару черточек, превратив хвостик одной из букв в некое подобие забавной рожицы.

Андэр сложил письмо и задумался. В ту штормовую ночь он слишком торопился прочесть послание и сделал это невнимательно.

Он действительно тупица. Маркиз постучал по лбу письмом. Арган оказался прав, припомнив его детское прозвище. Все непонятные события последних двух недель начали складываться в единую картину.

Император не случайно задержал его в столице на три дня — ровно столько нужно было маркизе, чтобы опередить сына и добраться в поместье.

И девушек она подобрала заранее. Без обсуждения кандидатур Арган не дал бы своего согласия. Наверняка сам же и помог с организацией. Это никого бы не удивило, император известен политикой добиваться своего через выгодные брачные союзы.

Андэру оставалось только разобраться, на кого же его изворотливый и хитроумный друг расставил ловушку. Арган практически прямо написал, что подозревает женщину. Особый знак в подписи не оставил сомнений, что почти шутовское дружеское послание содержит вполне определенный скрытый приказ. За шесть лет тайной работы на корону Андэр получил их немало.

В тот год Аргану исполнилось двадцать два, а наследнику маркиза Каларона, носившему в ту пору титул графа Мильро, двадцать один. Наследный принц и граф дружили со времен пребывания в закрытой школе для отпрысков благородных семейств. Знали бы главы этих семейств, через какое пекло проходили их сыновья за каменными стенами «Орлиного приюта»...

Арган нашел Андэра в Императорском историческом музее, где тот присматривался к артефактам, привезенным из Шурма — крохотного государства на самом юге Алтуветского континента. Будущий маркиз планировал экспедицию в те малоизученные земли.

— Собираешься в Алтувет? — спросил принц после приветствия.

— Хотелось бы, но отец, конечно, не одобряет. — Андэр спрятал блокнот, в который перерисовывал письма, нанесенные по кругу камней, напоминавших мельничные жернова. Друзья увиделись впервые за два года, прошедших после школы.

— Очень удачно, что мы встретились. У меня есть для тебя предложение.

Арган увлек друга в пыльные и безлюдные недра не пользовавшегося особой популярностью музея.

Разговор с наследником престола много времени не отнял — Андэр умел принимать быстрые решения. Корона получила нового агента, а молодой искатель приключений — высокую миссию и деньги на новые путешествия.

Прошедшие годы показали, что Арган не ошибся в друге — в Тайной службе Андэр недолго оставался обычным агентом. Лорд-командор Лаврен Амбирмар по достоинству оценил дерзкую храбрость, смекалку, эрудицию и актерский талант молодого графа, а вскоре и маркиза Каларона. А то обстоятельство, что агент принадлежал к самому избранному аристократическому кругу и был дружен с императором, оказалось отличной легендой и удобным дополнением к талантам Андэра.

За время службы у Андэра появилось много врагов. Были среди них и весьма могущественные персоны. Пусть никто из них не знал его истинного имени, да и встречаться лично им почти никогда не приходилось, но противники знали о его существовании и усилиях, которые были приложены, чтобы расстроить их планы.

Арган, лично создавший и курировавший Тайную службу в том виде, какой она имела сейчас, особо выделял одного вражеского агента, которого они с Андэром прозвали Счастливым. Неизвестный алтуветский шпион был демонски умен и удачлив, действовал хладнокровно и в случае необходимости жестоко. Он счастливо выпутывался из самых сложных ловушек, ни разу так и не оставив следа, который мог навести на него. Андэр первый назвал его Счастливым, в шутку.

Сказал, что тот просто счастливчик, поскольку у него нет такого требовательного начальника, как Арган, для которого поимка именно этого агента стала настоящей одержимостью.

Тайной службе только однажды почти повезло выйти на связного из агентурной сети Счастливчика. Из-за этого Андэр вынужден был лично отправиться на юг, для чего ему пришлось использовать полученное в одном из путешествий тайное знание магии пути, доступное лишь бродягам-ате́мо. К помощи этой магии ате́мо прибегали лишь тогда, когда требовалось срочно унести ноги. Для скандальных и вороватых бродяг такое умение было жизненно необходимо. Вызываемая силовая воронка позволяла мгновенно «прыгнуть» в пространстве на несколько миль, но не дальше. Поэтому Андэр, меньше чем за день «пропрыгавший» расстояние от столицы империи до захолустной Муштивенки, а затем назад, полностью магически истощился, что не могло не сказаться на его здоровье. Иначе лихорадка так просто не свалила бы его.

Маркиз еще раз перечитал письмо. Если речь в нем шла о Счастливчике, то с одними лишь намеками император Андэра не оставит. В ближайшие дни стоит ждать от него посланца.

Ну да, точно, зеленый воск сломанной печати говорил о скором известии.

Андэр спрятал послание в щель между матрасом и рамой кровати и задул свечу. Поворочавшись, он не сразу смог уснуть. В голове роились мысли о вражеских агентах, императоре, неожиданной встрече с Виолой в Муштивенке и ее столь же неожиданным появлением в «Оленьем бору», которое в складывающихся обстоятельствах выглядело вдвойне подозрительно. А еще ее ночной визит в его комнату... и ноги... худенькие, изящные, очень красивые...

О нет! Вот про ножки подозреваемой в шпионаже подопечной ему думать не следует!

Маркиз тяжело вздохнул и наконец-то уснул, истратив все силы, отвоеванные у затянувшейся болезни.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

в которой объявляется война

Утро в «Оленьем бору» началось со скандала.

— Оу-у! — внезапно взвыла одна из невест, некая Жиния Бастрад, любимая дочь герцога Бастрада, владеющего северными провинциями, богатыми полезными ископаемыми. Девушка зацепилась и упала сразу же, как шагнула за порог отведенной ей комнаты.

На выручку к ней тут же бросилась ее компаньонка, незамужняя родственница герцога, солидная дама в летах, еще не успевшая сменить ночную одежду на более приличный наряд. Она и обнаружила тонкий шелковый шнур, натянутый перед порогом.

— Дорогая, покажись мне, — запричитала родственница герцога. — Подними голову!

Рыдающая девушка послушалась. При падении Жиния довольно сильно подвернула ногу, ушибла локоть, заработала несколько синяков на руках и коленях, но самое страшное — разбила лицо. Когда посланный к леди Каларон слуга вернулся в сопровождении вдовствующей маркизы и ее секретаря, правая сторона лица леди Бастрад распухла, на щеке налился цветом огромный синяк, а под носом были видны следы крови.

— Вот, — компаньонка герцогской дочери предъявила леди Каларон обрывок шнура, — это я обнаружила возле нашей комнаты. Я требую, чтобы виновник был строжайше наказан!

— Вы кого-то подозреваете?

У маркизы была своя кандидатура на роль злодея, поэтому она обрадовалась, когда услышала ответ на свой вопрос:

— Мы все видели этого неряшливого мальчишку, опекаемого вашим сыном! Его не раз и не два ловили в коридоре, когда он ползал по полу и явно что-то замышлял! Это наверняка его рук дело! — Если бы женщина не была так зла, она бы плакала горше, чем подопечная.

Ее прелестная любимица за какую-то секунду утратила свою красоту и чуть не убилась. Теперь девушка будет вынуждена сидеть в комнате неизвестно сколько дней, не показываясь никому на глаза. Все надежды на скорое замужество разбиты. И виноват в этом сам жених, приютивший в доме каких-то оборванцев.

Вдовствующей маркизе был не нужен повод больший, чем просто слова обвинения в адрес неугодной особы.

— Немедленно приведите близнецов, — велела она одной из служанок, суетившихся вокруг пострадавшей девушки. Леди Каларон извлекла урок из прошлого посещения близнецов, больше она не поддастся на их безобразные провокации. Пора показать мелким паршивцам, кто тут власть и закон.

Предъявленное обвинение ра Веллады единодушно отвергли.

— Почему чуть что, то сразу мы? — надулся Лука.

Виола гордо молчала, подозревая, что требовать справедливого разбора происшествия от вдовствующей маркизы — напрасное дело.

Леди Каларон разошлась не на шутку, воплотив в своем образе и обвинителя и судью.

— Вы опасны! — вещала она. — Каждый раз, когда кто-то из вас выходит из комнаты, случается несчастье! Пока мой сын болен, я приму решение за него. Вы немедленно отправитесь по своим комнатам, где вас запрут на ключ!

— Это слишком! — Виола не сдержалась. — Вы не имеете права так с нами поступать всего лишь на основе предположений!

Маркиза смерила девушку ледяным взором.

— Подумайте сами, ну откуда у нас мог взяться этот шнур?

Вид у ра Велладов был жалкий. На светлых бриджах Луки любой мог рассмотреть пятна грязи, его сестра была одета в свое единственное платье, имевшее вид чуть лучший, чем у половой тряпки. По негласному приказу забота слуг о гостях на близнецов не распространялась.

— Или вы немедленно разойдетесь по комнатам, или тотчас покинете стены этого дома! — Вдовствующая маркиза осталась непреклонна.

Виола до последнего ждала появления опекуна. Несмотря на то недоразумение, что произошло между ними минувшей ночью, она верила в его рассудительность и справедливость. Только во власти его сиятельства было спасти их с братом от произвола вдовствующей маркизы. Но он так и не пришел, хотя сам же грозился поговорить с ней насчет ночного происшествия.

Прежде чем их развели по отдельным комнатам, Лука успел пожать руку сестры. Девушка приободрилась: они обязательно что-то придумают. Никто не сможет их разлучить.

Пока матушка разбиралась с близнецами, маркиз с пользой провел утро. После сна сил у него прибавилось, но все же оказалось недостаточно, чтобы окончательно покинуть постель, поэтому все неотложные дела он решал через верного дворецкого.

Прежде всего Андэр потребовал всю корреспонденцию, которая пришла на его имя, пока он находился в забытьи. Среди писем он обнаружил три послания, которые ждал больше всего.

Поверенный подтвердил слова близнецов об их визите к нему, а также отчитался, что направил в Приморский край необходимое письмо с запросом на получение копии завещания. Для ответа еще было рано, но как только он поступит, мэтр заверил — тотчас известит маркиза.

Во втором письме знакомый сыщик отчитался о передвижениях Луки и Виолы за время их короткого пребывания в столице. Список был неполным, но сыщик работал над восстановлением целостной картины.

Третьей была записка от одного из агентов, написавшего, что задание принято, люди по следам близнецов отправлены, отчеты будут поступать по мере появления сведений.

После того как с корреспонденцией было покончено, маркиз попросил Джурса незаметно привести к нему кого-то из парней, которые должны были появиться в поместье несколько дней назад.

Дворецкому удалось в точности исполнить пожелание хозяина, незаметно, как и приказал его сиятельство.

Джурс сгорал от любопытства: что могло понадобиться маркизу от пришлого, чего он не мог попросить у своего верного слуги? Сам дворецкий в лепешку расшибся бы, чтобы угодить его сиятельству.

В покоях маркиза молодой мужчина, которого Джурс видел в первый раз, пробыл недолго, а когда ушел, маркиз вновь кликнул слугу.

— Джурс, мне нужно твое содействие, — сказал Андэр преисполненному рвения дворецкому. — Я пригласил нескольких новых работников, нужно, чтобы ты устроил их в доме, но особого внимания к их появлению не привлекал. Сплетни о них пресекай и не нагружай особо работой. Если кто-то из ребят попадет в неприятную ситуацию, сделаешь вид, что это твое распоряжение. Задача ясна?

— Да, ваше сиятельство! — поклонился дворецкий. В душе он ликовал от важной миссии, порученной ему хозяином.

— И еще... — Маркиз на минуту задумался. — Кто бы ни объявился в поместье в ближайшие дни, сразу же веди его ко мне.

— Непременно, милорд. — Джурс еще раз поклонился и поспешил как можно скорее заняться выполнением хозяйских распоряжений.

Весть о том, что маркиз Каларон выздоравливает, было не скрыть. Жизнь в «Оленьем бору» закипела с новой силой для всех, кроме запертых по отдельности близнецов. Каждый из них весь день строил планы, не сулившие обидчикам ничего хорошего. Виоле и Луке не нужно было непременно находиться рядом, чтобы подготовиться к диверсиям, их умы работали как один, и приготовления много времени не заняли. Оставалось дожидаться позднего вечера.

Наивная маркиза думала, что для контроля ра Велладов их достаточно просто запереть...

С замком Лука справился первым, в таких вещах Виоле все еще не хватало сноровки. Он подождал сестру возле ее двери, прислушиваясь к тому, как она тихо ругается, орудуя в замке шпилькой. Наконец раздался щелчок, и злая, как морской демон, девушка покинула место заточения. Она вновь надела бриджи и рубашку, вызвав одобрение брата: в ночной экспедиции длинная юбка могла

только помешать.

— Готова?

— Не то слово. Еще немного и просто взорвусь! — Несмотря на то что приходилось шептать, Виола не могла сдержать эмоций. — Только уговор: давай пока обойдемся без магии.

Лука вытаращился на сестру:

— Это почему еще?

— Не хочу портить отношения с опекуном. Он еще может за нас заступиться. Будет глупо разозлить его.

В занимаемые вдовствующей маркизой покои близнецы проникли быстрее и легче, чем освободились из своих комнат. Виоле путь к хозяйским покоям был хорошо знаком.

Двери апартаментов, занимаемых леди Каларон, оказались не заперты. Никакой охраны не было предусмотрено. Но и самой маркизы, к досаде Луки, в постели не наблюдалось, что не помешало Виоле осуществить свою проказу. Попавшиеся на глаза мягкие ночные туфли подошли для ее цели идеально. Беззвучно хихикая, девушка разместила в одном из них небольшой кусочек масла, припасенный с ужина. Пусть противная тетка только вздумает ночью обуться — незабываемые ощущения ей гарантированы.

Пока сестра занималась туфлями, Лука прошелся по комнате и обнаружил, что внутренняя дверь, разделявшая спальни хозяев поместья, чуть приоткрыта. Он осторожно потянул створку на себя, впуская в едва освещенную луной комнату лучик теплого света — в спальне маркиза горели свечи и шел тихий разговор, явно не предназначенный для чужих ушей.

— Тсс! — Лука подал сестре знак.

Она быстро присоединилась к подслушивавшему брату.

— ...не понимаю, почему ты не хочешь отказаться от этой обузы. Они неуправляемы. Сегодня чуть не убили несчастную дочь герцога Бастрада, — в голосе вдовствующей маркизы были слышны слезы.

— Почему вы решили, что это их рук дело? — устало спросил маркиз Каларон.

— Да кто еще на такое способен?! — Маркиза всхлипнула. — Все видели, как противный мальчишка рыскал по тому коридору. Наверняка сестра натравила его на более красивых и воспитанных девушек. Кому еще нужно было вредить одной из твоих невест?

— А вы не думаете, что это могла быть одна из них? Вы сами собрали девушек здесь и создали условия для соперничества. И еще вопрос: зачем?

— Все для тебя, мой дорогой! — Маркиза опять всплакнула. — Тебя никогда не бывает дома. Носишься по свету, влезаешь в авантюры...

— Но...

— И не спорь! Граф Дальмор видел тебя на арене в варварской Сартеприи! Как ты мог так рисковать?! Ты единственный представитель рода! У тебя не то что наследника, даже жены нет!.. Спасибо... — Маркиза довольно громко высморкалась. Если... я... хфф!.. не позабочусь о тебе, то роду придет конец.

— Вы могли просто сказать мне о своих опасениях и представить список.

— Ну уж нет! Я знаю, как легкомысленно вы, мужчины, относитесь к тому, что считаете скучными обязанностями. Пока бы ты перезнакомился со всеми кандидатками, они бы и замуж вышли. Пойми, я сделала так прежде всего для твоего удобства! Прошу, будь к ним внимателен. Выбери девушку по душе. И избавься от опеки над этими хулиганами!

— Мама!

— Ну почему ты не хочешь сделать, как я прошу? Всем же будет только легче!

— Вы требуете от меня принять безответственное неблагородное решение на основе пустых домыслов!

— Почему домыслов? Да все будут свидетелями!

— Ваши слова, матушка, говорят только о предвзятом отношении и неуважении к памяти отца, у которого наверняка была какая-то договоренность с родителями близнецов.

— Какая договоренность? Где доказательства, что они не самозванцы?!

— Не считайте меня совсем уж пустоголовым. Я навел о них справки и получил письмо от поверенного.

Леди Каларон хмыкнула.

— Вместо того чтобы разобраться в сегодняшнем инциденте, вы просто указали на них как на виновников.

— А что еще я могла сделать?!

— Хотя бы поручить расследование сыщику, которого вы ко мне приставили! Он все равно шатается по дому без дела.

Лука и Виола переглянулись.

— Сыщик? — еле слышно прошептала сестра.

Лука пожал плечами:

— Ну и дела!

Они вновь приникли к оказавшейся такой полезной щелочке между дверями.

— ...знаю, что он скажет то же самое!

— Мой ответ — нет! И не нужно всхлипывать, миледи! На меня это не действует.

Маркиза вновь высморкалась.

— Хорошо... если ты так не хочешь нарушить мифическое обязательство отца, то, может, мы сможем поступить по-другому? Давай разделим их.

— Что вы имеете в виду?

— Мальчишку отправим в школу, а девчонку — замуж. Я даже согласна выделить ей небольшое приданое. С твоей протекцией мы быстро найдем ей мужа.

В спальне маркиза воцарилось молчание. Затаив дух, близнецы с волнением ждали решения опекуна.

Вдовствующая маркиза не выдержала первая:

— Только не говори, что всего лишь подумаешь над этим! Прими решение сейчас!

— Хорошо. Поступим, как вы сказали.

— Спасибо, дорогой!

Виола не смогла выдержать ликования маркизы. Одной рукой она надавила на дверь, плотно прикрыв ее, другую руку сжала в кулак, впившись ногтями в ладонь, лишь бы не закричать от боли, которую почувствовала от слов проклятого опекуна.

Лука потянул едва соображающую сестру к выходу — им пора было исчезнуть. Вдовствующая маркиза могла вернуться в любой момент.

Виола смутно помнила, как они добрались до ее комнаты. В себя она пришла, только когда в ярости разодрала на лоскуты ни в чем не повинную простынь.

Как?! Как он мог так поступить?! Почему согласился со своей омерзительной мамашей?!

Из глаз девушки градом потекли слезы.

Лука смотрел на сестру с испугом. Он и раньше думал, что им лучше избавиться от этой опеки, просто теперь это оказалось более сложным делом.

— Ви, что с тобой? Прощу, остановись!

Девушка зарычала и со всей силы стукнула ногой по массивной ножке кровати.

— Не прощу! Никогда ему этого не прощу! — проскулила Виола сквозь слезы и всхлипы от боли в ушибленной ноге.

— Я же тебе говорил.

— Дура была, что не послушалась... Но ничего, мы объявим им войну!

— Как нам это поможет, если меня куда-то отошлют?

— Поможет. Если мы провернем все очень быстро. Чтобы у них и секунды спокойной не было! Тогда они не захотят иметь с нами дело, проще будет избавиться от нас сразу, а не тратить время на поиски школы и женихов.

Луке эта идея очень понравилась. А какие возможности перед ними открывались — просто блеск!

— Я за войну!

— За войну! — повторила Виола, особым образом сцепив с братом руки, подтвердив их совместное решение, как клятву.

— Ра Веллады, вперед! — воскликнули близнецы.

Война началась.

По новой традиции, утро в «Оленьем бору» началось засветло — с панического вопля, а также последовавшего за ним скандала.

Конечно же первой жертвой стала любимая Единым Творцом и близнецами вдовствующая маркиза. Подвел сонную женщину не ее дух, который был нестигаем в любое время дня и ночи, а предала ее слабая плоть, потребовавшая от маркизы встать перед самым рассветом и...

А вот дальнейшие потребности уступили перед неожиданными и совершенно непередаваемыми по мерзости ощущениями, которые толком непроснувшаяся женщина испытала, когда засунула ноги в ночные туфли.

— А-а-а! — завершала она, почувствовав, как одна ее нога погрузилась во что-то холодное и невероятно скользкое, словно кто-то неведомый заглотнул ее несчастную конечность и в предвкушении пустил слюну.

От испуга у леди Каларон на мгновение остановилось сердце.

Дверь в спальню маркиза рухнула, перепуганный Андэр даже не подумал, чтобы ее открыть, просто снес, как ничего не значившую преграду.

— Что?! Что случилось?! — воскликнул он, подхватив падавшую мать.

К счастью многочисленных гостей «Оленьего бора», переполох и последовавшее разбирательство, устроенное маркизом, почти не потревожили их покой. Только прислуга, стараясь не шуметь, заполошно металась между этажами.

Пережившая ужас и сердечный приступ маркиза только и могла, что обвинять близнецов:

— Это они! Их рук дело! — беспрестанно твердила она, рыдая.

Маркиз был вынужден уступить. Все вместе: Андэр, его почти невменяемая, но не пожелавшая остаться в постели мать, Джурс, лакей-сыщик и эри Стиранн, явившаяся на подмогу к хозяйке — все они отправились к ра Велладам для окончательного разбирательства. Попытка сохранить тишину при этом с треском провалилась, как только маркиз обнаружил, что его подопечные находятся под замком со вчерашнего дня.

Не сдержавшись, Андэр закричал на мать:

— Вы не имели на это никакого права! Это несправедливо! И вы представляете, что могло произойти, случись пожар?! Про них никто бы и не вспомнил!

Слуги долго искали ключи от комнат, в которых томились близнецы. Когда наконец двери открылись, перед маркизом и сопровождавшей его компанией предстали заспанные, нечесанные близнецы, которые выглядели как невинные, ни о чем не подозревающие люди, внезапно вырванные из сна.

Крики маркиза перебудили остальных гостей, поэтому следующий скандал случился при полном стечении народа и даже в присутствии непосредственных виновников. Виоле и Луке стоило огромных сил сдержаться, чтобы не выдать своего веселья. А посмеяться было отчего.

Все опять-таки началось с истошного вопля.

— А-а-а! — донеслось из комнаты леди Синегад.

Маркиз первым кинулся на женский крик. Близнецы постарались не отстать, уж очень им хотелось посмотреть на результат своих несправедливых трудов.

Костлявая, бледная до синевы, которую подчеркивала голубая ночная сорочка непристойного покроя, баронская дочь предстала перед зрителями, набившимися в ее спальню, как икра в кадушку, в образе перепуганного до смерти демона с торчавшими перпендикулярно голове волосами, намотанными на растопыренные во все стороны папильотки.

Тития Синегад стояла на кровати и в ужасе взирала на свое ложе, застеленное какими-то тряпками, в которых горничные с трудом смогли опознать разорванную на куски простыню.

— Это не я! — заверещала худая как скелет девица, в истерике гремя костями. — Папа!..

— Я здесь, мое сокровище! Здесь! Пропустите... — Барон как можно быстрее постарался пробраться к дочери, расталкивая застывших в ступоре от дивного зрелища людей. — Я иду к тебе, Титечка!

Андэра передернуло. Он с укоризной посмотрел на мать, пригласившую Синегад в «Олений бор». У маркизы хватило совести опустить глаза.

Барон воссоединился с «Титечкой», а маркиза тяжело оперлась на руку Дульки. От Андэра требовалось совершить мужественный поступок. Он тяжело вздохнул, почувствовав, что утренние испытания тяжело сказались на его еще не оправившемся от болезни теле.

— Миледи, — сказал он самым успокаивающим голосом, на который только был способен в этот момент, — данное происшествие не стоит вашего волнения. Сейчас горничные сменят вам постель, а в произошедшем мы разберемся позже. Обещаю вам.

Последние слова он произнес совершенно напрасно. Не раз слышавшие их компаньонки невест подняли недовольный гвалт, обличая хозяев поместья во всех несчастьях, приключившихся с их подопечными. Скандал вышел на новый уровень. Кипения страстей хватило до самого обеда, после которого обессиленный маркиз вернулся в постель и уснул в изнеможении.

Довольные первыми победами близнецы большую часть дня провели в комнате Виолы. Им было над чем поломать голову, война требовала жестких мер и определенной доли удачи, но на горизонте наметились первые трудности. За близнецами пристально следили. К тому же они помнили услышанное ночью откровение о том, что среди слуг скрывался профессиональный сыщик. Осторожность требовалась вдвойне.

Вечер в военном плане прошел почти бесплодно. Виоле только и удалось, что мимоходом заморозить устрицы до состояния льда. Чтобы вскрыть такую, понадобился бы ледоруб, уж никак не серебряная вилочка. Близнецов за общий стол по-прежнему не звали, свою проделку девушка исхитрилась совершить прямо на глазах у многочисленной прислуги, всего-то и понадобилось какое-то время пройтись рядом со слугой, выносившим из кухни блюдо с деликатесом. Лука тут же компенсировал негативное деяние сестры: помог кухарке и натаскал дров с запасом.

После долгого дневного сна Андэр почувствовал себя достаточно хорошо, чтобы присоединиться к обществу за ужином. Его настроение испортилось, стоило маркизу рассмотреть сидевших за столом гостей, среди которых, к своему удивлению, близнецов он не увидел.

— Мама, — спросил он тихо, но твердо, — где они?

— О ком ты? — Вдовствующая маркиза изобразила блаженное неведение и положила себе на тарелку пару устриц.

— О моих подопечных. Я не вижу их за ужином. — Маркиз отложил салфетку и выжидательно уставился на изворотливую и злопамятную женщину, которую звал матерью.

— Ах, ты об этом!.. — Маркиза надела на руку кольчужную перчатку и вооружилась специальным коротким кинжалом.

Андэр с интересом смотрел: хитрая матушка устроила девушкам маленький конкурс, приказав подать к столу устриц в закрытой раковине. Перчатка, кинжал, специальные нож и вилочка,

затерявшиеся среди других приборов, — многих леди ждало нелегкое испытание, если учесть, что устрицы в империи, особенно на севере, очень дорогой деликатес и не так широко распространены. Сама леди Каларон выглядела образцом элегантности... до тех пор, пока не попыталась вонзить кинжал между створками. Короткое лезвие скользнуло по ним, не погрузившись ни на мильн, соскочило, вжикнуло по руке, защищенной перчаткой, сплетенной из маленьких металлических колец, после чего с жутким скрежетом процарапало фарфор тарелки, привлекая всеобщее внимание. Улыбка на лице вдовствующей маркизы несколько скисла.

Барон Синегад откашлялся, на пару секунд нарушив воцарившееся молчание.

Маркиза, как ни в чем не бывало, попыталась повторить подвиг вскрытия проклятого моллюска. Результат вышел до обидного похожим, только в этот раз леди приложила больше сил, поэтому фарфор процарапала громче.

Кто-то тихо хихикнул.

Взгляд леди Каларон заметался в поисках наглеца. Таковой не нашелся.

Кинжал тихо звякнул о тарелку. За столом тотчас возобновились разговоры.

Вдовствующая маркиза сделала знак лакею.

— Что-то мне расхотелось ужинать, — сказала она, от досады едва не кусая губы. — Уберите это.

Маркиз подождал, пока слуга удалится:

— Так все-таки, почему я не вижу здесь моих подопечных?

Раздосадованная собственным провалом, леди произнесла заранее заготовленную ложь, не подумав, кому именно она ее говорит:

— Бедным детям совсем нечего надеть, чтобы появиться в светском обществе.

— Что?! — рывкнул маркиз, вновь привлекая внимание собравшихся к их краю стола. Когда разговоры возобновились, он вновь вернулся к взволновавшей его теме: — Я ведь отдал четкие указания и выделил деньги.

Вновь подловить маркизу уже не удалось, она быстро сориентировалась:

— Увы, модистка не справилась с волной заказов.

— Удивительно, что вы пригласили только одну. Я лично разберусь в этом вопросе, — с угрозой произнес Андэр, почувствовав, что сам потерял аппетит. Он видел, что мать хитрит и недоговаривает.

К счастью леди Каларон, Дамира Айлайр решила повторить ее подвиг открывания устриц. Внимание маркиза и всех присутствовавших сосредоточилось на новой жертве необъявленной войны.

Хотела ли леди Айлайр продемонстрировать соперницам и матушке потенциального жениха элегантность обращения с таким сложным деликатесом — осталось неизвестным, так как прежде всего она сумела поразить несчастную Титию, задулив ледяной устрицей прямо в декольте сидевшей напротив остроносой девицы. Испуганный крик жертвы потонул в изумленных вскриках свидетелей начавшегося «артобстрела».

Уязвленная маркиза резко встала из-за стола и, бросив салфетку, удалилась из обеденного зала. Если тем самым она надеялась пристыдить девушек, то у нее ничего не получилось. Маркиз с интересом досмотрел до конца разразившуюся устричную баталию — примеру Дамиры последовали многие дамы, воспользовавшись шансом исподтишка подпортить настроение и вид особо нелюбимым соперницам.

Слуга, явившийся передать близнецам приглашение маркиза присоединиться к нему в малой гостиной, прервал их магический эксперимент на самом интересном месте: Лука только что научился на постоянной основе стабилизировать магическое воздействие на материю, а Виола искала решение, как расширить радиус действия только что изобретенного заклинания. Но приход слуги спугнул обозлившиеся на весь свет родственные умы. Когда раздался стук в дверь, Виола крепко выругалась, потеряв мысль, которая вот-вот должна была озарить ее правильным решением. Так что на встречу с маркизом она выдвинулась распаленная донельзя, своим насупленным видом изрядно повеселив брата, который чуть ли не приплясывал, зыряка по сторонам в поисках возможности для новой поделки.

Маркиз, встретивший их стоя возле камина, явно подготовился к встрече — девушка заметила столик, сервированный дымившимся чайничком, чашками, по центру стояло большое блюдо с разнообразными пирожными. Виола только хмыкнула и демонстративно уселась на стул, стоявший подальше от стола. Похоже, что опекун — «пока еще опекун», мысленно уточнила девушка его статус — не ждал от них такого недружелюбного поведения. Только Лука поприветствовал маркиза коротким кивком, Виола же просто проигнорировала.

Вид у лорда Каларона был бледным и усталым, но даже это не могло смягчить сердце Виолы, жаждавшей, чтобы *этот* мужчина тут же и немедленно провалился под землю вместе со своим поместьем, маменькой и многочисленными невестами. Только хорошее воспитание не позволило ей открыто продемонстрировать опекуну свои чувства, которые можно было выразить всего одним словом: он ее *бесил*.

Лука так же, как и сестра, не повелся на сладости, хотя сел рядом, развалившись самым непочтительным образом.

Маркиз и бровью не повел и разговор начал наиболее дружелюбным тоном, от которого Виолу внутри просто корёжило. «Предатель!» — мысленно она прыгала на его могилке с покосившейся надгробной плитой.

— Прошу вас, угощайтесь, — указал опекун на накрытый для близнецов стол. Увидев, что подопечные не настроены пить чай, маркиз продолжил: — Хочу извиниться, что эти дни не мог позаботиться о вас лично.

Близнецы молчали, как пиратский капитан на вопрос дознавателя о том, где зарыт клад.

— Мне только сейчас стало известно, в каком положении вы из-за этого оказались.

Близнецы молчали, Лука неспешно сменил позу, закинув ногу на ногу, после чего снова уставился на маркиза, на которого Виола предпочитала даже мельком не смотреть.

— Уже довольно поздно, вижу, что вы устали, — сказал опекун молодым людям, которые два дня провели фактически под домашним арестом. — Не стану задерживать вас долее необходимого. Я принял решение о вашей дальнейшей судьбе.

Близнецы по-прежнему молчали.

— Поразительная заинтересованность, — не сдержался опекун. — Что ж, тогда просто озвучу свое решение. Как только наведу справки и смогу договориться о зачислении, Лука отправится в школу. Вас, Виола, мы обеспечим достойным приданым и подберем спутника жизни, который сможет составить ваше счастье. Матушка вызвалась лично позаботиться об этом, а я прослежу за ее выбором.

Виола только на короткий миг позволила себе взглянуть на разочаровавшего ее мужчину, вид и слова которого острым ножом кромсали ей сердце. Рухнула последняя надежда на то, что опекун передумает соглашаться с планом его матери. Маркиз Каларон такой же, как она.

У Луки не было причин так остро реагировать на речь опекуна. Он поерзал и с ленцой спросил:

— Может, вы нас просто отпустите? Откажетесь от опекунства или отправите домой, приставив управляющего?

— Я не хочу и не могу поступить с вами подобным образом.

— Отлично! — выдохнул Лука с плохо скрываемым злорадством. — Мы можем идти?

— Да... — уже не таким уверенным тоном ответил маркиз, но потом быстро добавил: — Но с эри Виолой я хотел бы продолжить беседу.

Лука тотчас обратно сел на стул, с которого вскочил секунду назад.

— Тогда и я останусь. У нас с Ви нет тайн друг от друга.

Маркиз помолчал, сурово глядя на юного наглеца. Лука не проникся.

— Что ж, ступайте оба!

Виола вышла за братом, так больше и не взглянув на опекуна.

Вернувшись в комнату Луки, близнецы продолжили прерванное занятие, но уже без того пыла, что раньше. Виоле было о чем попереживать и подумать и без магии, а Лука тараторил всякую чушь, лишь бы развеселить сестру, у которой все буквально валилось из рук.

— Ви, что ты творишь? — в конце концов не выдержал Лука. — Что ты тут наплела? Оно должно вести себя подобным образом?!

Заклинание, которое Виола вложила в созданную ранее магическую сеть, превратило небольшое силовое «кружево» брата в ажурное полотно, неконтролируемо расплывшееся в пространстве, как дрожжевое тесто, вываливающееся из теплой кадушки.

— Морские боги! — воскликнула девушка, только сейчас вынырнувшая из беспокойного моря негативных мыслей и чувств, порожденных встречей с маркизом. — Что это?!

— Ты у меня спрашиваешь?! — Лука с ногами забрался на кровать прямо как был — в ботинках. Касаться своего непонятого детища ему не хотелось.

Виола тоже на всякий случай поджала ноги.

— С этим... э-э, надо что-то делать.

— Что именно?! — воскликнул брат. — Убрать я ЭТО не могу, оно не слушается.

— Не знаю. — Виола задумалась: их колдовство грозило вырасти в большую проблему... просто-таки огромную. — Если оно расплзется дальше, нас в конце концов разоблачат.

— Тогда, может, сделаем ЭТО невидимым? Замаскируем как-то?

— Ну, давай попробуем.

Такой сложной задачи у близнецов еще не было. Знаний о собственной магии, полученных опытным путем, и о классической магии, основы которой им преподавал наставник, катастрофически не хватало. В какой-то момент Виола поняла, что все ее новые идеи все чаще и чаще основываются на проснувшемся чутье. «Как плохо быть недоучкой! — подумала она. — Избавимся от опеки и сразу же поплывем искать остров морских колдуний».

Все же неведомые морские боги-покровители магического дара не оставили близнецов без помощи. Спустя три часа, когда созданное ими *это* окончательно превратилось в ЭТО и разрослось за пределы комнаты, близнецы сумели сделать колдовство совершенно невидимым для обычного магического зрения. Теперь из двоих создателей только Виола едва-едва различала линии силового плетения, но большей частью просто ощущала их, как и волшебную жемчужину, доставшуюся от матери. Это навело горе-колдунов на мысль, что при желании они смогут проявить свое творение с помощью наговора так же, как призывали в материальный мир материнский оберег.

— Как хочешь, Лу, но я останусь у тебя. — Виола зевнула и распласталась на кровати брата. — Сил совсем нет, и глаза закрываются.

— Как я тебя понимаю, — буркнул Лука, падая рядом с сестрой. — Чуть-чуть поспим, а потом... хр-р...

Младший ра Веллад уснул, не договорив. Виола ненадолго отстала от брата. Они так обессилили, что, возможно, проспали бы до полудня, но за час до рассвета сработала магическая ловушка.

Лука не сразу понял, что именно его резко разбудило, только почувствовал, как что-то взорвалось теплом у него в животе, примерно в районе солнечного сплетения. Юноша испуганно подскочил и одурело захлопал глазами, ничего не понимая. Даже пощупал живот, но он оказался совершенно целым и неожиданно чуть прохладным. Однако внутри было ощущение, как будто там копошился кто-то беспокойный и горячий. А еще Лука почувствовал теплую нить, исходившую из его чрева и тянувшую вперед. Он послушно шагнул — нить еще больше натянулась и завибрировала от напряжения, словно перетянутая струна.

Лука сделал еще один шаг, а потом еще один. Вскоре юноша быстро выскользнул из спальни в коридор — нить тянула дальше, туда, где располагались комнаты противных невест маркиза. Лука двинулся чуть быстрее — под конец нить просто обжигала и тянула вниз, колдун послушно присел возле двери в небольшую кладовку для хранения метелок и тряпок, которыми пользовались горничные. Дверца была так хорошо замаскирована под деревянную панель на стене, что Лука не сразу обнаружил ее, когда облазил все вокруг, расставляя ловушки на крысу.

Пока Лука шел, из-за дверцы раздавался какой-то шорох, но сейчас внутри кладовки все затихло. Юноша просто физически ощутил напряжение того, кто там скрывался. Взявшись рукой за дверцу, колдун-недоучка уже знал, что его привело сюда, и это было странно. Ничего подобного сработавшей сигнальной системе он в свои ловушки не вкладывал, так как не имел ни малейшего понятия, как это сделать. Но раздумывать над случившейся странностью дольше не стал и, сгорая

от нетерпения, быстро открыл дверцу.

О да! Она была здесь! Вся такая огромная, злющая и восхитительно фиолетовая! Лука это прекрасно видел в свете оставленных на ночь свечей — маркиз распорядился их не гасить и время от времени лакеям совершать обход «этажа невест» во избежание дальнейших неприятностей вроде давешнего шнура у порога.

Крыса угрожающе скалилась на юношу огромными зубами, но ничего поделывать не могла, так как была надежно спелёната в магический кокон.

— Иди ко мне, — восторженно прошептал очарованный Лука, — я тебя не обижу!

Крыса закатила глаза, как будто понимала все, что он ей говорил, и не одобряла этого. Но кто ее, глупую, спрашивал. Спустя мгновение Лука крепко прижимал плененную тварь к груди, в которой от восторга громко колотилось сердце.

В этот предрассветный час бодрствовал не только юный колдун. Одна молодая дама меряла комнату шагами, не находя себе места от беспокойства. Проклятый маркиз слишком быстро выздоровел. А ведь ей пока не удалось пробраться в его кабинет! На рассвете должен был появиться Тень, и ей нечем было его порадовать: задание она так и не выполнила.

Как хорошо было еще два года назад, когда благородная, но бедная сиротка согласилась променять почти нищенское существование на неограниченный кредит и нужные подсказки. Пусть девичью чистоту сохранить не удалось, да и не нужна она ей с таким темпераментом, но буквально готовый есть с рук любовник защитил ее и обеспечил респектабельным прикрытием. Даже когда подоспели старые кредиторы с еще более щедрым предложением, дело не выглядело настолько сложным и опасным, как сейчас. Раньше требовалось в нужное время что-то сказать или подслушать, и любая из этих задач решалась легко. Пока не явился Тень, каждая встреча с которым все больше превращала жизнь юной красавицы в кошмар. Как негодовал и ревновал любовник, вынужденный отправить ее на эти нелепые смотрины. Сколько клятв верности требовал, прежде чем отпустить. Еще и пишет каждый день, требуя ответных посланий. Ей каждый раз приходится изгаляться, чтобы не привлечь внимания такой частой перепиской. А уж сколько чепухи она в ответных письмах понаписала — не дай Единый прочтает кто, так вовек не оправдаться!

Тень и маркиз — два злых гения, явившихся, чтобы уничтожить ее сытую и уютную жизнь. Но она не так проста, как думают самоуверенные самцы... Красавица потрогала надетый на палец драгоценный перстень с секретом, невольно сравнив себя с ним: вот и она такая же — внешне прекрасная, но смертельно опасная внутри.

Молодая женщина вновь прислушалась, ей удалось уловить едва различимый шум в коридоре. Выглянув, она успела заметить удалявшегося в направлении своей комнаты Луку.

Опять этот щенок! Сколько крови он ей попортил своими неуточными похождениями. «Подожди у меня! Я еще не все средства исчерпала, — кровожадно подумала красавица, — выпрут вас с сестрицей отсюда, и очень скоро».

— Какая же она красивая! — воскликнула Виола, уставившись в горящие ненавистью глаза крысы размером с молоденькую кошку. — И большая какая!

Лука улегся рядом с сестрой и тоже свесился с кровати, чтобы полюбоваться на свою добычу. Специально для нее он давно приволок в комнату одну из клеток, в которых на кухню помещая доставляли живую птицу.

— А умная какая! — Виола ткнула пальцем в бок крысы, быстро просунув его в щель между крепкими металлическими прутьями и тотчас убрав, как только крыса извернулась, чтобы тяпнуть нахалку. — Даже не шумит.

При этих словах в глазах крысы появилось столько сожаления, что любому дураку стало бы ясно, что хищная тварь не просто умная, а очень даже *разумная*. Но у близнецов никогда не было домашнего животного, и по достоинству оценить смысленность крысы они не могли.

— Как назовем? — Девушка просунула хвостатой узнице кусочек мяса, который та гордо проигнорировала. — Может, Фиолетовым Кошмаром?

— Не-е, давай Белиндой!

— Это почему?

— Да маркизу так зовут, я слышал, как Синегад блеял вокруг нее да все руку слюнявил. Противно

так!

— И не говори, жуткое имечко!

— Вот я и предлагаю так крысу назвать, — ухмыльнулся Лука. — И все время помнить, что она у нас в клетке сидит, тапочки приносит.

— Какие тапочки? Ты о чем вообще? Крысы — это тебе не собаки.

— А жаль! — с искренним сожалением вздохнул брат. — Так как, назовем в честь маркизы?

Крыса с ужасом и мольбой взглянула на Виолу, даже лапки молитвенно сложила, всем своим существом как бы говоря: «Ну давай, не подведи меня! Это твой брат идиот, а ты же умная девочка. Какая из меня Белинда? Я же крыс!»

— Давай! — согласилась Виола. — Маркиза допечет — будем в эту Белинду огрызки швырять. Ей все равно, крысы любят объедки.

Несчастный фиолетовый крыс Белинда тяжело плюхнулся на попу и прикрыл глаза лапками.

— Смотри, умывается как, — поделился наблюдением гордый зоолог, он же удачливый охотник и храбрый колдун. — Куда б ее спрятать, чтобы слуги не наткнулись?

На завтрак близнецы явились с небольшим опозданием и донельзя довольными физиономиями, чем тут же привлекли внимание леди Каларон, и без того готовой подозревать их во всех злодеяниях на свете.

Настроение близнецов не укрылось и от маркиза. Он был удивлен выражением довольства и благодушия на похожих друг на друга лицах с огромными аквамаринowymi глазищами, а вчерашнее поведение сестры и брата не предвещало столь разительной перемены.

Сам Андэр провел беспокойную ночь — крутился в постели, не находя себе места, все вспоминал единственный взгляд Виолы, брошенный на него во время вечерней встречи. В нем было столько гнева, горечи и презрения, что маркиз, несмотря на усталость, так и не уснул до самого утра.

Дождавшись, когда все устроятся за столом, вдовствующая маркиза встала, чем привлекла внимание гостей и вывела из задумчивости сына, для него ее поступок тоже стал сюрпризом.

— Уважаемые гости, — торжественно произнесла маркиза, — как видите, к нашей общей радости, мой сын и гостеприимный хозяин оправился от простуды. Неприятности последних дней отступили, и я с радостью хочу вам сообщить, что с сегодняшнего дня мы возвращаемся к увеселительным мероприятиям, которые, надеюсь, скрасят ваш досуг и оставят только приятные воспоминания о посещении «Оленьего бора»!

Андэр отметил, что дамы за столом радостно зашептались. Не хватало среди них только леди Бастрад и ее компаньонки, пожелавшей остаться с травмированной дочерью герцога.

Вдовствующая маркиза выждала минутку, чтобы все успели обменяться первыми впечатлениями, и объявила самую важную новость, мгновенно вызвавшую у собравшихся красавиц бурный восторг:

— Сегодня днем нас ожидает особое мероприятие. По моей просьбе в «Олений бор» приехала эри ди Свершталль — всемирно известная прорицательница, согласившаяся взглянуть на будущее моего сына и всех пожелавших этого леди!

Андэр чуть не застонал от дурных предчувствий. Незамужние дамы и согласная на все прорицательница — это все равно что плеснуть масла в огонь! Маркиз почувствовал настоятельную потребность срочно вернуться в кровать и притвориться больным. Он так явно представил себе эту картину, что не заметил, каким восторгом загорелись глаза его подопечных.

Близнецам было чему радоваться: они только что получили превосходную возможность для особо злой проделки, способной принести им сокрушительную победу в войне против опекуна и его мамыши. Оставалось только дождаться начала действия прорицательницы. От предвкушения Виола даже поджала пальчики ног, скрытые ботинками — к столу она нынче явилась в мужском наряде, наплевав на все условности и правила приличия.

К досаде маркизы, кроме опоздания и ненадлежащего наряда сестры, предъявить близнецам было нечего: никто не убился, не понес материального ущерба, поутру не кричал от ужаса. Из отчета сыщика вообще выходило, что близнецы были паиньками и большую часть времени проводили в

комнате одного из них. А еще Лука иногда помогал слугам в незначительных делах, но без какого-либо злого умысла. Хоть светлый лик с этих паршивцев пиши.

Маркиз выслушал отчет вместе с матушкой, пронзил ее укоризненным взором и удалился «заниматься делами поместья», как он выразился, оставив на нее все заботы об увеселении гостей.

Леди Каларон вздохнула, но не потому, что тяготилась такой работой. Для утомительных дел у нее была эри Стиранн. Просто с самого начала все пошло не так хорошо, как представлялось вдовствующей маркизе. Сын сопротивлялся, как мог, убегал, был ею недоволен. Гости роптали, а их сопровождающие строили козни. Барон Синегад при каждом удобном случае так и норовил облюбовать руку и ежесекундно выводил из себя навязчивыми попытками предстать более значительным в глазах окружающих, словно он ровня Бастрадам, Улукам или Каларонам. Просидевшие в доме чуть ли не неделю девицы готовы были устроить бунт, заставив маркизу пойти с козыря и раньше запланированного пригласить в «Олений бор» знаменитую прорицательницу.

Ах! Ведь если бы не эта женщина, леди Каларон до сих пор вела бы беззаботную жизнь на целебном курорте в компании вдовствующей императрицы и не знала о смертельной опасности, нависшей над любимым сыном!

Сегодня у маркизы было много дел. Как ни хороша эри Стиранн, но за всем нужен хозяйский пригляд. Нельзя полагаться только на секретаря, которая в последние два дня ведет себя странно.

— Душечка! — Леди Каларон прищелкнула пальцами, привлекая внимание витавшей в облаках секретаря. — Что с организацией чаепития для ожидающих предсказания леди? Вы позаботились об экзотических угощениях? Эри ди Свершталь — чужестранка. Ее надо расположить к присутствующим и в то же время подчеркнуть перед гостями необычное происхождение предсказательницы.

— Прошу прощения, ваше сиятельство.

Как оказалось, ледяная эри Стиранн умела краснеть. Леди Каларон еще никогда не видела секретаря такой смущенной. С девушкой что-то происходило.

— Слуги сносят столы в бальный зал. Для прорицательницы стол мы поставим отдельно, но в отдалении и по центру. А все остальные выстроим полукругом, чтобы леди могли наблюдать, но не слышать того, что эри ди Свершталь будет говорить другим дамам...

Вдовствующая маркиза улыбнулась — все шло по ее плану. Сегодня — предсказания, завтра — вечер с танцами, послезавтра — пикник. На конец недели она запланировала первый бал. К тому времени можно будет начать пристраивать близнецов, чтобы они как можно скорее оказались подальше отсюда.

Не ведавшие своего скорого счастья близнецы с нетерпением ждали запланированного маркизой развлечения. Не захотев сидеть в доме, они отправились на прогулку, подальше от следящих глаз и ушей. Задуманная каверза требовала от юных мстителей некоторой тренировки, поэтому Виола и Лука все время до обеда провели на берегу довольно широкой и спокойной Айморэ.

Сняв ботинки, брат некоторое время бродил по колена в воде, а Виола сидела на берегу. Но день был жарким, а река выглядела так зазывно, что она решила окунуться.

— Как думаешь, за нами и сейчас следят? — спросила она, сбрасывая с себя мужскую одежду и оставшись только в панталонах и нижней рубашке.

— Не думаю. — Лука решил последовать примеру сестры, разделся до панталон и первым бросился в воду. — Делать им больше нечего, как таскаться по пятам за нами в такую даль.

Виола вошла в воду:

— Ох, как хорошо! Как же я соскучилась по морю!

Лука захохотал и окатил сестру водой, мгновенно намочившей нехитрую одежду, прикрывавшую ее тело.

Скрытый ветвями деревьев маркиз отчего-то тяжело вздохнул. Может, он тоже перегрелся на солнце? Во всяком случае, Андэр многое бы отдал, чтобы оказаться сейчас рядом с радостно смеявшейся девушкой.

Свободолюбивый тихо всхрипнул, выражая недовольство длительной остановкой. Андэр потрепал его по холке и пустил рысью по лесной тропинке, вившейся вдоль берега реки — все, как он мечтал,

когда только вернулся в «Олений бор»: вороной под седлом, прохладная сень леса и ленивый плеск Айморэ. Только теперь этого ему оказалось мало. Смех девушки с аквамариновыми глазами преследовал маркиза. Он прищпорил коня, чтобы оказаться от юных подопечных как можно дальше.

Эри ди Свершталъ поразила всех своим обликом. Высокая, с величественной осанкой и красивым лицом непривычного для имперцев типа, с очень смуглой кожей и раскосым разрезом глаз, она вышла к благородному собранию в необычном платье из лоскутов кожи и кусочков меха. На груди у предсказательницы переливались яркими красками многочисленные ожерелья, в которых звенели серебряные и медные монетки и крохотные колокольчики. Когда при виде иноземки присутствующие пораженно ахнули, Андэр только ухмыльнулся — эри была далеко не самой яркой представительницей своего народа. А матушка еще пеняла ему за приключения в Сартеприи, откуда и приехала обожаемая ею предсказательница.

Будет интересно, что она увидит: среди медиумов Сартеприи встречались довольно сильные ведьмы. Может быть, он услышит нужный ему намек на затаившуюся шпионку? Для этого стол, за которым надлежало сидеть Андэру и его матушке, расположен был очень удобно — достаточно близко, чтобы не упустить ни слова из предсказаний каждой из сватаемых невест.

Предсказательница выслушала слова маркизы, после чего с достоинством поклонилась и заняла место за приготовленным для прорицания столом. На нем уже стоял волшебный шар, которым обычно пользовались оракулы, и курились экзотические травы, привезенные с родины эри.

Маркиз с матерью также заняли отведенные им места и приготовились внимать эри ди Свершталъ.

Первой за стол предсказательницы устремилась остроносая дочь барона, ловко опередив другую девушку, и та была вынуждена вернуться на место, недовольно поджав губы.

Сверкавшие предвкушением и уверенностью глаза Титии придавали ей пугающий маниакальный вид. Маркиз не удержался от укоризненного взгляда в сторону матери. Он был уверен, что леди Синегад не шпионка, однако это не делало ее безопасной: Андэру несколько раз пришлось наблюдать, как ледяная флегматичность девушки внезапно сменялась диким возбуждением, тогда любимица барона вела себя просто ужасающе. Принимать в доме такую непредсказуемую гостью, может статься, более опасно, чем иметь дело с сумасбродными близнецами. Андэр отыскал их взглядом — они тоже присутствовали в зале, сидели за самым маленьким столиком и с интересом поглядывали на происходящее.

Эри ди Свершталъ затянула заунывную песнь, взывая к духам своего народа. Глаза предсказательницы закатились, она стала раскачиваться из стороны в сторону, сопровождая пение постукиванием бусин и звяканьем монет и колокольчиков. Спустя какое-то время дым из курильниц, прежде тонкими струйками поднимавшийся вертикально вверх, вдруг сменил направление и изогнулся, образовав над столом арку. Струйки дыма разветвились и переплелись между собой, образуя красивый узорчатый свод — духи откликнулись. Эри ди Свершталъ закончила петь и взяла за руки Титию Синегад. Вместе они обняли ладонями каменное основание волшебного шара, сделанного из тончайшего стекла.

Андэр знал, что в таких шарах содержалось небольшое количество воды, которая нагревалась с помощью специального артефакта и превращалась в пластичный пар, из которого складывались образы, которые и толковал предсказатель, затеявший гадание. При этом сам шар оставался совершенно холодным, Андэр как-то убедился в этом на личном опыте. Так что сам процесс гадания был довольно интересным зрелищем даже для наблюдающих за ним со стороны.

— Вижу! — произнесла предсказательница ритуальное слово, повинувшись которому наполнявший шар пар стал складываться в необычную картину, в которой больше всего выделялся образ черепа, его маркиз рассмотрел отчетливо. Предсказательница чуть побледнела, видимо, не каждый день ей приходилось предсказывать смерть молодой благородной особе, страстно взиравшей на предсказательницу, как на лик Единого Творца в храме.

Время шло.

Эри ди Свершталъ молчала.

Тития Синегад в нетерпении стала ерзать на стуле.

Первой не выдержала матушка Андэра, она чуть откашлялась, тем самым оборвав напряженную тишину, воцарившуюся в зале.

— Мм-э-ээ... — начала свое пророчество сартенрийская ведьма, — я вижу смертельную опасность, нависшую над вашей головой, миледи. Вы уехали из отчего дома на поиски счастья, но это не та

дорога, которая ведет к любви и благополучию. Единственное место, способное защитить вас от близкой опасности, — стены монастыря. Только Творец сможет спасти ваше тело и душу! Только в нем ваше счастье!

Предсказательница выдохнула и утомленно откинулась на спинку стула.

Но не тут-то было.

— Это все, что вы увидели?! — разочарованно спросила леди Тития. — А про нашу свадьбу с маркизом? Посмотрите снова!

Эри ди Свершталъ с ужасом уставилась на сидевшую напротив нее девушку, которая вела себя так, как будто ни слова не слышала из только что произнесенного ужасного пророчества.

— Мм... это неразумно, миледи, духи уже высказали все, что вам надлежит знать. Они предупредили вас о возможной опасности и подсказали, как ее избежать...

— Но это не то, что я хочу знать! — резко оборвала ее вскочившая из-за стола Тития и гневно притопнула ножкой. — Я сама знаю, в чем моя судьба: мне предстоит стать маркизой! А вы отказываетесь подсказать мне, как этого добиться!

Андэр с трудом удержал рвавшийся наружу смех: ведьма-предсказательница выглядела необычайно растерянной — она чуть ли не с ужасом смотрела на твердолобую девицу, пытавшуюся навязать духам свою волю.

Маркиз скосил глаза на матушку, которая сидела с приклеенной улыбкой и старалась сохранить выражение невозмутимого спокойствия, но ее глаза были готовы метать молнии. Похоже, несносная Тития первой отправится домой. Ну, или в монастырь, если решит переключиться с маркизов на Единого Творца. Последнему Андэр заранее сочувствовал.

Конфликт между предсказательницей и неудовлетворенной девицей затянулся. Никакое самое страшное пророчество или угроза немедленного проклятия не могли остановить старшую дочь барона на пути к намеченной цели. Упрямая девица отказывалась покидать место за столом эри ди Свершталъ, угрожая ведьме одной из курильниц, которую схватила со стола. Сжавшийся барон только испуганно блеял за дальним столиком — видимо, был лучше присутствующих знаком с нравом разбушевавшейся доченьки. Благородные девицы с неподобающей жадностью смотрели за представлением, а близнецы и вовсе не делали попытку скрыть смех.

Матушка маркиза все-таки не выдержала и вмешалась. Она лично увела леди Синегад из-за стола эри ди Свершталъ, тем самым освободив место для следующей претендентки на счастье в объятиях маркиза Каларона.

Андэр проводил Титию заинтересованным взглядом.

Видел бы лорд Амбирмар, глава Тайной службы, эту сцену непобедимого упрямства, возможно, он по достоинству оценил бы потенциал и силу преданности идее, продемонстрированные остроносой Титией. Лорд-командор любил вербовать таких вот сложных и непредсказуемых субъектов.

Комора Стиффрис, которую ранее обошла леди Синегад, с торжествующей улыбкой заняла место напротив предсказательницы, и та вновь затянула свою ведьмовскую песнь. Дым долго не желал сворачиваться в арку — видимо, духи еще не отошли от прошлой скандальной девицы, а может, опасались нынешней. Но в конце концов усилия эри ди Свершталъ увенчались успехом, под возникшей дымовой аркой она охватила ладони леди Стиффрис своими и приложила их к камню. Шар заполнился белесым газом и... Предсказательница испуганно отшатнулась!

Маркиз с изумлением разглядел еще один образ черепа, сотканный из пара под стеклянной оболочкой волшебного шара.

«Вот так поворот!» — подумал он, с интересом наблюдая за тем, как будет выпутываться предсказательница.

— Миледи, — губы эри ди Свершталъ дрожали, — впереди вас подстерегает опасность: смерть приготовила вам ловушку...

Комора Стиффрис испуганно вскрикнула, невольно отняв руки от шара. Образы тотчас же размылись, лишившись определенных контуров, и расслоились, как туман.

— О Единый! — Леди Стиффрис испугалась еще больше. — Что теперь будет? Вы мне больше ничего не сможете сказать, да?

Предсказательница немного пришла в себя и успокаивающе улыбнулась, прежде чем взять леди за

руку.

— Отчего же. Сейчас, миледи, мы посмотрим на ваше будущее другим образом. — Женщина повернула ручку Коморы ладонью вверх и всмотрелась в линии на коже. — Вижу, что судьба ваша далеко от этого места, там, где солнце никогда не сходит с горизонта, а вокруг простирается море. Быть вам замужем за заморским вельможей!

— А как же смертельная опасность?

— Вы ее избежите, если уедете отсюда подальше, — заключила свое предсказание ведьма. — Только не медлите! Опасность слишком близко!

К своему столику леди Стиффрис возвращалась на подгибавшихся ногах.

Андэр в задумчивости побарабанил пальцами по столу. Пока такое развитие событий ему было по душе. Благодаря маменькиной затее список невест стремительно сокращался. Он даже почти не удивился, когда перед третьей девушкой в волшебном шаре возник вездесущий череп. Кажется, образ смерти даже имел наглость обернуться в сторону маркиза и хитро ему подмигнуть. Но это Андэру наверняка привиделось. Просто он стал уставать, сказывались магическое истощение, перенесенная болезнь, бессонная ночь и утренняя прогулка, после которой из головы не шел образ прелестной девушки в мокром белье, со смехом плескавшей в реке.

Лицо предсказательницы утратило естественную смуглость кожи. В ее практике такого не случалось ни разу.

Да что за катастрофа должна здесь произойти, если дух смерти обосновался под крышей любезной маркизы Каларон, как у себя дома? Что сказать несчастной обреченной леди, с надеждой взиравшей на прорицательницу? В какие слова облечь предвестие страшного будущего бедняжки?

— Смертельная опасность на вашем пути... — сказала эри ди Сверштал прелестной баронессе Шайм. — Увы! Чтобы спастись, вам нужно прервать поиски личного счастья и углубиться в учебу. Я вижу, что вас ждет ученая карьера, если вы сможете отдалиться от той ловушки, которую приготовила судьба.

Белая как мел блондинка с ужасом внимала страшным словам. Учиться? Может, лучше смерть? Единственным текстом, который леди Шайм когда-либо видела, были модные журналы, да и то разобраться в них ей больше помогали картинки, чем напечатанные слова.

Ведьма заметила колебания клиентки и удвоила усилия, максимально сгустив краски над перспективой скорой смерти. Ей это удалось. Чтобы баронесса смогла встать и уйти к своему месту за столиком, маркизу пришлось лично помочь девушке. Опираясь на него, запуганная леди ощутимо дрожала. Их путь под встревоженными взглядами невест длился невероятно долго — у блондинки то и дело подкашивались ноги. Андэр с трудом смог высвободить рукав камзола, когда баронесса Шайм наконец-то опустилась на предназначенный ей стул. Маркизу пришлось щедрой рукой плеснуть девушке в бокал крепчайшего вина, лишь бы она успокоилась и перестала цепляться за него, как попавший в бордель праведник за благочестие.

Дальше дело превратилось в рутину не только для Андэра. Предсказательница уже даже не вздрагивала при появлении очередного черепа. Девушки уходили от нее перепуганные насмерть. Маркиз все чаще лукаво посматривал на маменьку, с каждым разом все больше бледневшую и поджимавшую губы при каждом новом предсказании скорой смерти или смертельной опасности. Над смотринами все отчетливее пахло скандалом.

Одна из красавиц-невест с опасением ожидала своей очереди — слишком глазастой слыла эта эри ди Сверштал. Людская молва приписывала ей чуть ли не всемогущее прозрение, что в ситуации леди, нервно крутившей на пальце драгоценный перстень с рубином, могло обернуться катастрофой. Слышать, что предсказательница говорила другим девушкам, фальшивая невеста не могла, но постепенно ее страхи сменились удивлением, так странно выглядели те, кто возвращался от стола с волшебным шаром. Что-то там было нечисто... А раз так, то, возможно, у нее есть шанс без потерь перенести это испытание.

Притворявшаяся красавица так переживала из-за возможного разоблачения, что даже перестала замечать присутствие неподалеку ненавистных близнецов, которые сегодня вели себя на удивление тихо и спокойно.

О, если бы она только знала, сколько сил потребовалось близнецам, чтобы сохранить это спокойствие в течение почти трех часов, пока длилось гадание! Если маркизу хотелось всего лишь смеяться, то ра Велладам было впору кататься от смеха по полу, ведь все происходящее было делом их шаловливых рук. Сменяя друг друга, они управляли родной стихией, несколько капель которой были заключены в магический шар для предсказаний.

Раз за разом они рисовали кандидаткам разные смертельные ужасы, которые несчастная предсказательница была вынуждена толковать перепуганным девицам.

Лично Виола с наслаждением всматривалась в бледные перекошенные личики невест опекуна-предателя. Единственный раз она не стала вмешиваться в ход пророчества, когда перед ведьмой сел сам виновник душевных мук, терзавших девушку. Как бы Виола на него ни злилась, но не посмела исказить предсказание. Если бы ее спросили почему, она, скорее всего, так и не смогла бы признаться в своей затаенной надежде на то, что зеленоглазому мошеннику скажут о ней те важные вещи, которые она произнести не в силах...

Маркиз без подсказки обхватил каменную подставку шара и с улыбкой встретил появление знакомого уже черепа.

— Ну, привет! — сказал он ему и подмигнул, шокировав сидевшую напротив ведьму. Андэр посмотрел предсказательнице в глаза: — Я слушаю, говорите, как видите. Не нужно подбирать слова.

Эри ди Свершталь моргнула, показав, что услышала пожелание маркиза, и всмотрелась в блестящий шар.

— Дорога у вас одна, а смерти две, — тихо-тихо, чтобы никто, кроме них двоих, ее не слышал, проговорила предсказательница, — и обе связаны с синей бездной. Если обойдете первую, все равно не сможете миновать вторую. Выберетесь из второй — опять вернетесь к первой. Только верный выбор вам спасение.

— Это все?

— Да. — Ведьма обессиленно сторбилась. — Больше ничего сказать не могу.

— Спасибо! — Маркиз взгляделся в посеревшее лицо женщины. — Это было незабываемо.

— Я не шутила!

— Я знаю, — примирительно сказал Андэр и откланялся. Ему было над чем подумать.

Общий ужин прошел в тишине и унынии. За редким аквамариновоглазым и среброволосым исключением, все сидели с похоронными лицами. Возможно, даже завидовали близнецам, которым не досталось роковых предсказаний. Наигранное оживление вдовствующей маркизы не могло спасти атмосферу ужина, но леди Каларон все равно старалась как могла. Даже объявила, что готова рассмотреть заявки девушек, мечтающих проявить свои таланты в разных искусствах и выступить на завтрашнем вечере с танцами.

Всплеска энтузиазма со стороны невест не последовало. Похоронное настроение так и витало над длинным столом, уставленным вкуснейшими яствами, которые почти никто не ел. Аппетит остался лишь у близнецов и необычайно молчаливого хозяина «Оленьего бора».

И все же маркиза не желала сдаваться. Она говорила долго и громко. Чуть ли не с угрозой объявила, что запланированный бал состоится через четыре дня. Но и тогда никто из девушек не выразил восторга по этому поводу.

Маркиза не отступилась:

— Также хочу сообщить, что послезавтра мы все едем на пикник в живописное место на берегу реки!

Обещанное увеселение порадовало только беспокойных ра Велладов. На этом мучительный для всех ужин закончился. Раздраженная леди Каларон первой покинула обеденный зал.

Новое утро привнесло в жизнь эри Стиранн неожиданное приключение.

Вот уже несколько дней, как существование верной помощницы леди Каларон волшебным образом преобразилось. У нее появилась ТАЙНА!

Все началось как-то днем, когда на подушке своей постели девушка обнаружила прелестный цветок с нежными розовыми лепестками.

Вечером того же дня Карри, за глаза прозванная Дулькой, обнаружила на своей постели еще один цветок. А утром с удивлением поняла, что кто-то сменил ее обычные шпильки из практичного черного металла на посеребренные, красиво сверкавшие на свету. Тогда-то она и догадалась, что у нее появился тайный поклонник. В ее возрасте вхождения в пору увядания это был приятный

сюрприз.

Эри секретарь стала несколько рассеянной, постоянно думала, кто бы мог быть *тем самым*, кто разглядел ее душу за строгой одеждой и очками. Чтобы вознаградить поклонника, Карри даже перестала застегивать пуговку на вороте платья. Правда, всего одну, самую верхнюю, но и это уже было скандальным отступлением от моральных норм, которым она следовала с детства.

И нынешним утром, когда захопотававшись эри Стиранн направлялась с отчетом к леди Каларон, она столкнулась с дерзким и привлекательным незнакомцем. В том, как он глядел на нее с высоты своего немаленького роста, Карри увидела интерес, подсказавший взволнованной старой деве, что это может быть именно *он* — ее тайный поклонник!

Молодой мужчина налетел на нее внезапно, как золотой смерч — его волосы казались расплавленным золотом, а в карих глазах было столько тепла! Карри не сразу осознала, что стоит, уткнувшись ему в грудь, и завороченно смотрит вверх на притягательное улыбающееся лицо.

Кто он? Раньше они не встречались. Впрочем, от незнакомца разило конюшней, не входившей в сферу интересов секретаря. Манеры у молодого мужчины были чуть грубоваты, но Карри оценила, с какой легкостью он ее приподнял и переставил чуть в сторону, разрушив волшебный контакт, возникший между их телами.

— Прошу прощения, милая леди, — пробасил он, окончательно очаровав девушку, до этой встречи всегда гордившуюся собственной практичностью и трезвостью рассудка. — Это моя вина, я несколько неуклюжий. Я могу что-то для вас сделать? Есть ли у вас планы на вечер?

Увы, но этим вечером эри секретарь организовывала маленький концерт и танцы для высокородных леди, среди которых бедной старой деве места не было. Поэтому прекрасный незнакомец остался без ответа. Карри сбежала от него в покои вдовствующей маркизы.

Но, прежде чем войти в спальню к хозяйке, еще долго стояла, прислонившись к закрытой двери и ожидая, когда сердце перестанет стучать с невероятной силой, а лицо хоть немного остынет и перестанет пылать.

Таким вот образом эри Стиранн узнала, что жизнь — удивительное и волшебное место, которое может радовать не только новыми шерстяными чулками или скромной прибавкой к жалованью.

Андэр до глубины души был поражен внезапным визитом неожиданного посетителя, вошедшего в его комнату без стука. Иллюзия, преобразившая внешность мужчины, никаким образом не могла скрыть знакомые до боли жесты и манеру двигаться, хотя визитер старался изо всех сил.

— Прощенья просим, хозяин! — заявил наглец, изобразив подобострастный поклон. — Без доклада я. Меня ваш дворецкий послал!

— А он тебя не предупредил, — с самым серьезным видом спросил маркиз, — что к господину нужно обращаться стоя на коленях и стуча лбом об пол?

— Чего-о?.. — удивленно переспросил его императорское величество Арган II, выходя из образа недалекого слуги.

— На колени, говорю! — рявкнул Андэр и подошел обнять опешившего друга. — Привет, Дылда!

— Ты не тупица, ты изверг какой-то, — сказал император после дружеского приветствия.

— А сам-то — личину напялил и полез, где жарче всего!

— Не устоял, — признал Арган II, с наслаждением падая на кровать. — Устал так, что сил стоять нет. Гнал к тебе на подмогу сутки напролет.

— Я даже догадываюсь почему, — хмыкнул маркиз. — Охрана твоя где?

Император неопределенно покрутил рукой в воздухе:

— Где-то там...

— Уж не в столице ли?

— Надеюсь, что да.

— Чувствую, нам предстоят тяжелые времена, а ведь все только стало налаживаться...

— Ты ее вычислил? — Император резко сел, забыв про усталость.

— Почти, — злорадно ухмыльнулся Андэр. — У меня тут массовый побег невест намечается, какая не сбежит — точно шпионка.

Арган II недоверчиво покрутил головой:

— Ну, ты силен!

— А куда было деваться, раз друг меня подставил под вражеский огонь.

— Прости. — Император посмотрел в глаза Андэра. — Просто все так удачно сложилось — одно к одному. Грех было не воспользоваться ситуацией.

— И дружбой.

— И дружбой... А еще служебным положением. Простишь?

Андэр развел руками:

— А куда я денусь? Прощаю!

— Спасибо!

Спустя четверть часа они пили лучшее вино, принесенное верным Джурсом, сумевшим найти обходной путь в винный погреб, ключ от которого до сих пор хранился у них о чем не подозревавшей маркизы.

Пока Тупица и Дылда наслаждались жизнью и напитками, за стеной разыгрался последний акт трагедии, начавшейся с неудачной идеи пригласить в поместье известную предсказательницу. Леди Каларон не находила себе места со вчерашнего ужина, когда убедилась, что впечатлительные девушки решительно настроились покинуть смотрины. И еще удача, что невесты ревниво молчали насчет собственных предсказаний, впрочем, не оставляя попыток разузнать, что было сказано другим.

— Милочка, — вдовствующая маркиза прищелкнула пальцами перед носом витавшей в облаках эри Стиранн, — что с вами? Вы сами на себя не похожи! Я тут душу изливаю, а вы...

Секретарь опасно покраснела — будь эри Стиранн раскаленным медным чайником, то вот-вот расплавилась бы или разлетелась на куски.

— Простите, ваше сиятельство! — пискнула она. — Этого больше не повторится!

Маркиза посмотрела на служащую с недоверием. Не будь ситуация с невестами такой пугающей, леди Каларон непременно бы разобралась с внезапной переменой, случившейся с ранее такой надежной эри Стиранн. Секретаря как подменили.

— Я не спала всю ночь. Извелась. Даже не представляю, что можно предпринять, чтобы остановить их бегство! Зачем, зачем я только придумала привезти сюда эри ди Свершталь?!

Карри сделала над собой гигантское усилие, чтобы сосредоточиться на проблемах нанимательницы. Думать о предстоящей катастрофе не хотелось. Все мысли крутились вокруг привлекательного незнакомца с впечатляющим голосом. Но тут ее озарила неприятная мысль, что если невесты разъедутся, то маркизе также придется убраться из «Оленьего бора» подобру-поздорову. Неожиданного сватовства маркиз матери не простит. Между ними и без того не самые теплые отношения. Пусть на людях они изображают родственную привязанность, но поступки говорят лучше всяких слов: при любом удобном случае сын бежит от матери, как демон от жнеца Единого. Сбегут невесты — маркизе и ее секретарю не станет места под крышей имения маркиза Каларона...

И тогда...

...тогда Карри потеряет всякую связь с человеком, пробудившим ее сердце.

При мысли, что она больше не найдет на подушке тайным образом появлявшегося цветка, эри Стиранн захотелось плакать. Все что угодно, только не это! Нужно найти выход? Хорошо! Эри секретарь поможет своей маркизе! Придумает и сделает все возможное и невозможное, но смотрины продолжатся!

По какой-то извращенной прихоти Единого Творца в то же время за стеной покоев хозяйки маркиз с императором выпили за скорейшее избавление от лишних невест. Эри ди Свершталь была так

демонски убедительна. Ее репутация провидицы была многократно засвидетельствована и до вчерашнего дня считалась безупречной.

Маркиз счел Карри неудобной помехой. Император по-доброму подшутил над непривлекательной девушкой, чтобы поднять ей настроение. Нанимательница считала секретаря инструментом...

Но эри Стиранн прежде всего была женщиной. Пусть слегка позабывшей об этом на долгие двадцать шесть лет. Пока более симпатичные представительницы ее пола практиковались в кокетстве, Карри тренировала разум. И теперь, при должном стимуле, ее ум быстро нашел выход из казавшегося безнадежным положения.

— Слухи, миледи, — сказала она. — Придумаем для каждой из девушек новое предсказание и по секрету передадим сопернице. Никто из леди не станет выяснять, правда ли это. Таким образом...

— Они остановят себя сами! — воскликнула обрадованная маркиза и расхохоталась. — Карри, вы бесподобны!

Эри Стиранн скромно потупила глаза, чтобы скрыть небольшое чувство вины: не ради удовольствия и похвалы леди Каларон она старалась.

Идея со слухами упала на благодатную почву. Маркиза развила бурную деятельность, сообразив, как использовать этот же ход для оживления весьма вялого энтузиазма невест по поводу демонстрации талантов на вечере с танцами. В течение получаса все «агенты влияния» — надежные слуги, горничные и даже пара особо доверчивых компаньенок были извещены об открывшихся «секретах». Женская война за руку и кошелек распивающего вино маркиза Каларона разгорелась с новой силой. Вдовствующей маркизе только и оставалось, что позаботиться о своих «любимцах» — близнецах ра Веллад.

ГЛАВА ПЯТАЯ,

в которой кое-кто капитулирует

Виола так же, как и опекун, была уверена, что вскоре по «коридору невест» в сторону лестницы повлекут многочисленные дорожные сундуки и коробки. Какая девушка в здравом уме останется там, где ей угрожает смертельная опасность? Разве что Синегадину отсюда и шестеркой лошадей не вытащить, но в здравомыслии остроносой баронской дочки после вчерашнего скандала не только у Виолы были серьезные сомнения.

Утро довольная проделкой с предсказаниями Виола провела на прогулке.

Из особняка она сбежала ни свет ни заря. Даже Луку будить не стала — брат все свободное время уделял Белинде, надеясь обучить крысу каким-то трюкам. Наблюдать за этой парочкой было забавно, но сердце Виолы требовало иной радости.

Пробежавшись по почти безлюдному ввиду раннего часа поместью, девушка выбралась за огороженную территорию. Прохлада и звонкий шум реки влекли ее на берег Айморэ. Родная стихия звала, суля наполнить энергией и тихой радостью слияния. Противиться соблазну Виола не стала и проворно скинула одежду в густых кустах, росших вплотную к реке. Вода с любовью приняла обнаженную девушку. Соприкосновение кожи и прохладного потока показалось остро-сладким, родным и даже неожиданно теплым, на что никак нельзя было рассчитывать — солнце только окрасило небо в грязно-розовый цвет, и вода никак не могла прогреться.

Виола почувствовала, что растворяется в стихии. Она закрыла глаза и позволила своему духу унести след за речным потоком далеко-далеко, туда, где Айморэ впадала в огромное озеро, соединенное мелкими речушками и звонкими веселыми ручьями с целой россыпью озер поменьше. На одном из них девушка увидела лодку с задремавшим рыбаком. Удочка в его руке нет-нет, да и «клевала» концом о поверхность озера. Расшались, Виола плеснула водой в проспавшего улов рыбака. Он вскинулся, позабыв, где находится. Лодка закачалась. Ругающийся рыбак кое-как сумел восстановить равновесие и сесть в свое утлое суденышко. А Виола уволокла оброненное им удище к далеким камышам. Почему-то ей захотелось таким образом сделать приятное здешним рыбам, которых она видела всех — от мальков и мощных карпов до прячущихся в зарослях изворотливых щук с острыми зубами.

Видение путешествия было столь реалистичным, что Виола с трудом очнулась. Казалось, захоти она — и умчится вместе с водой куда угодно, даже к родному морю, плескавшему солеными волнами на камни Маринвенской бухты.

Открыв глаза, девушка увидела плывущие в лазурной вышине облака — она лежала на речной глади, мягко покачиваясь на присмиривших вокруг нее водах Айморэ. Сколько ни была она в своем забытии — река о ней позаботилась и не стала увлекать по течению. Виола по-прежнему находилась возле кустов, в которых оставила одежду.

Приключившееся с ней утром чудо стало еще одной из тех таинственных возможностей, открывшихся после магической бури. Виола чувствовала это всем своим существом.

Интересно, что же за силой обладала их с Лукой мама?

Лука первым просветил Виолу о постигшей их неудаче.

— Не поверишь, — сказал он, без стука ввалившись в комнату сестры, — эти курицы остаются!

Виола оторвалась от атласа Гевратской империи, который после утреннего путешествия взяла в библиотеке маркиза.

— Хорошо: не верю!..

Брат быстро пересек комнату и рухнул на кровать рядом с сидевшей над огромной книгой сестрой.

— Думаешь, без карты они отсюда не уберутся?

Сестра хмыкнула, делиться новым опытом пока не хотелось, тем более что у Луки из-за пазухи показался крупный черный нос принюхивавшейся Белинды. Фиолетовая крыса зыркнула по сторонам и только после этого вылезла из своего укрытия.

— Видишь, какая умница. — Лука ласково потрепал питомицу по голове, в упор не замечая, какими взглядом крыса ответила на такую ласку. — Сообразительная — жуть! Словно понимает, что чужим на глаза нельзя показываться.

Спрашивать, почему крыса не сбегает, Виола не стала — видела опутывающий тварь кокон и

привязь, сплетенные Лукой из ЭТОГО. Их с братом непонятное детище, которому они так и не придумали названия, по-прежнему росло и расплзлось по особняку. После сегодняшнего приключения у Виолы появилась идея, что сплетенная ими сеть может служить им с Лукой так же, как вода утром. Не поэтому ли брат той ночью проснулся и направился к ловушке? Мысль была интересной, с ЭТИМ стоило на досуге разобраться. Пока же у близнецов были задачи поважнее.

— Так что там с невестами маркиза?

— Ты и правда мне не поверила?

— Не-а...

— Не знаю, что произошло, но только никто вещички больше не собирает. Наоборот, две курицы только что чуть не подрались за право первой выступить сегодня вечером!

У Виолы появилось опасение, что ее брови навсегда останутся где-то в районе линии роста волос — они высоко взмыли и, казалось, не собирались опускаться.

— Зуб даю, маркиза опять что-то придумала!

— Му-гу... — промычал Лука, игриво ткнувшись носом в фиолетовую шерстку Белинды: крыса забавно реагировала на всякие нежности. Своенравная хвостатая дама!

— Нам бы тоже что-то свое сочинить, — вздохнула Виола, — только у меня голова совсем не работает, лениво как-то...

К тому же Виола пока не знала точно, насколько реальным было ее сегодняшнее путешествие. Сказалась ли на равновесии ее выходка с удочкой? Плохо действовать наугад. Им с Лукой жизненно необходим наставник. А раз так, то сидеть сложа руки и ждать, пока их разлучат, нельзя. Нужен новый план.

Как назло, интересных идей у близнецов не было. А еще, что хуже всего, пойти на вечер с танцами мог разве что Лука: у Виолы по-прежнему не было платья!

Тук-тук... тук! Кто-то постучал в дверь, словно бы раздумывая, а хочет ли он войти в комнату.

Близнецы переглянулись. Виола сделала страшные глаза, напомнив брату про «контрабандную» крысу. Лука едва успел выхватить из-за спины сидевшей Виолы подушку и со всей дури шмякнуть ею по крысе. Хвостатая Белинда испуганно пискнула как раз в тот момент, когда дверь, распахнутая эри Стиранн, явила близнецам напомаженную тезку их питомца.

Вдовствующая маркиза с порога оглядела помещение, заметно скривившись при виде Луки. Должно быть, еще помнила, как гонялась за ним в этой самой комнате. Возможно, именно из-за этого она не решилась войти и начала разговор, ради которого явилась, так и оставшись частично за порогом. Лука аж польщенно ухмыльнулся, но тут зашевелилась подушка, и юноше пришлось рухнуть на нее, придавив завозившуюся было крысу. При этом поза у младшего из близнецов получилась самой что ни есть непочтительной — Лука обратился к леди Каларон тощим задом.

— Доброе утро, молодые люди! — Голос маркизы звучно разнесся по коридору.

Виола при виде матери опекуна из вежливости встала с кровати и приветствовала ее легким книксеном, тем самым перекрыв обзор на опасную подушку. Мало ли — хвост высунется. В благоразумие хвостатой Белинды девушка не особо верила.

— Что вам угодно, ваше сиятельство? — Виола решила не тянуть: чем раньше леди Каларон выскажется, тем меньше шансов спалиться с фиолетовой крысой.

— Я почитаю своим долгом заботу о вас, бедные сиротки. — В голосе маркизы послышались слезы, которых не было видно в совершенно сухих глазах. — Не только у моего сына есть обязательства по отношению к вам. О многом он как мужчина и не догадывается побеспокоиться.

Виола с Лукой переглянулись: что она опять придумала?

Вдовствующая маркиза громко вздохнула, так сильно всколыхнув бюстом, что будь здесь барон Синегад, несчастный заработал бы морскую болезнь.

— Ах! Вынуждена вас огорчить, мои ягнятки, — близнецов невежливо передернуло, — я получила известие от модистки. Она сообщила, что из-за ажиотажа перед балом никак не успевают закончить ваши платья, Виола. Они будут готовы через два-три дня, не раньше. Бедная моя девочка, не думаю, что сегодня вечером вам стоит появляться среди гостей в одежде вашего брата... Да и ему без вас будет скучно, полагаю.

Виола выпрямилась, хотя и до этого сутулость была ей несвойственна. Однажды, еще девочкой, она присутствовала на казни. Ее поразил царственный вид приговоренного к смерти: мужчина стоял прямо-прямо, развернув плечи. Так, будто не ему палач должен был снести голову всего лишь через минуту. Виоле запомнилось, как о нем говорили в толпе: «подлинный аристократ», «истинный лорд», «настоящий мужчина», «бесстрашный чертяка». Сейчас девушка чувствовала себя совсем как тот мужчина, пусть даже грозящая ей беда была не сопоставима со смертью. Чувство собственного достоинства заставило ее распрямить спину и развернуть плечи.

— В утешение я прикажу кухарке приготовить для вас что-то из блюд вашей родины. Или десерт... Да, думаю, десерт будет кстати!

У близнецов от удивления брови поползли вверх. Леди Каларон пытается их подкупить? Это что-то новое...

Маркиза чарующе улыбнулась:

— Вот, собственно, и все, что я хотела вам сказать! Надеюсь, мы договорились!

Ра Веллады промолчали, ответить им пока было нечего. Но их злокозненная фантазия получила мощный пинок.

— Пойду отдам распоряжения кухарке, — сказала вдовствующая маркиза на прощанье. Секретарь прикрыла за ней дверь.

Виола выждала минуту — целую полновесную минуту, когда вскипевшая в ее груди злость грозила вот-вот разорвать девушку на куски.

— Лука, — сказала она, — не знаю, где и как, но теперь мы обязаны найти мне платье и пойти на этот треклятый вечер с демоновыми танцами, чтоб у всех там каблуки поотваливались!

Раздумывая над ответом, Лука освободил крысу из мягкого плена, но ничего сказать не успел, так как в дверь снова постучались.

Тук-тук!

Лука вновь прихлопнул встрепенувшуюся было Белинду подушкой и навалился сверху: в этот раз крыса возражала против самоуправства более активно.

— Войдите! — воскликнула Виола, загораживая возню брата.

Уж кого близнецы не ожидали увидеть, так это одну из невест. В комнату прошмыгнула робкая леди Лукрень.

Лука покраснел, сообразив, что девушка боится его прикрытую от чужих глаз фиолетовую крысу. Если тварюшка выберется — крику будет...

— Привет!.. — Сивилла выглядела не очень уверенно. — Извините, что так заявила... я по поводу платья...

Теперь покраснела Виола, сообразив, что откровения вдовствующей маркизы наверняка стали достоянием всех обитательниц «этажа невест».

— Вы слышали... — горько констатировала Виола, отводя взгляд повлажневших глаз. Ей было так стыдно... Зачем она взялась играть роль бедной сиротки? Зачем так стремилась в это поместье? Могла же позаботиться о гардеробе заранее. Деньги у них были...

— Простите меня... — Гостья извинялась, будто бы это она была виновата в ситуации, которую создала вдовствующая маркиза.

— Вы ни в чем ни виноваты.

— Но я невольно подслушала...

Виола резко прервала девушку:

— Как и все обитатели на два этажа окрест! Мои обстоятельства не стоят вашего беспокойства.

— Но я хочу помочь! — Сивилла выглядела искренней. — Позвольте мне одолжить вам одно из платьев.

Виола удивленно посмотрела на девушку.

— Вы... уверены? Вы действительно этого хотите?

— Да. — Леди Лукрень от волнения тоже покраснела. Лука раззявил рот и даже забыл про крысу, так непривычно было видеть одну из невест столь доброжелательной.

Сивилла переступила с ноги на ногу и нервно потеряла руки:

— Правда, у меня их не так много, всего два таких, которые можно надеть на вечер. Виола, можете выбрать любое. Прошу вас!

Виола отвернулась и быстро-быстро заморгала. Все-таки не выдержала. За последние недели она стала такой непривычно чувствительной. Это было ужасно! Расплакалась, как кисейная барышня.

— Спасибо, Сивилла, — глухо сказала она, стараясь справиться с чувствами. — Мне подойдет любое.

— Тогда приходите ко мне перед обедом. Право выбора я предоставляю вам.

Девушка ушла так же осторожно, как и появилась. Видимо, не хотела привлекать внимания других обитательниц этажа.

— Фух! — облегченно выдохнул Лука, прижав к груди освобожденную Белинду. Недовольная крыса яростно вращала глазами и пищала, сопротивляясь очередному ограничению свободы. — Неожиданно. Эта Сивилла не так плоха, правда, Ви?

Виола потеряла лоб и опустилась на кровать рядом с братом. Задумавшись, она машинально погладила фиолетового страдальца.

— Удивительно, — в конце концов сказала она, — не ожидала такого ни от одной из них.

Сивилла Лукрень впустила Виолу в комнату при первом же стуке. Даже если скромница Сивилла опасалась, что гостью заметят возле ее двери, все равно Виола была благодарна родственнице министра финансов за то, что она сдержала слово и действительно решила помочь.

Девушки провели вместе около часа, обсуждая сплетни и перебирая небогатый гардероб Сивиллы. От нее-то Виола и узнала о невероятных предсказаниях, которыми якобы пророчица наделила других девушек.

— Ах! — Леди Лукрень выглядела совсем расстроенной. — Если кому-то и везет в этой жизни, то не мне. Я даже не надеялась, что маркиз обратит на меня внимание, но почему же я такая несчастливая? Мне единственной напрогнозили смерть в этом доме! Эри ди Свершталль увидела, что я могу утонуть!

— Да? — Виоле было невероятно интересно узнать, как ведьма растолковала те видения, что они с братом наколдовали в магическом шаре.

— Она сказала, — на глазах у девушки заблестели слезы, — чтобы я стереглась воды. «Злая волна внезапно окатит тебя с головы до ног...» — так она выразилась. Я боюсь! Должно быть, это случится уже завтра, ведь леди Каларон запланировала пикник на берегу реки. Я точно завтра утону!

— Почему же ты просто не уедешь? — удивилась Виола.

Сивилла покраснела.

— У меня нет на это денег... Дядя пришлет карету не раньше, чем здесь все закончится. Боюсь, что моя жизнь завершится скорее... — И девушка расплакалась.

Виола не выдержала и обняла несчастную хозяйку комнаты.

— Не плачь. Может, все обойдется... Просто откажись от пикника!

— Я не смогу! — Сивилла промокнула слезы платочком. — Леди Каларон наверняка настаит, чтобы я поехала. Последнее время она всегда требует, чтобы я везде ее сопровождала.

— Тогда не подходи к воде. Просто держись подальше от реки.

Леди Лукрень по-девичночьи шмыгнула носиком и зарделась от такого нарушения хороших манер, не подозревая, что ее гостье совершенно наплевать на этикет. Виола напряженно думала.

То, что слухи о благоприятных для других претенденток предсказаниях распустила вдовствующая

маркиза, было понятно сразу. Видимо, каждая из девушек сейчас переживала совсем как Сивилла, думая, что у остальных все хорошо. Вряд ли они стали обмениваться настоящими предсказаниями. Подружек среди них не было, на этом и строился расчет. Быстро же мать опекуна обернула ситуацию себе на пользу!

Но сдаваться было не в характере Виолы. «Если действовать быстро и решительно, — подумала она, — то все можно вернуть. Испугать хорошенько девиц, и они побегут как миленькие».

Из предложенных платьев Виола выбрала более простое — белое. Набивную ткань украшал рисунок из маленьких бледно-зеленых цветочков и атласная тесьма, которой был обшит неглубокий вырез и края рукавов-фонариков, по моде позапрошлого года.

Сивилла настаивала, чтобы гостя выбрала более нарядное платье из шелка красивого золотистого цвета, но Виола решительно отказалась:

— Нет-нет, Сивилла, этот цвет больше пойдет тебе. — К этому времени девушки перешли к более личному общению, опустив часть формальностей. — Посмотри, как хорошо с этим платьем смотрится рубиновый гарнитур.

— Он достался мне от матери. — Сивилла с затаенной печалью огладила небольшой камень подвески.

В гарнитур входили серьги, изящная цепочка с подвеской и кольцо. Более-менее приметный камень был только в кольце. Сивилла носила его почти постоянно, в отличие от других украшений. В целом же гарнитур был ценен только воспоминаниями и красотой оправы, тут уж мастер постарался, скорее всего, компенсируя невысокую стоимость камней.

Щедрая леди Лукрень сдалась, только когда Виола примерила оба платья, демонстрируя, что оба на ней сидели не так уж хорошо. Виной тому была разница в росте — щиколотки девушки выглядывали из-под коротковатого подола самым скандальным образом.

— Вот видишь, все равно какое платье я надену. Пусть хоть одна из нас будет красивой! Тем более что шелковое платье больше идет к твоим золотистым волосам.

Сивилла окончательно сдалась и уступила уговорам после того, как поняла, что они никак не успеют до начала вечера отпустить подол, чтобы прикрыть щиколотки Виолы.

Распределив наряды, девушкам пришлось еще какое-то время просидеть в комнате. Вернуться к себе Виола смогла, только когда все направлявшиеся на обед леди прошли мимо по коридору. Дождавшись, когда затихнут их голоса и шаги, Сивилла вышла и огляделась, подав Виоле знак, что путь свободен. Прижав к груди платье, Виола выскользнула в коридор и понеслась к своей комнате.

Дожидавшийся Виолу брат оценил одолженное на вечер платье.

— Бледненько, но чистенько, — сказал Лука, погладив питомицу, чей необычайный яркий окрас радовал его юношеское сердце. — Выберемся, закажем тебе дюжину платьев разных цветов. Только не белое! В нем ты похожа на привидение.

Виола фыркнула, представив, как в образе призрака является на праздник маркизы.

Что-то в этом было... Им ведь нужно напугать дорогих невестушек.

Близнецы отправились к обеду, тихо переговариваясь. Виола просветила брата, каким образом вдовствующая маркиза смогла остановить бегство невест из поместья.

Лука загорелся идеей еще раз напугать противных девиц и тем самым свести на нет надежды леди Каларон на спокойную жизнь в «Оленьем бору». Готового плана у близнецов не было, да и быть не могло, так как для его составления требовалась информация. Редкая проказа, совершенная по случаю, могла закончиться удачей. В нынешнем же положении ра Велладам требовался надежный план. Скрытая война — серьезное мероприятие, в котором они рассчитывали скорым образом победить. Поэтому за столом близнецы больше смотрели и слушали, о чем говорили девицы, чем интересовались содержимым собственных тарелок.

Продемонстрировать свои таланты решили почти все девушки. Они даже устроили шумный спор, едва не переругавшись из-за очередности выступлений. Виола про себя отметила, каким ледяным взглядом опекун смотрел на галдевших девиц, забывших о манерах и этикете.

Сидевший во главе стола мужчина счастливым не выглядел. Виоле показалось, что маркиз едва скрывает гнев. Был ли его причиной шум за обедом или что-то другое вывело лорда Каларона из себя, но только он первым покинул обеденный зал, раздраженно бросив на стол ненужную уже салфетку, чем выдал свои чувства.

Как бы там ни обстояли дела с настроением маркиза, наблюдать за ним было всего лишь маленькой прихотью, уверяла себя Виола, собираясь после обеда идти в разведку: вдовствующая маркиза пообещала невестам, что для их выступления в бальном зале соорудят настоящую сцену. Близнецы решили разделить обязанности: Виола собиралась пройтись среди девушек, а Лука — потолкаться среди слуг. Не может такого быть, чтобы они не нашли достойного повода испортить вечер маркизы Каларон!

Что готовились представить зрителям многие из невест, ра Велладам уже было в общих чертах известно. Но среди девиц встречались и темные лошадки, не желавшие заранее извещать конкуренток о своих талантах. В числе последних Дамира Айлайр выделялась таинственной улыбкой и пренебрежительным отношением к планам других девушек. Эта брюнетка — крепкий орешек! Виола решила во что бы то ни было разузнать, какое выступление готовит надменная красавица.

Пока Виола вроде как простодушно глазела на слуг маркиза, быстро возводивших сцену, в зале попеременно появились все девушки, решившиеся принять участие в представлении. Явилась сюда даже сама вдовствующая маркиза. Никто из них к Виоле не обратился ни словом. Может быть, ее принимали за брата: на ней вновь была одежда Луки. И хотя сейчас Виола не утягивала грудь, но все равно здорово походила на юношу.

Луку предполагаемые невесты воспринимали более спокойно. Виола искренне не понимала, какую угрозу они видели в ней самой. Свою внешность и фигуру девушка, только недавно начавшая переживать по этому поводу, оценивала крайне низко. Ей никогда не сравниться ни с одной из таких красавиц, которых леди Каларон пригласила на смотрины. Виола превосходила разве что Синегадину, но эту-то затмила бы любая девушка без косоглазия, с двумя руками и ногами и нормальным аппетитом. Так думала простодушная Виола.

Решившиеся блеснуть талантами претендентки на руку и сердце маркиза готовились поразить будущего мужа пением, танцами и даже фокусами. Одна девушка распорядилась, чтобы ей доставили «милых пташек», и слуги ринулись искать певчих птиц для леди.

Виола с трудом скрывала довольный блеск глаз — возможностей напакостить было много. Оставалось только обсудить все с братом и выбрать жертв и способ их устрашения.

Сцена была почти готова, причем самая что ни есть настоящая, как в театре — с занавесом. Оказалось, что в поместье хранилась специальная конструкция. Слугам нужно было только собрать ее, что они и сделали за какой-нибудь час.

Виола не была бы настоящей ра Веллад, если бы не сунула нос куда только можно, в том числе и за кулисы, где неожиданно увидела Сивиллу. Девушка тихонько распевалась. Понятно — тоже решила принять участие в представлении. Голос у леди Лукренъ оказался удивительным — очень чистым, просто-таки волшебным. Но не только Виола открыла секрет Сивиллы. С противоположного бока узкого прохода, ведущего к сцене, мелькнула женская фигура. Виоле показалось, что она увидела быстро отпрянувшую Комору Стифрис. Недобрый нрав этой девицы Виола хорошо помнила со времен стычки в модном салоне.

Выяснив все, что было возможно, немного раздосадованная Виола вернулась к себе. Вызвать суть выступления Дамиры не удалось. Храбрая разведчица смогла подглядеть лишь то, как проклятая брюнетка вышагивала по проходу между кулисами и что-то считала. Скорее всего, шаги.

Про Дамиру все знали, что она огненный маг. Наверняка какие-то магические фокусы злобная красотка и планировала показать. Не то чтобы Виола надеялась испугать такую отчаянную девицу, но иметь хотя бы общее представление о планах врага хотела.

Лука пока не вернулся. Крыса тихо шуршала в гардеробном шкафу, куда близнецы спрятали клетку с питомцем. Времени оставалось всего лишь три часа. Нужно было о многом поразмыслить, если они с братом собирались использовать магию. О том, как быстро вернуть равновесие, стоило позаботиться заранее. А еще перед Виолой стояла очень трудная задача: она не знала, как соорудить хоть какую-то прическу. Волосы отросли за последние недели, но все еще оставались довольно короткими. Служанки помогать ей точно не станут...

Когда брат тихо поскребся в дверь, Виола битый час крутилась перед зеркалом. Ну и пусть одолженное платье было короче, чем нужно. Девушке нравилось, как выглядят ее приоткрытые лодыжки. Но вот туфли — это настоящий ужас! Купленные в столице к готовому платью, они были удобные, но невзрачные. Она тогда взяла первую попавшуюся пару — лишь бы по размеру подходила и практичной была, а остального под длинной юбкой не видно. Однако долгое путешествие сильно сказалось на внешнем виде обуви. Кто же мог знать, что на всеобщее обозрение придется выставлять черные, поцарапанные туфли вкупе с нарядным белым платьем.

— Да уж... — выразил брат солидарность, согласившись, что вид у Виолы еще тот...

Усилием воли девушка заставила себя распрямить плечи и гордо вскинуть голову с несколько кривоватой прической — лежать гладко волосы отказались наотрез. Главное выглядеть уверенно, тогда и чувство придет. Уныние не для нее. Смеяться над ней будут в любом случае. Тут важен сам факт, что она явится на вечер вопреки всем козням вдовствующей маркизы!

Пока сестра наводила последний лоск, Лука покормил недовольную крысу и чуток поиграл с ней.

— Что-то не нравится нашей Белинде в твоём шкафу, — усмехнулся брат, наблюдая, как Виола по третьему кругу воюет с прической. — Ты как, готова? Там уже все собрались.

— А что тебе удалось узнать? Есть дельные идеи?

— По пути расскажу, — довольно ответил Лука, вновь сажая фиолетовую Белинду в клетку.

— И все же? Чувствую, у тебя есть отличная новость!

— А то! — Лука отвлекся на разговор с сестрой и не заметил, что, засовывая крысу обратно в шкаф, случайно зацепил замочком об створку, тем самым отперев клетку. — Маркиза позаботилась о кавалерах для танцев, поэтому на вечере будет много посторонней публики!

— О-о-о! — закатила глаза девушка в предвкушении потехи. Новые непуганые лица — отличный источник для будущих сплетен. После сегодняшнего вечера соседи будут обходить «Олений бор» стороной! Она лично об этом позаботится. Вряд ли невестушки захотят породниться со скандальным маркизом. Такой план был хорошей страховкой на случай, если не удастся никого из девушек напугать.

Лука был прав, обитательницы «этажа невест» уже покинули свои комнаты, даже слуг не было видно. Леди Каларон, должно быть, мобилизовала всех для безупречного проведения вечера.

— Тебе придется совершить благое дело, Ви, — тихо сказал брат, пока они крались мимо комнат невест. — Представляешь, наше ЭТО уже доросло до бальной залы!

— Уже?! — Виола была шокирована. Как быстро!

— Ага, почти всю заплело, но вот до сцены, увы, не достало. Впрочем, будет довольно и этого — я такое придумал! — Глаза брата засияли в предвкушении. — Так что тебе придется расстараться, чтобы вернуть равновесие.

— Что ты задумал?

Лука зашептал сестре на ухо свой план. Она захихикала от удовольствия, представив эффект его проделки.

— А еще я на всякий случай расставил кувшины с водой за кулисами. Может, у тебя получится создать привидение или что-то подобное.

— Тогда тебе придется...

— Я уже об этом позаботился: после праздника меня ждут на кухне. Жартель, помощник повара, отличный малый. Мы договорились, что ночью приду помогать.

— Отлично! — сказала Виола, наконец-то почувствовав себя увереннее. У них есть план, осталось воплотить его в жизнь!

Лука толкнул двери в бальный зал. Они мягко отворились, впустив на праздник жизни неожиданных гостей.

И тут все пошло не по плану...

Некоторые из девушек и приглашенных гостей заметили близнецов, но их эффектное появление в ту же секунду затмило совершенно другое событие.

Леди Лукрень, золотистая от макушки до пяток, была скромна и прелестна. Она улыбнулась Виоле и не заметила, как одна из невест толкнула слугу с подносом, на котором стояли наполненные до краев бокалы. Все замерли, когда вино высоко взметнувшейся волной полетело в сторону не заметившей опасности Сивиллы.

— Кальмарий демон! — выругалась Виола, когда влажно сверкающее красное вино окатило зазевавшуюся блондинку.

«Вот она — волна злобы, предсказанная Сивилле!»

Случай не был смертельным, но для бедняжки, по доброте душевной одолжившей Виоле платье, безусловно, фатальный.

«Демоновы стервы! Набросились на ту, что слабее их!» Виола чуть не взорвалась от возмущения. Теперь Сивилла не сможет спеть, а это единственное выступление, против которого старшая ра Веллад не возражала.

Виола обвела разгневанным взглядом шушукавшихся гостей. Акульки снобы! Никто не поторопился прийти на помощь пострадавшей девушке. Только слуга горячо извинялся перед застывшей и жалкой леди Лукрень, на глазах которой появились слезы. Еще минута, и ее охватит полноценная истерика. Этого Виола допустить не могла. Решение созрело мгновенно.

— Лука, прости меня, — сказала она брату, — тебе придется действовать в одиночку.

— Что такое? — Лука отвлекся от разворачивавшейся трагедии, глубины которой не осознавал, так как не был знаком со скудным гардеробом Сивиллы.

— Кажется, я нашла свое доброе дело. Не жалею их! — чуть ли не прорычала Виола, решительно двинувшись в сторону леди Лукрень.

Сивилла находилась в прострации. Виола кивком подозвала слугу и попросила прислать опытную горничную в комнату пострадавшей. Она не сомневалась, что чувствовавший вину лакей выполнит ее просьбу. Увести Сивиллу из зала удалось легко, та до сих пор не верила, что с ней произошла такая ужасная катастрофа, вся серьезность которой дошла до ее сознания лишь на лестнице. Сивилла расплакалась.

— Не смей! — Виола сильно встряхнула рыдающую девушку. — Еще не все потеряно! Но будет, если ты немедленно не успокоишься. У тебя покраснеют глаза и нос! Это не очень, знаешь ли, идет к белому платью.

— Ты-ы... ты-ы... ик!.. Собираешься отдать мне платье?

— Да! — твердо сказала Виола, потащив чуть поутихшую Сивиллу вверх по лестнице. — Нужно поторопиться. Не хочу, чтобы сорвалось твое выступление!

Пока Сивилла снимала испачканное платье и приводила себя в порядок с помощью срочно вызванной горничной, Виола сходила в отведенную ей комнату переодеться в уже привычную одежду брата. Занятая мыслями о жестоком мщении подлым невестам, по дороге девушка не заметила, как под ее юбкой прошмыгнул один небезызвестный крыс, стоило открыть дверь комнаты.

Скинув платье, в котором ей так и не удалось показаться на глаза опекуну, Виола с грустью погладила светлую ткань рукой — она была такой гладенькой и приятной на ощупь. И почему раньше ее не привлекали такие вещи?

Девушка взглянула на себя в зеркало и разворошила неудачную прическу. У нее было немного времени подумать, как быть дальше. До этой минуты ее поступками руководили гнев и желание помочь девушке, которая сделала доброе дело. Теперь стоило подумать, что предпринять для воплощения в жизнь своих мстительных порывов.

Например, почему вдруг она решила, что может появиться на вечере только в платье? Скорее уж в таком виде она могла надеяться на танец в компании хозяина дома. Для других планов сгодится и мужская одежда. Это маркиза сбила Виолу с толку — как заколдовала своими замечаниями об этикете...

В шкафу висели два костюма Луки. Девушка задумалась: какой выбрать? Один был получше и побогаче, а второй совсем простой и поношенный, но очень удобный. Последний она и выбрала, надев к нему сапоги, у которых ход был тише, чем у башмаков. Лицо Виолы озарила лукавая улыбка: кто бы ни попытался вывести Сивиллу из игры, он сорвал двойной куш, разозлив девицу ра Веллад. В платье она бы на такое не решилась, но теперь...

Виола решительно подхватила одолженный наряд и отправилась спасать леди Лукрень.

Через десять минут взволнованная Сивилла в сопровождении служанки умчалась в бальный зал.

А Виола...

Она отправилась следом, перед тем потратив пару минут на заговор невидимости. В прошлый раз злокозненного духа играл Лука, теперь сестра решила повторить удачный опыт.

Роль незримого демона мести едва не заставила Виолу расхохотаться. Ух! Какие теперь перед ней

открывались возможности!

Двигалась она проворно и успела нагнать Сивиллу, чтобы проскользнуть вслед за нею в зал. Второе пришествие леди Лукренъ осталось без внимания, так как все гости уже сидели на расставленных перед сценой стульях и смотрели на вдовствующую маркизу. Леди Каларон, да продлит Единый Творец ее годы, стояла на сцене. Виола просто не перенесла бы, если бы пропустила это выступление. Матушка опекуна вздумала сказать пространную речь.

Завладев всеобщим вниманием, вдовствующая маркиза велеречиво расхваливала своего сына, посетивших поместье гостей и чудесный вечер, самим богом предназначенный для увеселения собравшихся. С последним Виола готова была с легким сердцем согласиться — веселья хватит на всех. Достаточно было посмотреть на братца, сидевшего в последнем ряду со спокойным выражением лица и пляшущими бесенятами в глазах. Что-то он уже был готов повернуть!

Виола подкралась к нему и тихонько прошептала на самое ухо:

— Не пугайся, я здесь!

Она зря старалась, так как Лука от неожиданности дернулся, явив миру свою проделку раньше времени: словно повинувшись некой невидимой веревочке, подол платья леди Каларон вздернулся прямо к ее носу, в то же время тяжелый бархатный занавес рухнул сверху, не дав зрителям хоть на секундочку рассмотреть скандальное зрелище ее панталон!

— А-а-а! — раздался такой знакомый обитателям «Оленьего бора» вопль отчаяния и гнева.

— Разрази тебя каракатица, Ви! Я столько готовился! — прошипел Лука, стукнув невидимую сестру, благо, что в их сторону никто не смотрел.

— А как по мне — получилось грандиозно...

Лука скривился, он-то надеялся на большой эффект! А так — всего лишь испугал вдовствующую маркизу. Никто и не разглядел ее, хи-хи, подноготную!

— Как ты это провернул? — спросила сестра. — С помощью ЭТОГО?

— Ага! Похоже на то, что мы делали с животными. Только предварительно не нужно опутывать плетением, оно уже как бы есть. Я беру нити ЭТОГО и манипулирую ими, — прошептал довольный Лука.

— Ух ты! А мне и не говорил!

Брат покраснел.

— Ну я только начал экспериментировать. Не знал, что так скоро понадобится. Только сегодня сообразил, как ЭТО можно использовать, пока наблюдал, как слуги сооружали систему блоков и противовесов за сценой.

— Ты молодец! — ласково сказала Виола. — Я пойду за кулисы, уверена, что и мне шанс проявить себя подвернется.

— Хорошо, — едва заметно лукаво подмигнул брат, — тогда давай поделим территорию! Ты развлекаешься за сценой, а я в зале и с теми, кто на сцене. Договорились?

— Да, братишка!.. — чуть слышно донеслось со стороны уже удалявшейся сестры.

Пока слуги освобождали маркизу от занавеса и последствий падения, Виола поторопилась без помех прошмыгнуть за сцену. Лука открыл счет двойным очком, ей не хотелось отстать от брата!

Виола начала с небольшой разминки. Для пробы она разок «уронила» вдовствующую маркизу, наколдовав тончайший слой льда под ногами поднимавших женщину лакеев. В этом благородном деле ей очень помогли кувшины с водой, расставленные по укромным углам заботливым братцем. Один из таких сосудов разбился при падении части конструкции. Образовавшаяся лужа оказалась как нельзя кстати.

Леди Каларон так и не упала, еще один лакей помог ей сохранить равновесие, но вскрикнула так, будто ее роняли со скалы, а не с высоты собственного роста. Не особенно болезненно, но достаточно обидно. Свидетели могли заподозрить, что в хрупкой леди веса больше, чем в грузной телеге.

Виола кусала губы, сдерживая проказливое хихиканье. Эх! Даже жалко, что Лука в зале, ей не хватало человека, чтобы разделить веселье, которое внезапно закончилось, стоило опекуну появиться среди устроенного близнецами разгрома.

Удержаться от искушения оказалось Виоле не по силам. Она приблизилась к маркизу Каларону, насколько было возможно, чтобы не попасть под ноги снующим вокруг слугам.

Последний раз так близко к опекуну она приближалась, когда он сгорал в лихорадке. Девушка смотрела и не могла наглядеться на хмурившегося маркиза. Забывшись, Виола довольно громко вздохнула...

Маркиз Каларон мгновенно насторожился. Он выпрямился и цепким взглядом огляделся. Меж нахмуренных бровей мужчины появилась складка, которую Виоле захотелось разгладить пальцем. Вот бы прикоснуться к нему, хотя бы мимоходом...

Но судьба в лице двух невест маркиза была жестока к незримой девушке. Леди Айлайр и Стифрис появились за кулисами так же быстро и бесшумно, как парочка акул в Корабельной бухте.

Виола вынуждена была отступить, вынырнув из романтических грез. Солнце мести в ее сердце сияло ослепительно и жарко. Девушка притаилась в углу и обратилась в слух: очень интересно, что эти дамочки хотели от маркиза?

— Ваше сиятельство, — сказала Комора Стифрис, остановившись так, чтобы невзначай соприкоснуться с рукавом хозяина дома, отчего Виола почувствовала жгучее желание выдрать из головы девицы побольше волос, — такая неприятность. Это ужасно, что случилось с милейшей леди Каларон! Ваша матушка, как она? Не сильно пострадала?

Комора спрашивала таким медовым тоном, что у Виолы чуть зубы не слиплись, помогло лишь то, что она ими скрипела, как никогда понимая хищных рыб: ее так и тянуло вцепиться в наглую руку, которой подлая прилипла таки ухватила опекуна под локоть.

«Вот же гадюка, — подумала Виола, — прицепилась к моему маркизу, а в сторону самой леди даже и не посмотрела!» В запале девушка не сообразила, что только что мысленно назвала лорда Каларона «своим». Но времени разбираться у нее не было, так как в игру вступила Дамира Айлайр.

Эта... хм!.. наглая девица пошла еще дальше, поступив гораздо ловчее. Увидев, что место рядом с маркизом занято, она ринулась на помощь к вдовствующей маркизе, как будто без нее там помощников не хватало.

— Ах, леди Каларон!.. Как же такое могло приключиться?! Я не пережила бы, если бы вы пострадали! — и все в таком же духе.

Дамира носилась вокруг маркизы и восклицала достаточно громко, чтобы Андэр хорошенько расслышал ее «неподдельное беспокойство» о его матушке среди шума, устроенного слугами, поправлявшими конструкцию сцены.

Но и Комора сдаваться не собиралась и тоже повысила голос. Маркиз аж поморщился, когда она завопила прямо ему на ухо:

— Ваше сиятельство! Вы ведь не откажетесь от представления?! Это нас так разочарует! Мы готовились поразить вас своими выступлениями!

— Это зависит не от меня, леди Стифрис. — Маркиз стойчески пытался удержать навязчивую невесту хоть на каком-то расстоянии, нелепо подальше оттопырив локоть. — Судьба мероприятия в руках леди Каларон.

Он повернулся к матери и несколько странным тоном спросил:

— Вы как, матушка, еще настроены продолжить вечер... мм... развлечений?

Виола поневоле замерла в ожидании ответа. Неужели их с Лукой планам не суждено осуществиться?

Даже леди Айлайр прониклась моментом и резче, чем надобно, заколотила ладошкой по запыленной юбке вдовствующей маркизы, наверняка добавив новые синяки к уже полученным в результате падения.

— Я не могу подвести ожидания наших гостей, — вымученно сказала леди Каларон, постаравшись отодвинуться от расходившейся Дамиры. — Мы продолжим праздник!

«О да!» — чуть не вскричала Виола.

— Благодарю вас! Мы так счастливы! — наперебой затрещали невесты. Дамира Айлайр даже перестала колотить вдовствующую маркизу и переключилась на хозяина дома, подарив его сиятельству многообещающий взгляд, который отнюдь не порадовал одну скрытую чарами невидимости особу.

Подопечная маркиза Каларона вновь скрипнула зубами. Гнев с новой силой заклокотал в груди.

Как вовремя здесь появились две самые противные невесты! Виола почувствовала, что совсем размякла при виде маркиза, а ведь и к подлому предателю у нее был о-го-го какой счет!

Девушка мстительно заморозила воду под ногами маркиза, но этот нехороший человек прошел по тонкому льду, даже не покачнувшись. Он был слишком занят, отцепляя от своей руки приставучую леди Стиффрис. Зато у нее-то как раз ноги и разъехались!

Испуганно вскрикнув, Комора едва не шлепнулась, неловко переступила, послышался треск — это она каблуком порвала оборку на своем платье. Виола почувствовала удовлетворение: отлично, будет знать, как обижать Сивиллу!

Умудренный маркиз и не подумал прийти на помощь коварной девице и испарился, доверив заботу о леди подоспевшему Джурсу.

Виола ухмыльнулась: удачно получилось. Теперь опекун будет думать, что Комора это специально устроила, лишь бы привлечь его внимание.

Самонадеянная подопечная сильно ошибалась. Андэр с каждой секундой уверялся в том, что постигшее матушку несчастье, а также глупое падение леди Стиффрис явились результатом чьих-то целенаправленных действий. Что ж, кто бы ни затеял злую игру, под рукой у маркиза было несколько весьма опытных агентов и нанятый вдовствующей маркизой сыщик.

Убравшись подобру-поздорову из-за кулис, Андэр первым делом позвал Вальрису, смышленного тайного агента, прибывшего из Стайлерсока. Ему маркиз поручил предупредить всех агентов, чтобы держались настороже и высматривали все необычное, в том числе и попытки колдовства.

— Вот еще что, — под конец сказал маркиз Каларон, — есть невероятная догадка, что разыскиваемый шпион может быть невидимым, уж очень ловко он порой уходил из ловушек. Может, использует какое-то неклассическое средство или уникальный амулет. Вы присмотритесь, вдруг он себя чем-нибудь выдаст. Если это, конечно, его проделки...

Сказав последнее слово, Андэр невольно подумал о близнецах. На сердце стало тревожнее. Взглядом он нашел одного из ра Велладов — Лука спокойно сидел на стуле в самом дальнем ряду. Виолы в бальном зале не было.

В том, что никто из близнецов не мог быть искомым магом, Андэр был уверен. В особняке стояла мощная охранная система из различных артефактов, в том числе таких, которые реагировали на применение различных видов магии. Будь в ра Велладах дар пиромантии, маркиз увидел бы это и так — все одаренные одной стихией видели дар друг в друге. Для выявления магии иных стихий в «Оленьем бору» стояли скрытые артефакты, которые на близнецов не реагировали.

В то же время сбрасывать ра Велладов со счетов не стоило. Лука и Виола могли начудить и без всякого колдовства. Для этого характера у них было вдоволь.

Андэр попытался представить, как Лука сидит на верхотуре сценического каркаса и портит механизм опускания занавеса...

Нет, глупости! Он такого сделать не мог. За ним постоянно наблюдали.

Но проверить близнецов стоило.

Маркиз тихо подошел к Луке и присел на соседний стул.

— Где ваша сестра, юноша? — задал он вопрос, который беспокойной занозой сидел в его груди. — Почему я не вижу ее в зале?

Вздвогнув, Лука уставился на внезапно появившегося маркиза чуть перепуганными глазами.

Этот взгляд, да еще невероятное зрелище — спокойно сидящий юноша, всколыхнули в Андэре новое подозрение. Что-то тут было нечисто! Маркиз прищурился и пристально посмотрел Луке в глаза, понадеявшись привести его в замешательство.

Кадык среброволосого парня дернулся. Он неопределенно пожал плечами:

— Наверное, в своей комнате.

— Отчего ж так?

Глаза Луки нахально сверкнули:

— А ей сюда прийти не в чем!

Андэр почувствовал, как перед глазами у него мутнеет от гнева.

Он же поговорил с матерью, и та поклялась, что решила вопрос с одеждой для близнецов!

— Та-а-ак! — грозно сказал маркиз. — Что-то еще?

— Ну... — закатил глаза Лука, — Виоле одолжили подходящее платье, но какая-то из этих куриц, что зовутся вашими невестами, окатила вином Сивиллу — девушку, которая дала платье. Вот Виола и вернула его, чтобы та смогла выступить. — Юноша кивнул на сцену. — А тут такое!

Маркиз Каларон приложил демонические усилия, чтобы не заскрежетать зубами, но Лука огоршил опекуна еще одним замечанием:

— Только знаете, мне кажется, что без магии там не обошлось. Это я про расплескавшееся вино. — Он доверительно наклонился к маркизу: — Не могло оно без магии на такую высоту подняться, чтоб аж как морской волной хлестануть!

— Благодарю! — Андэр поторопился уйти, чтобы кое-что проверить и дать новые указания своим агентам.

Лука проводил опекуна довольным взглядом. Как ловко он пожаловался на вдовствующую маркизу и ту подлую девицу. У опекуна чуть ли не пар из ноздрей повалил, так он разгневался. Пускай идет, ищет свидетелей и виновников. У Луки появились более интересные дела: сцену наконец-то привели в порядок, правда, во избежание неприятностей сняли занавес. А жаль, трюк с его падением можно было бы проверить еще разок.

Таинственное порождение магии близнецов, которое они незамысловато называли ЭТО, разрасталось по особняку с невероятной скоростью. Если до начала вечера Лука говорил сестре, что ЭТО уже в бальном зале, но пока не дотянулось до сцены, то к моменту начала представления, когда вдовствующая маркиза вышла на подмостки, чтобы произнести речь, колдовская сеть оплела сцену незримыми нитями. Она как будто почувствовала интерес Луки к сцене и ускорила рост в этом направлении. Юноша решил, что над этим стоит поразмыслить. Пока же он с удовольствием включился в представление, рассчитывая дополнить его неожиданными эффектами.

Закрыв глаза, Лука мог бы почти увидеть сестру, не на шутку разошедшуюся в пространстве за сценой. ЭТО оплетало Виолу неощутимым коконом, так же, как и всех других, находившихся поблизости. Наверное, Лука смог бы почувствовать и тех, кто находился в других местах, где раскинулась волшебная сеть, но пока он был ошеломлен обилием ощущений от множества объектов в бальном зале. Контролировать их всех ему оказалось не по силам. Проще было сосредоточиться на ком-то или чем-то одном.

Между тем обещанное вот-вот начало представления безнадежно затягивалось. Если бы не разгневанные крики за сценой, гости могли бы подумать, что про них вообще забыли. Царивший среди зрителей негромкий гомон постепенно стихал, все заинтересованно смотрели туда, где происходила невидимая битва, звуки которой становились громче с каждой минутой.

Два молодых эрера, сидевших перед Лукой, обменялись недоуменными взглядами.

— Как думаешь, что там творится? — спросил один из них.

— Не знаю, но не отказался бы, чтобы они все это произносили со сцены, а не за ней, — ухмыльнулся в ответ второй, по виду тот еще шутник. — Я завожусь, когда красотка говорит подобные непристойности!

«Заказ принят!» — подумал Лука, решив пойти навстречу зрительским пожеланиям.

Пока брат осознавал свои новые возможности, Виола сновала между готовящимися к выступлению невестами и мечущимися слугами, которых девушки привлекли для помощи.

В ее поле зрения находилась лишь первая часть желающих показать свои таланты. Сивиллы Виола среди них не увидела, а остальных жалеть была не настроена. Поэтому решила действовать с размахом.

Подобно рисовому зернышку, чей вес способен обрушить балансирующую на краю пропасти глыбу, первая же незамысловатая пакость Виолы во вражеском стане стала источником эмоционального извержения. Леди, игравшие в невест, и без того нервничали, да и характеры их были далеки от идеала, рисуемого романтической литературой. Ни скромности, ни трепетности, ни терпения...

При первой же неприятности вежливость слетела с девиц, как пудра с пуховки — легко и естественно. А ведь Виола всего-то и передвинула мимоходом стул, поставив его на длинный шлейф платья леди Куприкс. Эта брюнетка особо отличилась, когда воевала за место в карете возле модного салона в Стайлерсоке.

Готовившаяся к выходу на сцену леди Куприкс сидела на высокой банкетке и наводила красоту. Подол ее прекрасного темно-голубого платья волнами лежал на полу. Виола чуть переставила тяжелый стул так, чтобы две его ножки оказались на шелковом «языке» аккуратно разложенного шлейфа. Виола рассчитывала только на грохот упавшего стула, когда брюнетка встанет. Но проделка неожиданно получилась более масштабной, так как леди Пиморк срочно понадобилось присесть.

Анхеланика Пиморк никогда не привлекала внимания близнецов. Спокойный и рассудительный нрав этой девушки не позволял ей принимать участие в откровенной травле ра Велладов. Но она всегда присутствовала в качестве безмолвного зрителя. Было ли это следствием неуверенности в себе или чем-то другим, но дочь герцога Пиморка во всем старалась оставаться незаметной. Вот и сейчас эта леди не подумала привлечь слуг, чтобы устроиться поудобнее, и присела на первый же попавшийся стул. Именно на тот, что прижал «хвост» леди Куприкс, которой вздумалось встать, едва появившийся слуга объявил, что все готово к представлению.

Раздавшийся треск был слишком тихим, чтобы его заметил кто-либо, кроме владелицы платья, еще секунду назад бывшего шедевром портновского искусства.

Для леди Пиморк нападение леди Куприкс стало совершеннейшей неожиданностью. Возжаждавшая крови дама была в таком припадке гнева, что ничего не могла сказать, только мычала, брызгая слюной во все стороны! И как кошка в брошенном в воду мешке, драла все, до чего могла дотянуться. Анхеланика отчаянно закричала, обратив на себя внимание впервые за время пребывания в «Оленьем бору».

— Что вы делаете?! — Леди Пиморк с трудом отбивалась от рассвирепевшей и наполовину оголившейся леди Куприкс.

Девушек ринулись разнимать. Но не один-двое слуг, а как-то все разом, спотыкаясь и мешая друг другу. В образовавшейся толчее так или иначе пострадали все конкурсантки. Виола едва успела забиться в угол. Вокруг раздавались злобные выкрики, грубая брань и жалобный плач. На этой ниве особо старалась Вирита Амо — девица, лучше других понимавшая горе Эрмалии Куприкс. Именно этой блондинке Лука в приснопамятном салоне подобным образом порвал платье. Но вместо того, чтобы посочувствовать подруге по несчастью и помочь ей выпутаться из скандальной ситуации, Вирита только привлекала внимание к позору соперницы и в то же время жалобно плакала, словно это она сейчас пострадала.

А вот Эрмалия, оказывается, знала много всяких неприличных слов и не стеснялась высказывать их прилюдно! Впрочем, в перерывах на вдох она пыталась изображать из себя умирающего лебедя, позабыв, что сама начала драку. Получалось у нее откровенно плохо. Виола язвительно подумала, что этой девице стоило бы выбрать что-то одно. Но смотреть на мучения леди Куприкс было смешно. В монастырь ее с таким лексиконом не приняли бы, а для театра она не была достаточно убедительной.

Этот бездарный спектакль лицемерия и абсурда прекратило появление вдовствующей маркизы. Белинде Каларон оказалось достаточно взгляда, чтобы страсти поутихли, крики смолкли, слуги перестали метаться, как безголовые куры, а всё еще невесты сына железной леди Каларон вспомнили о зачатках достоинства.

Виола времени не теряла. В образовавшейся посреди скандала паузе она успела совершить несколько других проделок: заморозила секретное питье Синегадины, которое должно было поддержать голос для предстоящего пения; поворожить над румянами, неосмотрительно оставленными баронессой Шайм; выдернуть пару шпилек из изящной прически одной из невест, чтобы вскрыть ими замочки с клетками певчих птиц. Приметные шпильки «богиня мести» оставила возле клеток, а одну так вообще уронила внутрь, чтобы орудие преступления точно нашли и опознали.

После таких приятных трудов Виоле оставалось только отойти в неприметный закуток, где бы в суматохе на нее никто не наткнулся, и наслаждаться веселым представлением.

После небольшой интермедии с порванными платьями в закулисном спектакле начался новый акт — насилия и позора.

Остроносая Синегадина, да благослови морские боги того, кто надоумил ее, в запале выпила в два глотка ледяной напиток и пожелала открыть представление! Дочь барона по-прежнему была убеждена, что достойна первого места во всем, в том числе и в очередности выхода на сцену.

Получив позволение вдовствующей маркизы, худосочная девица отправилась покорять зрителей несслыханным ранее вокалом.

Действительно, беднягам, собравшимся в зале, так и не удалось ничего услышать. По нескольким причинам...

Первая из них — Лука, обрадовавшийся появлению старой знакомой, как родной! Парень чуть ли не запрыгал со стулом, так был счастлив первому номеру в списке новых проделок. Вспомнив свой намек маркизу на магию воздуха, он дождался, когда Синегадина раззявит рот и попытается издать первый сиплый вопль, а потом натянул магической сетью ее платье, заставив ткань, как под порывом сильнейшего ветра, облепить баронскую наследницу с анатомической точностью.

Два благодарных зрителя, чей разговор юноша подслушал, невольно ахнули при виде «супового набора» местного производства — семья барона в здешних краях была довольно известна. Давешний шутник, мечтавший услышать ругань из уст красавиц, не дожидаясь грядущего счастья, выругался сам. Лука аж заслушался. Все-таки северяне ругаются совсем не так, как моряки-южане.

Одновременно с первым «мощным аккордом» леди Синегад за сценой произошло новое волнение: птички обрели свободу летать и... испражняться на головы и платья многочисленных леди, мечтавших окольцевать хозяина «гостеприимного» дома.

В панике несколько леди выбежали на сцену и таки порадовали крепкими словами сидевшего перед Лукой шутника.

— Как здорово, что нас сюда пригласили! — поделился он восторгом со своим другом, сидевшим с отпавшей от изумления челюстью. — Скажи, ведь возбуждает?

— У меня просто нет слов! — после некоторого мычания и пары-другой крепких словечек друг вспомнил и вежливые выражения.

Представление продолжилось, но список участниц резко сократился. Впрочем, зрители были всем довольны. Краем уха Лука услышал, как один из гостей, знаменитый столичный критик, высказался насчет того, что «это безобразие — свежее течение в изрядно застоявшейся реке театрального искусства», и пообещал, что в следующем сезоне таких представлений на столичных подмостках будет не счесть.

Лука — молодой гениальный режиссер инкогнито — аж заухмылялся от удовольствия. Если что, они с сестрой не пропадут: сбегут от опекуна и подадутся в театр!

До финиша, то есть до сцены, дошло не так много девушек. В активе Виолы оказались карканье Синегадины и всеобщая охота за птицами, распеваящими от радости обретения свободы, а также публичное скандальное изобличение Вириты Амо, которую потерявшая пташек леди Милилар обвинила в диверсии.

Из закулисных драчуний перед зрителями смогла появиться только потрепанная леди Пиморк. Скромная девица попыталась сыграть на арфе трясущимися руками, терзая струны вместе со слухом одуревших гостей, но быстро сдалась — расплакалась и убежала, освободив сцену для некой Зукании Альфрон. Эта невеста произвела неизгладимое впечатление тем, как посреди декламации стихов с ее лица кусками стала отпадать кожа. Как впоследствии оказалось, то был лишь грим, щедро наложенный нервничающей леди. Рыдающую девушку слегка утешило громогласное обещание столичного критика разоблачить в газете неважное качество косметики, которое год от года «становилось все более низким», что, безусловно, и привело к конфузу.

Лука держался за бока: сдерживать хохот с каждым «выступлением» становилось все сложнее. Какая жалость, что он не мог смеяться так, как хотелось! Его останавливал пристальный взгляд обеспокоенного маркиза, мелькавшего рядом с местом очередного скандала. За ним по пятам ходила пара дюжих слуг, которым опекун близнецов иногда что-то серьезно говорил, после чего те попеременно исчезали, заставляя Луку нервничать. Он шкурой ощущал угрозу от этих маневров.

Скрытое напряжение в зале нарастало. Небольшую передышку все получили лишь во время успешного выступления Сивиллы Лукрень, она вышла после «потерявшей лицо» леди Альфрон.

От ангельского пения Сивиллы оттаяла даже вдовствующая маркиза, которая последние полчаса демонстрировала гостям лицо человека, нещадно тужившегося из-за запора. Видимо скандальное поведение невест пришлось леди не по душе. Тем удивительней, что она так и не решилась положить конец явно провальному вечеру.

Возможно, успех Сивиллы Лукрень внушил леди Каларон надежду, что теперь все пойдет как надо, но близнецам нужно было совсем другое...

Конец вечера был еще слишком далек. Виола и Лука вошли в раж и останавливаться на

достигнутом не собирались.

Как ни удивительно, но самой несчастной особой на этом празднике жизни была отнюдь не одна из потрепанных, ославленных и отмеченных птичьим пометом невест. Эри Стиранн откровенно тяготилась своими обязанностями, вынуждавшими ее неотлучно находиться при вдовствующей маркизе. Секретарь ее сиятельства не могла скрыть тоску, с которой встречала каждое новое происшествие...

Леди Каларон пребывала в ужасе от того, во что превратился невинный смолт талантов. Такое состояние ей было несвойственно. Она предпочитала внушать ужас другим, обычно неугодным ей персонам, а не трястись в нервическом припадке. Поэтому разгневанная леди-работодательница превратила существование секретаря в ад, в то время как эри Стиранн оказалась совершенно не настроена на выполнение бесчисленных поручений и распоряжений, которые часто противоречили одно другому. В воображении Карри царил прекрасный незнакомец. Накануне вечером ей снова подложили цветок, в этот раз бледно-голубой.

По мнению Карри, этот нежный символ тайной симпатии очень подходил к серому платью, в которое она отважилась принарядиться на вечер с танцами. Эри Стиранн приколотла подарок к глухому корсажу, застегнутому на многочисленные пуговички, своим видом будто кричавшие: «Никакого декольте до десятилетнего юбилея свадьбы!»

Ах! Вот бы маркиза не мешала выглядывать прекрасного незнакомца! Но леди Каларон все зудела, чтобы эри Стиранн что-то сделала, куда-то бежала, с кем-то разобралась, и отвлекала ее от грез любви.

Несчастливая старая дева «в услужении» не знала, что предмет ее первой наивной страсти и не думал появляться на вечере. Император слишком устал, пока сбегал от своей охраны и добирался в провинцию. Да еще отличное вино, которым его напоил Андэр...

Арган мирно проспал часть ночи и весь день до позднего вечера, когда события в бальном зале приобрели силу и масштаб снежной лавины.

Усталость императора была так велика, что он с удовольствием проспал бы и до следующего утра, но тело недвусмысленно потребовало некоторых вещей, ради которых пришлось открыть глаза и встать на ноги. Тут-то предмет мечтаний Дульки обнаружил, что выпитое вино оказалось крепче, чем можно было представить. Иначе с чего бы ему привиделась огромная фиолетовая крыса, нагло прошествовавшая перед ним по коридору, еще и окинувшая заспанного императора с ног до головы презрительным взглядом чуть светившихся красных глаз?

Арган II помотал головой, избавляясь от наваждения. Помогло: в коридоре снова было пусто и поразительно тихо.

Интересно, куда все пропали?

Если бы тело так не ломило от усталости и длительного сна, а голова не гудела, как колокол, император непременно докопался бы до истины, возможно, даже разоблачил бы проделки близнецов, так как правитель Гевратской империи являлся сильнейшим магом воды. Предки Аргана всегда заботились об уровне дара наследников, вступая в брачные союзы только с девушками, обладавшими сильным магическим даром. Ради этого императорская семья подчас пренебрегала происхождением невесты. Кому как не ему, потому что такого магического рода, заподозрить каверзы магов родной стихии? Тем более что многие из уловок Аргану были знакомы — сам такими промышлял, чего уж тут...

Так что от вероятного разоблачения близнецов спасла прогулка фиолетового крыса. Увидев тварь, император уверился, что по-прежнему сильно пьян. Такое цветное страшилище могло быть только галлюцинацией, не иначе!

Со словами: «Пить надо меньше!.. Или больше?.. Хм!..» — Арган II отправился досматривать сны, в которых несчастной эри Стиранн места не было.

Маркиз Каларон испытывал ни с чем не сравнимую благодарность к матери, из упрямства решившей продолжить провальное представление. Лучшей ловушки, чем царивший в зале истерический беспорядок, для обнаружения шпиона и придумать было нельзя. Старинный метод охоты — бить палкой по высокой траве — сработал и в этот раз. Вместе со страстями, неосторожными словами и нелепыми ситуациями наружу полезли все скрытые мотивы и таланты людей, никак не проявлявшиеся ранее. По такому случаю Андэр гонял агентов и в хвост и в гриву: в кратчайшее время все полезные артефакты стащили в бальный зал. И надо сказать, что не зря. Сколько нового узнал маркиз за какой-нибудь час!

Помимо непростых отношений между девушками, набивавшимися ему в невесты, Андэра поразили странные поручения, которые раздавала его матушка. А еще он вычислил нескольких магов: кроме Дамиры Айлайр в зале нашлась еще парочка пиромантов; Комора Стиффрис оказалась довольно сильным магом воздуха; также в зале скрывались несколько магов воды, проявившие свой дар во время впечатляющего выступления леди Айлайр. По прежде Комора Стиффрис решила представить вниманию публики номер с фокусами. Лучше бы она принародно объявила, что думает побороться в рабских ямах в Алтувете, скандал вышел бы менее громкий.

Ничто не предвещало беды. Выступление леди Лукрень, поразившей публику прекрасным исполнением старинной баллады, прошло без единой помехи: никто никого не бил, не ронял, не вцеплялся в волосы, а платье девушки радовало белизной. Андэр, наслышанный про историю с ним, пригляделся к скромному наряду и невольно представил, как в нем выглядела Виола. Жаль, что он этого не увидел.

Следом за леди Лукрень выступала Комора Стиффрис. Перед выходом она вновь поскользнулась на ровном месте, но, к счастью, смогла удержать равновесие. Однако это была единственная неприятность. Слуги благополучно вынесли реквизит, и номер начался.

Комора, продемонстрировав зрителям пустой ящик, положила в него розу, специально принесенную из сада поместья. Для маркиза, как и для остальных зрителей, осталось неизвестным, во что должен был превратиться прекрасный цветок, так как в тот момент, когда фокус готов был состояться, одновременно случились два события: лицо Коморы, не глядя сунувшей руку в ящик, перекошило от ужаса, будто она в самом деле могла увидеть жуткий призрачный череп, сотканный из воздуха за ее спиной.

— А-а-а! — завопила девица, выдернув руку из ящика.

Непонятно, почему леди Стиффрис так испугал вытасченный оттуда милый пушистый котенок, обхвативший лапками ее ручку. На зрителей куда большее впечатление произвел гигантский череп. Впрочем, на саму леди тоже. Стоило ей обернуться, как она забыла про котенка и завопила в два раза громче:

— А-а-а-а-а!!!

Комора сломя голову ринулась со сцены, ежесекундно оскальзываясь и теряя разные части нарядного туалета всякий раз, когда цеплялась за всевозможные препятствия.

От Андэра не укрылось, что пострадал наряд дамы, которая, как он предполагал, организовала маленький инцидент с платьем леди Лукрень. Он подозревал, что именно из-за Коморы Виола лишилась возможности посетить праздничный, по задумке, вечер.

Маркиз с подозрением посмотрел на Луку, но тот выглядел не менее удивленным, чем другие зрители. И все же это не могло быть свидетельством его невиновности. Андэр подумал, что не помешает проверить, где и как проводит вечер Виола. Правда, дело это несрочное. У его людей и без того хлопот хватает. Виолу он навестит сам, чуть позже.

Лука действительно изумился. Он только создал призрачный череп, который должен был напомнить о смертельных предсказаниях. А вот что такого сделала Виола с реквизитом этой Стиффрис? Почему Комора так перепугалась? Юноша почувствовал легкую ревность: сестра пока вела по очкам. У него оставалось не так много шансов отыграться — заключительное выступление горячей брюнетки с особо мерзким характером да танцы...

Виола пребывала в восторге оттого, что удалось создать осязаемую иллюзию змеи в «волшебном» ящике Коморы. Ради одного ее вопля стоило рискнуть, пробравшись к реквизиту, возле которого все время сновали люди. Мстительница спрятала в нем один из кувшинчиков, в котором Лука оставил за сценой воду. Когда девица, обидевшая Сивиллу, засунула руку в ящик, ее оплел холодный водяной жгут, которому Виола придала вид змеи.

Проделка удалась на славу! Лука еще добавил драматизма. Виола с трудом сдерживалась, чтобы не застонать от сдерживаемого хохота. В этих краях еще долго будут помнить побег леди Стиффрис!

Виола постаралась успокоиться — у нее оставалось еще одно важное дело. Дамира Айлайр так никому и не сказала, что собирается показывать. Это означало, что придется импровизировать по ходу выступления. Подлая девица как раз появилась за кулисами. Виола уставилась на нее во все глаза. Да ни одна светская дама в своем уме не рискнула бы появиться на публике в такой полотняной хламиде, что была сейчас на Дамире! Что-то она задумала, так как по пятам за нею следовала служанка, несущая красивое нарядное платье.

Брюнетка остановилась в том месте, от которого днем отсчитывала шаги. Она велела служанке аккуратно положить платье неподалеку и сосредоточенно замерла, дожидаясь, пока в зале стихнет шум и слуга объявит ее выход. Прежде чем это случилось, прошло несколько томительных минут, в

течение которых Виола чуть не изгрызла все ногти. Дурная привычка вновь дала о себе знать.

Наконец со сцены прозвучало имя леди Айлайр, загредел барабан. Интересно, где брюнетка его достала? Не с собой же привезла?

Дамира Айлайр медленно и величаво пошла к выходу на сцену. С каждым ее шагом полотняная хламида, вначале заискрившая, превращалась в чистое пламя, поднимавшееся все выше. Из-за кулис Дамира ступила на сцену в одеянии из огня, в котором сгинула полотняная хламида. В зале послышался восхищенный стон. Прониклись не только мужчины. Виола различила и завистливые женские вскрики.

Могучая волшебница Дамира — на чистой силе такое совершить! Пройти по краешку приличий, чтобы показать всю силу своего дара!

Виола скрипнула зубами и сжала кулачки: нет, она так просто не сдастся!

Богиня мести, если такая существовала в природе, благосклонно кивнула своей горячей последовательнице и направила ее взгляд на платье, оставленное без присмотра на спинке стула...

На фоне неудачных и во многом трагических выступлений предыдущих невест выход леди Айлайр смотрелся настоящим фурором.

«Ну нет, кошка драная! — подумал Лука, восприняв триумф зловерной девицы как личное оскорбление. — Сейчас я тебя „спасу“ из пожара!» И в тот же миг на соблазнительно танцевавшую в огненном одеянии леди Айлайр обрушился ледяной душ.

Лука не поскупился, собрал воду откуда только можно: из спрятанных посуды, из ваз с цветами и даже из бокалов с винами и другими напитками. Поэтому «водопад» местами погасил огонь, местами облил остолбеневшую Дамиру, а местами, где попались капли алкоголя, вновь вспыхнул ярким пламенем.

Особо разглядеть бесподобную фигуру брюнетки не удалось — самые интересные места прикрыл образовавшийся при столкновении стихий горячий пар. Мужской стон быстро сменился азартными выкриками: несколько гостей, владевших магией воды, поддержали выходку Луки в надежде прибить пар новыми потоками воды.

Леди Айлайр, сверкая, хм, талией, бросилась за кулисы. Спустя несколько секунд оттуда послышался ее вопль, в котором без труда можно было расслышать лютое бешенство.

Маленькая проделка Виолы стала завершающим штрихом в истории с демонстрацией талантов. Близнецы оказались самыми одаренными и изобретательными.

Столичный критик стоя приветствовал их победу аплодисментами. К его огорчению, он так и не узнал, что один из «постановщиков» восхитительного «авангардного спектакля» все это время сидел буквально в двух рядах позади него.

Андэр никогда не видел матушку в таком состоянии, как после «смотре талантов». Она безвольно сидела на стуле в темном закутке за сценой и смотрела перед собой невидящими глазами. Говорить ей что-либо было бы жестоко. Андэр подошел к матери и накинул ей на плечи легкий палантин — леди Каларон явно знобило. На минуту ему даже захотелось обнять мать, но между ними никогда не случалось подобных нежностей. Бедная матушка, даже Дулька покинула ее здесь. Не выдержала...

— Что там гости? — тихо всхлипнула маркиза.

Андэр посмотрел на мать с восхищением — что ни говори, но под ангельской внешностью изящной леди скрывался стальной характер.

— Они всем довольны... — сказал маркиз, едва сдержав усмешку. — Расходиться никто не собирается, поэтому я приказал подготовить все для танцев.

Вдовствующая маркиза горько вздохнула:

— Ну хоть что-то хорошее...

Андэр устался на маменьку. Подозрение, что после пережитого она немного повредилась в уме, вспыхнуло в нем с новой силой. О том, что мать не в себе, он заподозрил еще раньше, когда подслушал абсурдные поручения, которыми леди Каларон засыпала Дулька. Оставалось надеяться, что помрачение временное. В крайнем случае придется послать за целителем.

— Не смотри на меня так. — Леди перехватила взгляд сына. — Я надеюсь, что танцы заставят их

хоть чуть-чуть забыть постыдное зрелище.

Они помолчали, думая каждый о своем.

В зале слышался смех, звон бокалов. Донеслись первые нестройные звуки музыки — приглашенные музыканты занимали места.

— А что близне...

— Надеюсь, вы не станете вновь обвинять их во всех бедах! — резко прервал мать Андэр. — Клянусь, что весь вечер Лука находился под наблюдением и просидел на стуле.

— А девчонка? — капризно спросила вдовствующая маркиза. Ей не терпелось найти виновника собственной неудачи.

Маркиз остро взглянул на мать.

— Благодаря вам она сидит у себя в комнате. — Маркиза вскинулась что-то сказать, но не посмела, такой скрытый гнев увидела в глазах сына. — Я как раз собираюсь сходить и проверить, как она там. Спросить, что еще помимо долгожданных платьев вы ей пообещали...

Таившаяся невдалеке Виола, не дожидаясь конца беседы, постаралась как можно быстрее бесшумно удалиться, едва только услышала, что маркиз собирается к ней с проверкой. Ой-ёй, успеть бы скорее него!

Не ведавший о близкой опасности, угрожавшей сестре, Лука беззаботно кружил по залу и прислушивался к разговорам, которыми обменивались гости.

Женщины находились под впечатлением от призрачного черепа, а мужчины не могли забыть пленительные формы леди Айлайр. Кое-кто готов был сделать невесте маркиза предложение хоть сегодня же!

Лука не возражал — так бы они избавились от самой опасной из девиц. А там, глядишь, и все остальные за нею потянулись бы.

Какая жалость, что вдовствующая маркиза сейчас не обвиняет их с Виолой во всем произошедшем! Может, маркиз уже сегодня поторопился бы избавиться от опеки над ними.

Музыканты закончили подготовку, и в зале зазвучала веселая музыка. Гости оживились. Появилась вдовствующая маркиза. К ней тотчас устремились титулованные и нетитулованные гости, мечтающие выразить леди Каларон свое почтение и восторг по поводу первой части вечера. Мать хозяина дома краснела, бледнела, но изображала радушие и благосклонность. Особо ее вдохновил восторг столичного критика, некоего эреара Брилиона.

Прожаживавшийся неподалеку Лука заметил, что мать опекуна воспрянула духом. Похоже, она приняла решение считать катастрофу триумфом и вознамерилась во что бы то ни стало убедить невест остаться. Крепкая дамочка!

Младший ра Веллад подумал даже, а не опрокинуть ли на нее поднос с напитками, но потом посчитал, что будет лучше, если он даст леди возможность насладиться этим вечером до конца. План проделок у него был наготове!

Тем временем Виола едва успела раньше маркиза домчаться до своей комнаты, тихо закрыла дверь и скинула сапоги. Теперь ей нужно было выровнять дыхание. Она прошла вглубь комнаты и замерла, прислушиваясь к звуку шагов в коридоре.

Маркиз остановился перед дверью, неприлично коротко стукнул и тут же вошел.

Виола в замешательстве наблюдала, как нахмурившийся опекун осматривает с порога помещение, совершенно игнорируя ее присутствие. Только когда он второй раз скользнул взглядом мимо, как будто не видя ее, девушка вспомнила о чарах невидимости, которые она с себя так и не сняла!

Морские боги! Что же делать?!

Какое счастье, что она успела разуться! Стараясь не шуметь, Виола кинулась за кровать и развеяла наговор. После чего зашумела, вроде как вылезая, и встала перед маркизом, изобразив на лице удивление, будто она не ждала его визита.

— Милорд... — Голос Виолы дрожал самым естественным образом, тут даже притворяться не пришлось.

— Что вы делали под кроватью? — подозрительно спросил маркиз.

«Боги! Что же я там делала?!» — Виола лихорадочно искала ответ. Под тяжелым взглядом опекуна думалось не очень плодотворно.

— Искала...

— Что именно?

— Пуговицу! — выпалила Виола, даже не дав маркизу закончить вопрос. — Оторвалась и закатилась куда-то, вот я и полезла искать!

Ее ответ почему-то смутил мужчину. Опекун чуть покраснел.

— Эри ра Веллад, я хочу принести вам свои извинения за нечестный поступок моей матери! Я знаю, что вам до сих пор не привезли заказанные платья, и вы не смогли пойти на вечер, устроенный леди Каларон. Я заверяю, что завтра же...

— Оставьте! — холодно сказала Виола, вспомнив, что их с маркизом отношения далеки от дружеских. Она его ненавидит. Он предатель, согласившийся с планом своей мамочки. В его воле хоть сегодня разлучить ее с братом. — Чем обязана столь позднему визиту? Кажется, еще недавно вы были поборником строгих манер.

Девушка скрестила на груди руки. Без обуви, едва не застигнутая врасплох, находясь один на один с Андэром в небольшой комнате, Виола остро чувствовала свою незащищенность. Сейчас она не была готова ни слушать его извинения, ни прощать за что-либо.

Похоже, маркиз почувствовал настроение девушки. На вопрос он так и не ответил. Еще раз коротко извинился и поспешил откланяться, оставив Виолу в полном душевном смятении.

Несносный человек! Зачем, ну зачем он согласился с планом своей матери?!

Ненавидеть его было так демонски тяжело...

Эта встреча подняла в Виоле бурю чувств. Взять себя в руки ей удалось очень нескоро. К тому времени возвращаться в зал на помощь Луке уже не имело смысла.

Впрочем, младший ра Веллад отлично справился с проделками сам, не посрамив честь их маленькой семьи.

За время выступления невест Лука неплохо освоил манипуляции с волшебными нитями ЭТОГО. Теперь же начавшиеся танцы представили проказнику широчайшее поле для практики. Спустя четверть часа и три танца Лука без каких-либо усилий мог заставить споткнуться на ровном месте того или иного господина или принудить лакея поклониться больше, чем нужно. Шум, крики? Что так переживать — подумаешь, платье. Ну, опрокинулась с подноса пара бокалов, зачем же так верещать?

К концу очередного медленного танца Лука заскучал. Ну, войдет этот вечер в историю как танцы с самыми неуклюжими слугами и неловкими кавалерами, ему с того какая радость?

А душа требовала размаха, веселья, чтобы все кругом аж кипело, как море в шторм!

Помаевшись, юноша понял, что не сможет дальше сопротивляться своей натуре и задумался: как придать танцам веселья? Решение пришло неожиданно, когда он вновь, уже на инстинкте, потихоньку напакостил вдовствующей маркизе. Она приняла из рук барона Синегада стакан с водой, поднесла к губам и сделала глоток, громко потянув в себя жидкость, которой в стакане уже не было! Конфуз получился знатный. Отвратительный причмокивающий звук слышали все вокруг. Брови маркизы полезли на лоб, когда она поняла, что тянет из совершенно пустого стакана. Услужливый барон за свою галантность чуть не получил по лбу.

Маркиза в гневе удалилась, а Лука задумался.

Что если не забирать всю воду, а только часть? Шальной взгляд упал на многочисленные бокалы с вином, которые разносили слуги...

Что будет, если из вина испарить воду, станет ли оно крепче?

Это стоило проверить!

В качестве испытуемых Лука выбрал уже знакомых молодых дворян, которые находили особую

привлекательность в леди, без стеснения бранящихся на людях. Мужчины как раз взяли с подноса бокалы с игристым вином и чокнулись, собираясь выпить за интереснейший вечер...

Спустя несколько минут от элегантных кавалеров не осталось и следа. Молодые люди с трудом держались на ногах, и то только потому, что опирались друг о друга самым негалантным образом.

— Так за что выпьем? — еле ворочая языком, спросил один.

— Ты меня уважаешь? — Смысл предыдущего вопроса прошел мимо второго, и он сразу приступил к самому животрепещущему выяснению отношений всех забулдыг.

Судя по всему, «обновленное» вино лордам понравилось.

Заинтересовавшись, Лука рискнул попробовать собственный напиток. Язык обожгло. Куда там морскому самогону! От крепости вина во рту юноша почувствовал себя мифическим драконом, подавившимся собственным пламенем.

Хо-хо! Пожалуй, такие напитки изрядно расшевелят заунывные танцы!

Что ж, если Виола удостоилась милости богини мести, то бог веселья не смог устоять перед приглашением Луки. Охмелевший юноша как-то враз перестал думать об опасности разоблачения, конспирации, равновесии, ради которого его сестре еще придется потрудиться...

Со счастливой улыбкой он пересек толпу гостей, как морской бог, осушая воды. В бокалах и графинах конечно же. Моря в этих краях пока не водилось. Но может, только пока? Мало ли что придет в голову детям островной колдуньи? Вот сейчас ее сына осенила дерзкая и, как ему показалось, оригинальная мысль. Под тяжестью придуманной глупости, Лука низко склонился перед вдовствующей маркизой:

— Ваше сиятельство, позвольте пригласить!

Не дожидаясь ответа дамы, которую от такой наглости чуть ли не паралич разбил, изрядно охмелевший юноша схватил ее в объятия и потащил танцевать!

О! Это был еще тот танец. Хорошо, что у оскорбленной маркизы отнялся язык.

Нужно сказать, что их пара, в которой партнер как-то нелепо и вызывающе двигал телом совершенно одеревеневшей партнерши, смотрелась довольно органично на фоне творящейся вокруг фантазмагории. Не вовремя Дамира и несколько других невест решили вновь появиться в зале. Тяжело пришлось и тем, кто по какой-то причине все еще оставался трезвым на этом празднике жизни и крепкого вина.

У вернувшегося в зал маркиза просто отпала челюсть. Такую картину трудно было придумать, не то что увидеть воочию. И никакой опыт работы в тайной службе не мог подготовить его к виду матери, лихо отплясывавшей под довольно медленную мелодию. Впрочем, грустная музыка быстро сменилась огненными плясками, как только до музыкантов дошла благая весть в виде пары графинов «особого» вина маркиза Каларона.

Андэр почувствовал, что ему нужно выпить...

Дальнейшее хозяину «Оленьего бора» мало запомнилось. Разве что, покинув зал, он снова изумился, когда увидел огромную фиолетовую крысу, молча плывшую по воздуху с гримасой ненависти и негодования на морде!

Фиолетовые крысы сами по себе дичь несусветная, а уж летающие и подавно!

Встряхнув хмельной головой, маркиз продолжил свой нелегкий путь. Он вошел в кабинет и заперся в нем, охваченный непонятной жаждой хорошенько поработать. Что-то подзапустил он дела поместья, поэтому тотчас решил проверить счета.

Проклятые цифры не оценили поползновений хозяина «Оленьего бора» складывать их, деля на умножение. Зерно категорически отказалось размножаться простынями и поросятами, а затраты на ремонт конюшен в возмущении ушли в надои выловленной рыбы.

Голова Андэра склонялась все ниже. Цифры разбегались все дальше. И еще показывали язык, дразнились аквамариновыми очами и вообще вели себя крайне вызывающе, прячась от него под кроватью. До которой маркиз Каларон так и не дошел, обессиленно ткнувшись головой в расчетную книгу.

Теплый ветерок ерошил как всегда растрепанные волосы близнецов. Лука жмурился, забавно

сморщив нос, чуть облезлый после прошлого похода на реку. Благодаря пикнику, организованному маркизой, близнецы вновь оказались на берегу Айморэ. Прихватив одеяло, они с сестрой расположились поодаль от разряженных дам, для которых на окруженной редкими кустами поляне натянули тенты и поставили столики и легкие стулья.

После бессонной ночи, в течение которой близнецы торопились отработать свои магические проделки, помогая слугам убирать последствия незабываемого танцевального вечера и участвуя в подготовке пикника, молодых людей разморило на летнем солнышке.

— Красиво тут. — Виола перевернулась на живот и беззаботно помахала в воздухе ногами. После ночных трудов все тело у нее болело. Лука чувствовал себя не лучше, хотя был сильнее сестры, но он и работу выбирал более тяжелой. К тому же его мучило похмелье.

Ночью слуги изумились рвению близнецов на кухне и в зале, но от помощи не отказались — после такого-то праздника. С кухонной прислугой Виола и Лука ладили не в пример лучше, чем с той, которую против них настроила вдовствующая маркиза.

Лука вытащил изо рта травинку, которую задумчиво покусывал:

— Море все одно краше.

— Я и не спорю. — Виола совсем разомлела на солнце. — Если не оборачиваться и не смотреть на тот клубок змей, то можно даже примириться с жизнью здесь.

— Вот еще! — недовольно фыркнул братец и ткнул пальцем Виоле под ребра. — А ну признавайся, с чего вдруг такие мысли? Сдрейфила?

Сестра рассмеялась — было щекотно. Она спихнула руку брата, поднялась и села рядом.

— Просто устала. Никогда еще так долго не злилась.

— Ага, здесь все настроены на то, чтобы закалить нам характер. Но ничего, я им сегодня тоже кое-что закалю.

— Лу, что ты сделал? — Виола не на шутку встревожилась. — Ты колдовал?!

— Не-не, ничего такого! Все сугубо натуральными средствами! Ты это, только лимонад не пей.

— Ты его отравил?!

Братец чуть смутился:

— Не так, чтоб очень... Можно сказать, слегка.

Виола стукнула брата по заднице:

— Признавайся, что ты им подсыпал?!

— Ай! Не дерись! Ничего с ними не будет, там всего лишь толокнянка. — Лука обиженно потер пострадавшую задницу. — Подумаешь, побегают наперегонки до кустиков и обратно, делов-то...

Виола облегченно вздохнула. А она-то уж было испугалась! Всерьез подумала надрать брату уши...

Но тут ей в голову стукнуло!

— Куда... — голос Вилы задрожал от волнения, — куда, говоришь, насыпал травку?

— В лимонад! Чем больше будут пить, тем чаще бегать по малой нужде. — Лука проказливо ухмыльнулся, довольный проделкой.

Виола облизала внезапно пересохшие губы.

— Лука...

— Да?

— Ты идиот.

— Это еще почему?

— В лимонад! Ты насыпал ее в демонов кислющий лимонад! А еще кухарка туда налила алтуветскую патоку!

— И что?..

— А то! Зельеварение мы вместе посещали! Чем ты слушал?

— Ну, слушал же... Вон, про толокнянку же услышал.

Виола задыхнулась от возмущения.

— Если бы нормально слушал, знал бы, что ее практически ни с чем смешивать нельзя! Особенно с кислым!

— Ой-ой!.. Что ж теперь будет, а?

— Ничего хорошего.

— А может, пронесет?

— Пронесет-то пронесет... но не нас, — мрачно сказала Виола, испугав брата еще больше.

— Как думаешь, скоро подействует? — опасливо спросил он.

— Не знаю. Но тут поразительно мало кустов, боюсь, что леди будут сильно недовольны.

— Удачно мы ночью себя на кухне зарекомендовали. — Лука растерянно потер затылок.

В отчаянии близнецы как-то невесело засмеялись, предчувствуя, что последняя неловкая выходка им с рук не сойдет.

Их смех донесся до печальных дам, прятанных в тенечке от солнечных лучей, угрожавших утонченной красоте и белоснежности кожи. Только смуглая Дамира Айлайр сидела под тентом совсем из других соображений: просто у нее было желание испортить настроение другим леди.

— Как же они раздражают, — сказала она, бросив пробный камень.

Но разговор поддержала только дочь барона Синегада.

— А мне они даже нравятся, — сказала внезапно подобревшая Тития. Заметив недоверчивые взгляды дам, тут же пояснила: — Они так жалко выглядят, что рядом с ними можно не волноваться, если чуть растрепалась прическа или появилось пятно на юбке.

— Неожиданное замечание, — хмыкнула Дамира, оставив тему, к которой никто не проявил должного интереса. — Где наш маркиз?

Девушки чуть оживились: этот вопрос волновал всех. Пусть они вроде бы решили разъехаться по домам, но ведь всегда можно дождаться, что вчерашний скандал позабудется и нервы у кого-то сдадут раньше... Тогда у той, что немного задержится, будет шанс прибрать к рукам трофей в виде богатого и красивого мужа.

Леди, возглавляемые вдовствующей маркизой и бароном Синегадом, уже с час провели на берегу реки, а опасного, по уверениям прорицательницы, и привлекательного маркиза все не было. Лакеи дважды обнесли дам лимонадом, на столиках еще оставались кое-какие фрукты, но время близилось к обеду, многим из девушек хотелось попробовать что-то посущественней воды с лимонным соком и патокой.

Дамира не выдержала и, подхватив под руку не ожидавшую такого дружелюбия Сивиллу Лукрень, отправилась прогуляться вдоль берега.

Девушки успели немного пройтись сначала в одну, потом в другую сторону, когда из леса выехала небольшая груженная повозка, которую сопровождал маркиз верхом на своем вороном коне. Дамира и Сивилла присоединились к другим горе-невестам. И тут произошло маленькое событие, вызвавшее у девушек огромное волнение и дружный вздох: маркиз спешил и встал рядом с повозкой, с козел которой спустился не менее прекрасный представитель сильной половины человечества — такой же высокий и широкоплечий молодой мужчина, но в отличие от рокового маркиза золотоволосый блондин с лучезарной улыбкой на мужественном лице. Встав рядом, мужчины вызвали у девушек приступ сильнейшего сердцебиения и редкостный по силе и единодушию вздох.

У Титии Синегад вновь алчно загорелись глаза. Девушки инстинктивно постарались отодвинуться от невменяемой баронской дочери.

— Бормо, разгрузай, — приказал маркиз золотому богу, свет вокруг которого при этих словах несколько померк. Девушки почувствовали легкое разочарование, но недостаточное, чтобы совсем

забыть о привлекательном мужчине.

Повозка оказалась загружена различной снедью, предназначенной к обеду на свежем воздухе. При помощи лакеев золотовласый Бормо быстро перетаскал корзины с едой и вином поближе к столам. Лакеи принялись за сервировку, а вокруг незнакомого красавца, как пчелы вокруг цветка, зароились дамы.

Леди Амо первой обратила внимание, что новый слуга маркиза вспотел и запыхался, она любезно предложила ему стакан лимонада, который был принят из ее рук с величайшей благодарностью и тут же выпит. Многие из дам не пожелали остаться в стороне от такого, безусловно, доброго дела, так что спустя десять минут в желудке замаскированного магической личиной императора булькало с полдюжины стаканов приторно-сладкого лимонада.

— Дорогой, — леди Каларон заставила сына склониться к ней, — кто этот молодой человек? Он мне кого-то смутно напоминает...

— Это мой камердинер Бормо, я нанял его перед возвращением в «Олений бор». Он выполнял в столице одно поручение и теперь приехал, чтобы приступить к службе.

— У него несколько вызывающие манеры, тебе не кажется?

Маркизе не понравилось, что камердинер, обладавший, без сомнения, яркой внешностью, несколько затмил ее сына. Повышенный интерес благородных леди к личности с таким незначительным положением несколько шокировал вдовствующую маркизу, и без того находившуюся в сложном душевном состоянии. Вчерашний вечер с танцами напоминал о себе жуткой головной болью и не менее страшными воспоминаниями.

— Уверю вас, матушка, Бормо — отличный парень!

Маркиз отошел от леди Каларон, чтобы проследить, как слуги накрывают на стол. На самом деле его интересовали совсем не закуски и запеченные каплуны, собранные добросовестной кухаркой. Андэр высматривал совсем других птичек. Две серебристые головы виднелись невдалеке — близнецы устроились отдельно, облюбовав местечко почти возле самой воды.

С неожиданной тоской Андэр подумал, что хотел бы оказаться на том же одеяле и развалиться рядом с беспечно болтающей ногами Виолой. Давно он просто так не сидел на берегу Айморэ. И на рыбалку не ходил. Интересно, подопечным понравилось бы порыбачить в его компании?

От размышлений маркиза отвлек лакей, сообщивший, что угощение подано. Андэр отослал его позвать близнецов, идти за ними лично или кричать он счел неприемлемым. Не хотелось привлекать к ним особое внимание, пусть хоть на минуту дольше насладятся своей беззаботной радостью.

— Может, ничего все-таки не случится? — ныл Лука. — Ведь уже должно было подействовать. Может, ты все перепутала?

Виола нехорошо рассмеялась:

— А что, хочешь испытать на себе?

Ответить брату помешало появление лакея, позвавшего их к обеду.

— Сейчас сам во всем убедишься, — шепнула девушка на ухо Луке, — только надо как-то отвести от нас подозрения. Придется и самим притвориться.

Братец понятливо кивнул: мысль подстраховаться была хорошей.

Эреа Плюм, последние двадцать лет служившая кухаркой в родовом поместье Каларонов, знала свое дело. От восхитительных ароматов, витавших под тентом, у присутствующих невольно потекли слюнки. Не только дамы, но и сам маркиз почувствовал, что готов забыть об этикете и...

Возле дальнего столика появилась Виола. Андэр тут же превратился в образцового и хладнокровного аристократа, чья любезность грозила перерасти в манию, так подчеркнуто учтиво он принялся ухаживать за сидящими рядом с ним леди.

Дамира Айлайр, с медовой улыбкой встречавшая каждую любезность маркиза Каларона, приняла из его рук тарелку, куда он положил пару запеченных перепелок, вдруг испуганно вытаращила глаза. Андэр застыл с перевернутым соусником, из которого поливал перепелок острым лимонно-перечным соусом. По мере того как маслянистая жидкость бесконтрольно лилась в тарелку, леди Айлайр стремительно бледнела и покрывалась крупными каплями пота. Тяжелая пауза была

прервана оглушительным завыванием, донесшимся из чрева прекрасной родственницы советника императора.

Глаза девушки покраснели от напряжения.

— Извините! — еле выговорила она, метнувшись из-за стола в сторону самых дальних кустиков, отделявших прибрежную лужайку от леса. От леди Айлайр остался только непонятный запах, внезапно распространившийся возле столика.

Маркиз опомнился, лишь когда тонкая струйка соуса весело ляпнулась на белоснежную скатерть.

Огненная красотка, еще минуту назад весело реагирующая на каждое слово маркиза Каларона, оказалась первой, но не единственной беглянкой. Дамы, словно сговорившись, бежали от столов, теряя туфли. Но это было еще не самое ужасное.

— Андэр, — едва слышно прошептала матушка маркиза, такая же бледная и потная, как и умчавшаяся Дамира. — Сынок! Я кажется умира-а-а-ю-у-у...

Маркиз вскочил, еще не понимая, что ему нужно сделать, но умереть матери он не даст!

— Помоги мне! — почти прошептала вдовствующая маркиза, когда сын подхватил ее на руки.

— Что мне сделать?!

— Кусты! Отнеси меня к ним! — Слабой рукой леди Каларон указала на ближайшие чахлые кусты, притулившиеся над небольшим обрывом, за которым скрывался изгиб реки.

Только там, исполнив просьбу погибающей матушки, до Андэра дошло, в чем причина столь стремительных действий женской части общества. Впрочем, когда мимо, громко топоча подкованными сапогами, промчался император, маркиз Каларон понял, что телесные страдания не миновали и мужчин.

Его взгляд вернулся к сдвинутым столам и разбросанным по траве стульям. Близнецы мирно вкушали приготовленные эрэа Плюм яства, с интересом оглядываясь по сторонам.

Непонятная хворь также обошла стороной обоих лакеев и самого маркиза. Все это наводило на нехорошие размышления об источнике переполоха.

— Я убью их своими руками! — прохрипела бледная до зелени вдовствующая маркиза, выползая из-за кустов. Она заметила, в чью сторону задумчиво смотрел Андэр, и быстро сделала собственные выводы из позорной ситуации.

— Вам помочь, матушка? — спросил он, думая поднять маркизу на ноги, но она поняла все по-своему.

— О нет! Я хочу насладиться каждым мгновением!

Брови маркиза взлетели.

— Не знал, что вы страдали от запора.

— Что?! — Маркиза забыла, что секунду назад была совершенно без сил, и зарычала, грозно двинувшись к сыну на четвереньках.

Андэр поспешно отступил и выставил руки, защищаясь:

— Прошу прощения! Я не так вас понял, матушка.

Сын был слишком высок, чтобы стоявшая на коленях мать могла заглянуть в его глаза, в которых плясали веселые демоны, но она чувствовала, что они там есть. Она ограничилась тем, что погрозила ему пальцем и, ойкнув, быстро заползла обратно в кусты.

— Что вы ели и пили, пока меня не было? — спросил Андэр страдающую мать.

— Лимонад и фрукты, — просипела она, мечтая умереть на месте.

Чуть позже, убедившись, что матушке чуть лучше и ей пока не требуется его поддержка, маркиз Каларон вернулся к пирующим близнецам. Пока шел, он внимательно вглядывался в лица среброволосых бестий, но, как ни старался, злорадства или чего-то подобного не увидел. Скорее уж ра Веллады были разморенными и чуточку встревоженными.

С Виолы при виде приближающегося Андэра слетела всяческая благодать, она вновь стала

напряженной и озлобленной, совсем как в тот вечер, когда он объявил, что выдаст ее замуж. Разве что сейчас она глаза не прятала.

— Как прошел день? — обратился маркиз к близнецам.

В ответ Лука только неопределенно пожал плечами, а его сестра проигнорировала вопрос, сосредоточившись на остервенелом распиливание ни в чем не повинного куска мяса.

Андэр присел за их столик прямо напротив девушки.

— Вас ничего не тревожит, не удивляет?.. — с намеком спросил опекун.

Виола медленно и осторожно отложила нож, при этом крепко сжав вилку. От маркиза не укрылись ее побелевшие пальчики. Девушка взглянула ему прямо в глаза и холодно произнесла:

— Почему вы нас спрашиваете, обвинили бы прямо, как ваша мать-маркиза. А еще лучше просто снова заперли бы без суда и следствия.

Маркиз почувствовал горечь, одновременно обжигающую и ледящую. Творец свидетель, он не желал ничего плохого. Но упрек Виолы частично был справедлив. Пусть не Андэр совершил с ра Велладами все те несправедливые вещи, но как опекун он нес ответственность за все, что с ними происходило, в том числе и за действия матери. Сдержаться было сложно, однако со всеобщим отравлением следовало немедленно разобраться.

— Тогда просто спрошу: это ваших рук дело?

Лука изобразил изумление и негодование, Виола фыркнула и взялась за графин с лимонадом. Маркиз спокойно следил, как девушка наполняет бокал предполагаемой отравой. В лице Виолы не было никакой бравады. Она поднесла к губам бокал и спокойно сделала глоток.

Попыталась сделать... Андэр не выдержал и выхватил у нее отравленный напиток.

Маркиз сам не ожидал от себя такого непрофессионализма и импульсивности. Он до последнего следил за девушкой, а в следующее мгновение обнаружил, что стоит над ней с отнятым бокалом, а по щеке Виолы стекает бледно-желтая струйка, пахнущая лимоном. Две пары аквамариновых глаз уставились на него с испугом и удивлением. Во взгляде Виолы Андэр увидел тень какого-то сожаления. Все трое замерли.

Опомнившись, Андэр отшвырнул бокал, словно он обжег ему руку.

Лука делано рассмеялся:

— Теперь вы будете морить нас жаждой?

Виола локтем пнула брата в бок: ситуация зашла в тупик, а он своей паршивой игрой только портил ее еще больше.

Андэр всем нутром почувствовал, что они оба ему лгут, но здесь и сейчас было не место и не время, чтобы изобличать близнецов. Жертвы отравления стали возвращаться к месту рокового пикника, и первой среди них была вдовствующая маркиза.

Не только леди Каларон считала близнецов ра Веллад ответственными за жесточайшее унижение и позор, которых настоящим леди было просто не снести. Единственным ответом на такое могла быть только месть.

Десять разгневанных леди собрались тем же вечером в комнате Дамиры Айлайр.

Пострадавшую еще до злосчастного пикника Жинию Бастрад и слабохарактерную леди Лукрень решили не приглашать. По мнению Дамиры, ни дочь герцога, все последние дни прятаясь у себя в комнате, ни Сивилла, ранее знавшаяся с близнецами, не подходили в компанию мстительниц.

Самые активные из дам — хозяйка комнаты и Комора Стифрис, некогда не поделившая с Виолой платье, позаботились о том, чтобы никто из собравшихся не остыл в своем негодовании. Как результат, девушки довольно долго зудели, напоминая растревоженный улей. Встреча грозила затянуться, а Тития Синегад, к недовольству Дамиры, стала рваться в предводители. Не для того леди Айлайр затеяла эту встречу, чтобы из-за неумелого руководства вздорной и до безумия самовлюбленной выскочки спустить близнецам все с рук.

Дамира постучала ложечкой по чашке, привлекая всеобщее внимание:

— Прошу тишины! Мы никогда не справимся с этими негодьями, если будем действовать неорганизованно.

— Согласна! — поддержала ее леди Стиффрис. — У меня даже есть план.

— У меня тоже, — вклинулась было длинноногая Тития, но ее зашикали, вновь дав слово Дамире.

— Предлагаю обсудить возможности и умения каждой из нас и как мы можем ответить на издевательства.

— Особенно на последнее!

Все зашумели. Из-за позора на пикнике можно было умереть. Даже если маркиз, как обещал, заткнет слугам рты, оставаться в «Оленьем бору» больше нельзя. Но прежде, чем уехать...

— А я считаю, — добавила Комора, — что нам нужно обыскать их комнаты и найти доказательства, чтобы предъявить маркизу.

Девушки согласно закивали.

— Одно другому не мешает, Комора, — сказала Дамира, поторопившись посвятить всех в свой масштабный план.

Спустя два часа участницы тайной встречи пришли к полному согласию. План компании был утвержден, роли распределены. Оставалось дожидаться утра.

Дальше по коридору, в комнате Луки, также составляли план заговора. Присутствовали: хозяин комнаты, его верная сестра и недовольная фиолетовая крыса, которую близнецы пытались задобрить, по очереди просовывая меж прутьев клетки всякие лакомства.

Когда охмелевший Лука обнаружил побег любимицы, чуть не затопил к демонам особняк. Дурной силы у него было вдосталь, а вот со здравым смыслом в тот момент — беда. Хорошо, что сестра припомнила свой опыт путешествия с водой и предложила брату отследить крысу при помощи ЭТОГО. Так Лука и сделал. А еще обнаружил, что с помощью их колдовского плетения может не только точно воздействовать на те или иные объекты, но и перемещать их в пространстве. Однако он и догадаться не мог, какое впечатление его опыты по отлову фиолетовой беглянки произвели на захмелевшего хозяина поместья.

— Я за полную победу, — сказала Виола, — но наша сегодняшняя проделка была излишне жестокой.

Под возмущенным взглядом красных крысиных глазок Лука в задумчивости сунул себе в рот кусочек мяса, предназначенный крысу, к которому накрепко приклеилось имя маркизы.

— Не знаю... может быть... Мы конечно же не виноваты...

— Что?! — возмутилась Виола, припомнив Луке его невежество.

— Ну, частично виноваты! Согласись, вышло даже лучше, чем мы могли бы придумать.

— Да уж... — пробормотала девушка, вспомнив, какое перекошенное от страха лицо было у маркиза, когда он вырвал у нее бокал с лимонадом. Если лорд Каларон все же узнает, что отравленное питье — их с Лукой рук дело... Пусть инициатива принадлежала брату и все вышло по незнанию, но чувство вины не оставляло Виолу. Опекун никогда ее не простит. Мысль об этом сжимала Виоле сердце. Брат как будто подслушал ее мысли, потому что сказал:

— А может, если мы признаемся, что это наша вина, нас скорее отсюда вышвырнут, отказавшись от опеки?

— Нет, только не это! — испуганно воскликнула Виола. — Не надо признаваться!

— Но подумай сама...

— Ни в коем случае!.. Да нас же просто убьют! Та же Синегадина постарается. Прошу, ни словом, ни взглядом! Это не мы, и все!

Следующая вкусняшка попала в пасть тому, кому и предназначалась — Белинде. Крысюк принял ее благосклонно и зажевал с самым задумчивым видом.

— Хорошо! Тогда что ты предлагаешь делать дальше? — немного раздраженно спросил Лука.

Виола прикусила ноготь большого пальца — опять возобладала детская привычка.

— Во-первых, давай пока воздержимся от магии...

— Во-вторых, выждем! — передразнил Лука вчерашнюю речь сестры, с планом которой был категорически не согласен. Все его существо шкодника вопияло, что отступить нельзя.

Четкого плана у него не было, но, повинувшись чутью, юноша забрал из клетки своего нежно любимого фиолетового питомца. «Главное — желание, а случай для какой-нибудь шалости обязательно представится!» — рассудил Лука, замотав недовольную крысу в магический кокон и спрятав в походную сумку, с которой собирался прогуляться к реке. Белинде солнышко пошло бы на пользу, безвылазно сидеть в четырех стенах, как Лука убедился на собственном опыте, вредно для здоровья и морального духа.

Было еще довольно рано, солнце всего пару часов как взошло над горизонтом. Лука заглянул к сестре и поторопил ее.

Близнецов больше не ограничивали в передвижениях, поэтому они, не таясь, направились в холл, чтобы выйти из особняка через главный ход.

Ловушка сработала, когда ра Веллады поравнялись со злосчастной статуей, с которой познакомились в ночь своего появления в «Оленьем бору».

— Назад! — скомандовал Лука, внезапно почувствовавший, что сейчас что-то произойдет.

Ощущение опасности пришло от проявившегося магического плетения, которое они выпустили с Виолой на свободу. «Надо же, уже досюда разрослось», — подумал Лука, следом за сестрой кинувшийся к статуе.

Зашумел появившийся из ниоткуда огонь. Виола лицом почувствовала горячий ветер, внезапно поднявшийся в закрытом помещении. Ветер погнал огонь на близнецов, вынудив их, как обезьянок, взобраться на мраморный постамент обнаженной девы.

Треск ничем не подпитываемого огня говорил о том, что на них напали магически!

— На помощь! — закричала Виола прежде, чем подумала, что могла бы справиться с огнем сама, прибегнув к помощи родной стихии.

Брат ошеломленно посмотрел на сестру, взывающую о спасении, как какая-нибудь изнеженная леди, но спросить ничего не успел: из полумрака появились демоновы невесты проклятого маркиза. Их лица были сосредоточенными и злобными. Особенно пугала Синегадина, ее чуть ли не корежило от удовольствия видеть близнецов в таком опасном положении.

— Вам не спастись, мерзкие отродья! — прокричала остроносая девица и залилась безумным смехом прежде, чем вмешалась Дамира Айлайр.

Жгучая брюнетка с отвращением покосилась на соратницу и вновь впиалась взглядом в замерших ра Велладов. Прищуренные темные глаза ее сверкали торжеством, огонь под ее ногами ластился к ней, как к матери, не оставляя сомнений в том, кто автор нападения. Все в леди Айлайр просто кричало: «Вам не уйти!» Пожалуй, такой ее вид пугал даже больше, чем истерические всхлипы Синегадины, сменившие приступ злорадного смеха.

Дамира наслаждалась каждой секундой обретенной власти.

«Чтоб ты вышла замуж за маркиза!» — в сердцах мысленно пожелал ей Лука.

Виола тоже подумала о маркизе, но совершенно не так, как брат. Лорд Каларон был единственным, кого она сейчас с радостью увидела бы рядом. Почему это так, времени подумать у нее не было.

— Помогите! — еще раз что было сил закричала Виола.

Огненная брюнетка нехорошо улыбнулась.

Быстрый звук шагов предупредил о появлении новых действующих лиц. Еще две девушки возникли в кольце света, отбрасываемого горящим пламенем. Вид у них был запыхавшийся и испуганный. Видимо, не все были согласны с покушением, которое грозило закончиться смертью.

— Мы нашли только это, — злорадно сказала девица, порвавшая платье в салоне эрза Мультми, и показала всем пустую клетку Белинды.

Итак, леди не побрезговали обыскать чужие комнаты. Виола порадовалась, что они с Лукой спрятали вырученные в Муштивенке монеты. Закопать их возле конюшни было отличной идеей.

Жажда убийства, читавшуюся на лице леди Айлайр, так легко было не остудить. Меж тем близнецов серьезно припекало — пламя вплотную подобралось к постаменту. Дым разъедал легкие. Лука, пристроившийся на каменной деве ниже сестры, закашлялся первым. У Виолы на глазах выступили слезы, камень под ней ощутимо нагрелся.

— Помогите! — еще раз крикнула она, уже не надеясь на спасение;

Но ее услышали.

— Какого демона?! — вскричал растрепанный маркиз, появившийся на верху лестницы в сопровождении камердинера и дворецкого.

Следом за ними выбежали слуги и кто-то из компаньонов. Вдовствующая маркиза прорвалась через эту толпу, по-простонародному работая локтями.

— О нет! Только не это! — отчаянно закричала вдовствующая маркиза, когда на заключенную в кольцо пламени статую обрушился ноток воды.

— Это не я! — отплевываясь, прошептал Лука, глядя на сестру ошарашенными глазами.

— Не-е-ет! — провыла маркиза, когда Виола рухнула вниз, увлекаемая мраморной рукой, отколовшейся из-за перепада температур. — Что вы наделали!!! Моя статуя!

Оплакивая потерю, вдовствующая маркиза упала на колени.

Хозяин «Оленьего бора» сбежал по ступеням и вошел в закопченный и залитый водой круг, где замерли участники события. Вид у маркиза был разъяренный. На близнецов он даже не взглянул, обратившись смертельно спокойным голосом к промокшим невестам:

— Я спрашиваю: что здесь происходит?

— Х-ха-ха-ха! — вновь залилась нервным смехом дочь барона Синегада.

Маркиз выразительно посмотрел в сторону своих спутников, с которыми прибежал на крик и сигнал охранного артефакта. На леди Синегад тотчас обрушился поток воды, несколько охладив ее истерику.

— Ну?! — Маркиз обвел мокрых дам тяжелым взглядом.

— Это они во всем виноваты! — Комора Стифрис обличительно ткнула пальцем в сторону приходивших в себя близнецов.

Бровь маркиза удивленно взлетела, придав его лицу выражение саркастичного недоумения.

— Что они? Подожгли дом и влезли на статую, чтобы задохнуться?

— Почему вы за них заступаетесь? — в гневе топнула ножкой девица, подняв шквал брызг. — Они первые начали!

— Это ваше единственное пояснение?!

— Если хотите — да! — вступила в разговор Дамира. — Вы отлично продемонстрировали, что защищать и заботиться о нас не будете. Почему теперь вас удивляет, что мы решили защищаться собственными силами?

Маркиз расслышал, как позади него фыркнул Лука.

— На нас покушались, нас травили, а вы... — леди Айлайр сделала шаг к маркизу, — что сделали вы, ваше сиятельство, чтобы защитить нас?

Андэр с горечью усмехнулся: во многом девушка была права. При его попустительстве семена ненависти, посеянные матушкой, дали быстрый и обильный урожай. Остановить это можно было только одним способом.

— У вас есть доказательство вины моих подопечных?

— Вот! — потрясая какой-то клеткой, ринулась вперед леди Стифрис.

Шепот прошел по рядам всех обитателей особняка, собравшихся к этому моменту в вестибюле.

— Простите, ваша милость, — сказала кухарка, — это клетка с кухни! Тенлон в таких привозит нам птицу.

— Именно это вы представляете в качестве доказательства? — все так же холодно спросил маркиз у растерявшейся девицы.

— Не-на-ви-жу! — прохрипела вдовствующая маркиза, как сомнамбула двинувшись в сторону близнецов. Леди Каларон вряд ли отдавала себе отчет, как выглядит со стороны — нечесаная, в испачканном пеньюаре, выставившая вперед руки с растопыренными пальцами.

— Мама! — рявкнул Андэр, заступив ей дорогу. — Придите в себя!

Женщина горько расплакалась, когда маркиз схватил ее за руки.

— Единый! Ты видишь! Я так больше не могу-у! Не хочу-у-у!

Андэр прижал мать к груди, но она вскоре отстранилась. Лицо ее распухло, нос покраснел, по щекам без остановки струились слезы.

— Так больше продолжаться не может, — твердо сказала она, обведя всех взглядом и освободившись из объятий сына.

— Мама, вернитесь в комнату. Мы обо всем поговорим, как только я разберусь в случившемся.

— Что?! — вскричала одна из невест. — Опять?! Да я сама разберусь лучше вас!

Девица кинулась к близнецам и как коршун налетела на Луку, помогавшего сестре привести себя в порядок. Не ожидавший нападения юноша оступился и поскользнулся, рухнув на мокрый пол.

— Ай!

Бывшая при Луке сумка отлетела в сторону и из нее вылезла огромная крыса фиолетового цвета.

Секундное оцепенение сменил разноголосый панический вопль:

— А-а-а! — Люди заметались, подняв тучи брызг.

Андэр едва успел подхватить тело упавшей в обморок матери.

— Как же у тебя весело, — на ухо сказал другу подкравшийся император.

— Не то слово! — Маркиз встряхнул матушку. — Не знаю, может ли быть еще веселее?

Спустя два часа главные участники конфликта — близнецы, невесты, даже дочь герцога Бастрада, пугающая все еще опухшим разбитым лицом, ее родственница-компаньонка, а также хозяин дома и его мать собрались в большой гостиной. Эри Стиранн присоединилась к ним, когда все уже расположились. Секретарь заняла место рядом с леди Каларон.

В комнате было душно, Виола, одетая в новое платье из унылой коричневой шерсти, была вынуждена то и дело прикладывать платок к вспотевшему лицу, каждый раз привлекая внимание едва сдерживающего гнев маркиза.

Два новых платья девушке доставили от портнихи нынешним утром. Это было двойной удачей, так как благодаря старательному «обыску», ревнивые невесты избавили Виолу от того немногого, что у нее было, нарочно испортив и несчастное серое платье, и одежду, доставшуюся от брата. Видимо, Комора Стифрис имела какой-то пунктик насчет разрывания чужих платьев. А еще новые наряды как нельзя кстати могли послужить наглядным укором маркизу и его матери, тем самым чуть улучшить положение близнецов, уличенных во владении пресловутой фиолетовой крысой. Виола краснела при одном воспоминании об укоризненном взгляде маркиза, которым он ее наградил, едва крыса шмыгнула между его ног.

— Ваше сиятельство, — обратился лорд Каларон к матери, — что это такое?

Вдовствующая маркиза, отстранение смотревшая в сторону окна, обернулась и оценила гневный жест сына, указывающего на Виолу.

— Ваша подопечная.

— Я не спрашиваю кто, я задаю вам вопрос: что это за коричневый кошмар?

Маркиза оглядела новый наряд онемевшей девушки. «И в этом причина его ярости?» — изумленно подумала Виола.

— Весьма практичное и скромное платье, подходящее для девушки в ее положении. Андэр, ты чем-

то недоволен?

Вдовствующая маркиза резко встала и приняла позу, полную достоинства и оскорбленной благодетели. Она с вызовом посмотрела на сына, но не дала ему ответить, первой ринувшись в наступление:

— А вот я недовольна.

Девушки возбужденно зашептались, воспрянув надеждой, что наказывать будут не их.

Выдержав небольшую паузу, маркиза продолжила:

— Недовольна *всеми* вами!

Невесты пораженно затихли, Виола же едва заметно горько усмехнулась — у нее не было никаких шансов хоть в чем-то порадовать мать опекуна.

— Вы все меня обманули. Даже оскорбили! Уничтожили память о любимом покойном муже! — На глазах маркизы заблестели слезы.

Лука незаметно пожал руку сестры, приободряя. У братца было свое горе: пропала Белинда, а возможности поискать крысу Луке не дали. Со всем этим переполохом им и позавтракать не пришлось.

Между тем вдовствующая маркиза перешла к финалу своего обличительного выступления:

— Не знаю, сын, что ты решишь, но я хочу признать свою вину...

Виола и Лука вытаращились на леди Каларон, как на новое чудо света: неужели она извиняется за то, что травила и изводила их?

— Я поторопилась, собрав здесь этих девушек. Мне стоило основательней подойти к выбору кандидатур. Благородные леди не стали бы сжигать приютивший их дом и разрушать бесценное произведение искусства. Поэтому я хочу, чтобы ты как можно скорее организовал отъезд наших гостей к их родным. А еще требую, чтобы ты немедленно отказался от опеки над этими неблагодарными негодьями, — маркиза указала на близнецов, — и выставил их из дома!

Виола почувствовала, что Лука едва не подпрыгнул от радости. Все шло так, как они задумали. Маркиз вряд ли пойдет против воли матери. Особенно после того, что произошло за последние дни. Девушка постаралась ничем не выдать ту бурю мучительных чувств, которая охватила ее. Она представила, что душа ее одета в ледяную броню, и посмотрела прямо в глаза маркизу.

Он первым отвел взгляд.

— Поступим так, как ты просишь, мама, — в конце концов сказал он помертвевшим голосом. — Я прикажу подготовить все необходимое.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

в которой опасность подстерегает там, где ее никто не ждет

Вопреки словам маркиза близнецов не выставили из дома ни в тот же, ни в последующий день. Наоборот, из Стайлерсока приехала специально приглашенная эрза Мульми, которой его сиятельство поручил в кратчайшие сроки обеспечить ра Велладов приличной одеждой. Но эта забота не обрадовала ни одного из близнецов.

Виоле горька была каждая минута, проведенная под крышей особняка, и в то же время она страшилась покинуть это место, ставшее ей внезапно очень дорогим.

Лука забеспокоился, что маркиз передумает отказываться от опеки и все придется повторять по второму кругу. Младший ра Веллад даже отправился к лорду Каларону для разговора.

Маркиз встретил юношу в своих покоях. Лука застал его, когда опекун с помощью камердинера — высокого блондина — облачался в роскошный камзол.

«Интересно, куда это он в таком павлиньем виде собрался?» — мимоходом подумал Лука, с интересом разглядывая богатую вышивку и инкрустированные пуговицы. Маркизу очень шел наряд, подчеркивал его стать и высокое положение. «Надеюсь, он не собирается в таком наряде провожать девиц, — при одном воспоминании о бывших невестах маркиза младший ра Веллад скривился, — иначе они передумают уезжать отсюда».

— Вы что-то хотели? — Опекун устремил пристальный взгляд на задумавшегося юношу.

— А... да!.. — Лука поморгал аквамаринными глазами. Почему-то это оказало на маркиза угнетающее воздействие: опекун заметно помрачнел. — Хотел узнать, что с нами будет. Со мной и Виолой.

Маркиз резко встал и отвернулся, сцепив за спиной руки. Лука недоумевал, что его так внезапно расстроило.

— Вам хотелось бы, чтобы я передумал? — спросил маркиз, так и не повернувшись лицом к посетителю.

— Э-э-э... мы как раз волнуемся, чтобы вы не передумали! — простодушно вывалил свой страх Лука.

Пальцы маркиза тотчас сжались в крепчайший замок, и при этом будто бы даже раздался лязг стали. Но это юноше, конечно, только показалось. Единственный свидетель разговора — камердинер спокойно продолжал возиться с какими-то рубашками, сваленными горой в одном из кресел.

— Вы заказали нам одежду и не выставили из дома, как о том просила ваша мать.

Маркиз резко повернулся.

— Считайте это моральной компенсацией за мое пренебрежение своими обязанностями. Выставить вас из дома, как вы выразились, мне не позволяет совесть. Вначале я должен посоветоваться с поверенным, подобрать кандидатуру нового опекуна и оформить все документально. Поэтому вы с сестрой на какое-то время задержитесь в «Оленьем бору». Но не тревожьтесь, письмо поверенному уже в пути. Вскоре вы избавитесь от моей столь неприятной вам особы.

— Тогда я пойду... — не очень уверенно сказал Лука. Умеет же этот маркиз дать почувствовать себя виноватым в ситуации, где кругом его вина.

Как только за юношей закрылась дверь, «камердинер» отбросил изрядно «расправленную» рубашку, которую перекладывал вот уже в третий раз.

— Что это было? — с любопытством спросил Арган II.

— А на что похоже?

— Ты привязался к этим безобразникам? — Несмотря на перенесенные по вине близнецов злоключения, император при их упоминании только посмеивался. Ра Веллады ему нравились.

Андэр хмуро посмотрел на друга. Откровенничать даже с Дылдой он был не готов.

— Не придумывай. Лучше посмотри, что ты мне подал. — Андэр провел руками вдоль сверкавшего

драгоценностями камзола.

— А что не так? — искренне удивился император.

— Куда, по твоему мнению, в таком виде ранним утром может отправиться владелец далекого от столицы поместья? Я же не твое величество! Что мальчишка обо мне подумал, а?

Арган II расхохотался:

— Это я дал маху!

— Вот-вот, — проворчал Андэр, — а еще руководитель тайной службы...

— Зато ты лучший агент императора! Беспокойный Бродяга!

Друзья рассмеялись.

Возможно, если бы они знали, что последние слова Аргана II достигли ушей еще одной весьма заинтересованной и неуловимой особы, им не было бы так уж весело.

К разочарованию одной из дам, попавших в «Олений бор» по приглашению вдовствующей маркизы, Тень вновь объявился в ее жизни. Внезапно. Так же, как исчез куда-то. Лучше бы ему там и оставаться, по крайней мере до тех пор, пока она не убралась бы из поместья. Решение леди Каларон было бы прекрасным оправданием проваленного задания, но...

Когда она поднялась к себе после неудавшегося нападения на противных близнецов, на столе ее ждала спешно нацарапанная записка.

«Под любым предлогом задержитесь в поместье. Т.»

Ей не был знаком почерк Тени, раньше им не приходилось обмениваться письменными посланиями. Пусть даже это безобразно нацарапанная записка была написана кем-то по его просьбе, проигнорировать приказ она не могла.

Получается, что, участвуя в акте отмщения, она сама по неведению усложнила себе задачу. После происшествия в холле будет сложно наладить отношения с маркизом и его матерью. Над этим стоило как следует подумать.

За размышлениями прошло два дня. Она по-прежнему оставалась в доме маркиза, но и только...

Тень больше не проявлял себя. К вдовствующей маркизе было не подступиться из-за какой-то дурацкой статуи на которую чуть ли не плащи вешали. Маркиз почти не показывался гостям на глаза. Выдумывать предлоги, чтобы задержаться в поместье, становилось все сложнее. В сердце красавицы поселилась досада. А это такое навязчивое чувство, зуд от которого можно снять, только совершив какие-нибудь дурости, чаще всего вредные... но если хорошенько подумать... и постараться...

На ум сразу пришло несколько заманчивых идей.

Восторг Луки, раз пять уже пересказавшего сестре разговор с маркизом, убивал Виолу. Брат не понимал, отчего сестрица такая мрачная. Это ему впору было грустить: удивительная крыса пропала с концами. Должно быть, удрала из особняка, сверкая лапками. Неблагодарная! Даже волшебная сеть ЭТОГО не помогла. Все остальное, по мнению Луки, обстояло прекрасней некуда.

Виола знала, что все с точностью до наоборот. Ее вина и беда, что признаться брату в своих странных чувствах к опекуну, в отношении к поместью, ко всей сумасшедшей ситуации, в которой они очутились, девушка не могла даже под страхом смерти.

Любое упоминание о маркизе заставляло ее сердце пускаться вскачь. Виола чувствовала себя новорожденным жеребенком, отбившимся от табуна и заплутавшим в вечернем тумане. Рядом не было ни одного опытного человека, который мог бы раскрыть ей глаза и одним словом назвать то чувство, которое рождало целую гамму душевных метаний: от охватившей девушку неуверенности, через мгновение сменявшейся безумной надеждой, заканчивающейся, в свою очередь, падением в пропасть мрачных предчувствий, до полного разочарования в себе и в других... вернее, в другом...

Маркиз как чувствовал, что подопечной больно его видеть, и лишний раз не показывался на глаза. А ведь она, позабыв гордость, искала с ним встречи.

Все напрасно.

Ей ни разу не удалось застать его одного.

Лорд Каларон много разъезжал.

По мере того как бывшие невесты поодиночке покидали «Олений бор», в поместье все чаще появлялись незнакомые люди. В основном мужчины.

Лука как-то увязался за одним из них, но быстро потерял из виду, а потом долго рассказывал, как сложно оказалось уследить за гостем. И это было странно, так как особняк и окрестности Лука изучил как свои пять пальцев.

Вдовствующая маркиза подчеркнуто игнорировала близнецов. Похоже, она так до конца и не поверила, что в повреждении статуи не было их вины. Виоле и самой очень нравилась мраморная дева. Она напоминала о доме, о покойном отце, о море...

Чтобы разобраться в своих чувствах, Виола стала часто прятаться на чердаке конюшни. Для этого была еще одна причина: так она могла хоть на короткое время оказаться ближе к опекуну. Девушка слышала, как он разговаривает со своим вороным, когда возвращается из поездок. В такие минуты голос Андэра, становился невероятно теплым и добрым. Он так забавно подшучивал над Свободолюбивым, что у притаившейся наверху девушки таяло сердце. Виола завидовала вороному до боли в прокушенной губе. Но ни разу так и не рискнула показаться маркизу на глаза.

Как ни горько было признать это, но зеленоглазый лорд-мошенник избегал ее.

Сидя в одиночестве на тонком слое соломы, вдыхая запах трав и лошадей, Виола неизменно, сама не замечая этого, извлекала заветный кожаный мешочек и читала наговор, чтобы через мгновение сжать в ладони волшебную жемчужину. Только подарок матери на какое-то время мог утешить ее истерзанную душу. Касаясь прохладной и чуть шероховатой поверхности драгоценного дара моря, Виола словно погружалась в удивительное спокойствие, которое моряки называют «глазом бури» — безопасное и безветренное место, окруженное со всех сторон ревущей и бушующей стихией.

Маркиз Каларон не был так спокоен, как хотел показать окружающим. Даже присутствие Аргана раздражало его, старавшегося скрыть от друга, в каком душевном смятении он находится последние дни.

И когда только маленькая серебристая лисичка с чудными глазами успела пробраться в его сердце? Подобралась ближе, очаровала и выпотрошила душу, вытащив на свет то, что он все эти годы с успехом скрывал ото всех, в том числе от себя, — ту пустоту, которую он так удачно прятал за различными масками, надетыми по собственной воле или же по долгу службы.

Как ни странно, но жизнь его отравило чувство, которым восторгаются поэты и грезят все живые существа: Андэру не повезло родиться в семье, в которой властвовала Любовь — чувство невероятной силы. К сожалению, направленное только на одного человека. Женщину. Белинду Фалиэтту Цверт, в замужестве Каларон. Никогда сыну и наследнику маркиза не довелось увидеть в устремленных на него глазах отца хотя бы искру такого же чувства. Маркиз Каларон, безусловно, заботился о сыне, уделял время его воспитанию, но не любил. Всю свою страсть без остатка он израсходовал на жену, которую боготворил.

Мальчиком Андэр чувствовал себя лишним. Это ощущение усилилось, когда юный граф Мильро — такой титул Андэр получил при рождении, достиг школьного возраста. В один день родители отослали юного наследника в закрытую школу на севере империи, даже не попрощавшись. После этого Андэр лишь изредка видел родителей на каникулах, когда возвращался в поместье. Основную часть времени чета Каларон предпочитала проводить в столице, где Белинда могла сверкать в высшем обществе, к удовольствию своего несколько тщеславного супруга, хваставшего перед другими красавицей-женой.

В «Оленьем бору» все тоже вращалось вокруг прекрасной маркизы. Начиная с драгоценной статуи, изображавшей юную Белинду, заканчивая портретами матушки, на которые можно было наткнуться в каждой комнате особняка. Такой чести избежали разве что чуланы да конюшня, в которой Андэр и предпочитал проводить большую часть времени.

Видит небо, если бы не лошади, юный граф во сто крат сильнее скучал бы по неприветливому «Орлиному приюту». Страшная школа даже казалась привлекательной, так как там у Андэра появился друг. Дылда не раз и не два вступался за более субливного товарища, впрочем, как и он за него. Рассвирепев, Андэр забывал про страх и мог выйти против десятка обидчиков.

Правила школы запрещали ученикам сообщать кому-либо свое настоящее имя и род.

Присваиваемое прозвище могло меняться в зависимости от успеваемости и поведения. Именно в «Орлином приюте» Андэр надел свою первую маску, защищающую чувствительного мальчика, обиженного на родителей за то, что в их сердцах для него не нашлось места.

Она не была материальной — маска, которую нельзя потрогать. Это была эфемерная защита, состоявшая всего лишь из слов, манеры держаться, имитации чувств...

Но она помогла.

Он стал сильнее.

Со временем количество масок росло. Андэр обнаружил, что ему уже ничего не стоит изобразить из себя и простофилю, едва складывающего на пальцах, и записного волокиту, блещущего искрометным юмором и расточающего комплименты. Скрываться за этими образами было проще и удобнее, чем раз за разом в душе истекать кровью от обиды. Свое сердце Андэр надежно спрятал, если не похоронил, под множеством личин, которых становилось все больше. По крайней мере так ему казалось.

На собственном опыте убедившись, насколько разрушительным может быть чувство, Андэр избегал эмоциональных привязанностей. Друг и конь — единственные исключения.

С Аграном они пережили множество болезненных испытаний, наказаний, издевательств. Их приятельству потребовалось несколько месяцев, пока будущий император смог довериться и рассказать товарищу о своем происхождении. С годами их дружба переросла в братство. Совместная тайная работа лишь упрочила эту связь.

Свободолюбивого Андэр выбрал жеребенком. В тот день он узнал о смерти отца и почувствовал себя свободным от тяжких оков. Чувство было настолько острым, что новый маркиз Каларон не смог удержать порыв и запечатлел его в имени прекрасного создания, доверчиво ткнувшегося носом в выставленные ладони. Вороной получил вкусный сухарь, а Андэр — верного друга.

Пожалуй, только эти двое — верный конь и император — могли бы засвидетельствовать, что он человек с горячим и отзывчивым сердцем. Сам Андэр искренне считал себя неспособным на глубокие чувства. В том числе на любовь. Даже больше — она была табу. Маркиз так долго отрицал это чувство, что в какой-то момент сам потерялся среди личин, в которых прятал от боли свое истинное «я».

Ледяная оболочка, за которой скрывалась пустота, несущая покой, — вот как он о себе думал до встречи с среброволосой девушкой, больше напоминавшей девочку — слишком юную, чтобы выглядеть опасной для холодного сердца.

Когда же все переменялось?

Боль от мысли, что Виола покинет «Олений бор» и забудет злосчастного опекуна, во много раз превосходила ту, что заставила Андэра нацепить на себя маски притворства и отчуждения.

Защитная оболочка треснула, обнажив силу его чувств, готовых вот-вот вырваться наружу.

От этого Андэру стало еще горше. Он осознал, что много лет обманывал не только окружающих, но и себя. Он просто малодушный обманщик...

Так достоин ли счастья *такой* маркиз Каларон?

Нет. Ни за что на свете он не станет неволить девушку, ставшую его первой и, возможно, единственной любовью.

Виола не желает его видеть? Что ж, Андэр соберет все силы, скроет боль и отчаяние — он отпустит ее.

Даже если это убьет одного глупого самонадеянного маркиза...

Среди бурных событий, произошедших в «Оленьем бору», жертвами первой любви стали не только Виола и Андэр. Была и особа, которой повезло намного больше. По крайней мере ей так казалось.

Эри Стиранн, ранее не замеченная в излишней набожности, теперь не могла остановиться и ежечасно славил Единобожителя Творца, пославшего ей возлюбленного! И пусть на людях камердинер его сиятельства почти не обращал на нее внимания, но те тайные радости, лучше других свидетельствующие о его чувствах, не прекращались ни на день. Всякий раз, возвращаясь в свою скромную девичью комнату, Карри находила на подушке новый цветок. И это не единственные подарки, которые она получала. К серебристым шпилькам добавились изящный веер и прелестное

кружево, которым увядающая дева в тот же вечер украсила ворот самого нарядного из всех пяти серых платьев, что составляли весь ее гардероб.

Секретарь вдовствующей маркизы вздыхала всякий раз, когда златовласый красавец Бормо проходил мимо, почти ни разу не удостоив ее даже взглядом. Эри Стиранн понимала, что таким образом камердинер защищал их чувства, но избавиться от ревности не могла. И Творец свидетель, ей было чего опасаться!

Вернее, кого...

Кто бы мог подумать, что еще одна девица, презрев благородное происхождение, положение в обществе, общественное мнение и прошлые матримониальные планы, с таким энтузиазмом включится в охоту за прекрасным блондином.

Энергия, с какой леди Синегад взялась преследовать камердинера его сиятельства, внушала определенные опасения. А ведь вдовствующая маркиза надеялась, что дочь жившего по соседству барона уедет первой!

Бедная Карри и не подозревала раньше, что способна на такую лютую ненависть, с какой наблюдала, как во всех смыслах страшная девица поджидает любое появление Бормо. Тития увязалась за камердинером даже на кухню, где обедали слуги! Она, баронская дочка, презрительно обращаясь с горничными и никогда не замечающая другую прислугу, как ни в чем не бывало, заявила на ее, Карри, законную территорию. После того случая любимое платье секретаря ее сиятельства обзавелось жирным пятном от пролитого супа, которое Карри не знала, как вывести...

После поразившего всех слуг появления Синегадины на кухне (да, Карри тоже додумалась до этого так и просившегося на язык прозвища) Джурс стал относить поднос с едой в покои маркиза или комнату камердинера. Видимо, Бормо предпочел обедать там.

Эри Стиранн была готова по волоску повыдергать жидкие волосенки баронской доченьки, которая лишила Карри возможности чаще видеться с возлюбленным. Бормо не подавал виду, что расстроен, но девичье сердце не обманешь! Секретарь вдовствующей маркизы была абсолютно уверена, что красавец-камердинер переживает из-за того, что не может встретиться с ней. Ведь судьба к ним жестока — они оба вынуждены быть в услужении и над своим временем не властны.

Дулька была права. Камердинер Бормо, он же император Гевратской империи, был чрезвычайно занят. Ему приходилось таиться, как змея, быть ловким, как алтуветская обезьянка, и скакать в отрыв, как призовой скакун, и все ради того, чтобы избежать встречи с девицами разной степени озабоченности любовными, а то и матримониальными планами.

Он действительно относился к эри Стиранн едва ли не с нежностью. Из всех его поклонниц она была самой спокойной и не старалась обрушиться ему на голову, как одна из горничных (отнюдь не сублинная дева специально забралась на дерево), или попасться под ноги, как леди Синегад, так и норовившая при виде него упасть в обморок.

Ранее не бывавший в «Оленьем бору», Арган II был вынужден в кратчайшие сроки изучить местность со всеми тайниками и потайными ходами. Закономерным итогом скрытного передвижения стало то, что он нос к носу столкнулся с Лукой.

Это была дружба с первой потасовки — оба не ожидали столкнуться с кем-либо в том темном закутке.

Взаимная симпатия упрочилась тем, что императора так же, как и Луку, интересовала судьба сбежавшей Белинды.

— Кхе-кхе!.. Как?! Как вы ее назвали?! — Арган аж поперхнулся, услышав кличку фиолетовой крысы.

— Белиндой! — гордо повторил Лука.

Юноша с жаром поведал, как он охотился на невиданную зверушку, когда никто в нее не верил и все обвиняли Сивиллу в помешательстве или пьяных бреднях. Впрочем, Луке хватило осмотрительности, чтобы в своем рассказе опустить ту часть, где была задействована магия, поэтому версия для нового друга получилась весьма далекой от правды.

Император с интересом выслушал всю историю. Сомневаться в существовании фиолетовой крысы он не мог, ибо собственными глазами видел ее в день пожара.

Был у Аргана один грех — неумное любопытство. Все на свете казалось ему интересным: древние предметы, неразгаданные артефакты, странные животные, неизведанные страны и необычная магия. Сплетни и слухи придворных и дипломатов он находил полезными, но не такими

увлекательными, как история с той же крысой Белиндой. Не родись Арган наследником императорской короны, стал бы бродягой почище того же Андэра. Путешествовать на пару с другом было несбыточной мечтой. Скольких усилей стоило обмануть охрану и добраться в «Олений бор»! А теперь, когда советники и начальник охраны нашли его, чего Аргану стоит сохранять инкогнито? Агенты, которых для охраны императора нагнал лорд-командор Амбирмар, образовали целое стойбище неподалеку от поместья маркиза.

Арган решил не упускать случай, который сам шел к нему в руки, и сговорился с Лукой вместе искать сбежавшую тварь. Охота обещала быть увлекательной!

Лука так обрадовался новому единомышленнику, что чуть не выболтал больше, чем следовало. Расписывая поимку питомца, пришлось импровизировать, чтобы не выдать свои магические способности и ЭТО, становившееся с каждым днем все более полезным.

Стараясь не привлекать внимания, Лука экспериментировал с любимым детищем.

Смешно подумать, что когда они с сестрой только создали ЭТО, то сильно испугались! Да о лучшем помощнике и мечтать было нельзя! Ежедневно Лука открывал все новые возможности использования невидимой сети.

А еще ему втайне нравилось, что Виола не горела энтузиазмом, чтобы освоить ЭТО. Кое-что попробовала, но так и не увлеклась. В последние дни она вела себя странно. Ходила грустная и на вопросы не отвечала. Где-то подолгу пропадала. Если бы не ЭТО, Лука всерьез встревожился бы. А так он решил, что просто сестра расстроилась, что работа с сетью дается ей не так легко, как со всем остальным. Теперь ЭТО практически безраздельно принадлежало ему.

И он уже многому научился, в том числе тому, как задавать сети направление для развития. Виоле Лука ничего не сказал, но по старой доброй памяти тренировался он на матушке маркиза. Конечно, не с таким размахом, как на вечере с представлением и танцами, но теперь младший ра Веллад проворачивал всякие шалости с комфортом — прямо из собственной комнаты. Единственное, что его огорчало в этом деле, — отнюдь не нужда просить сестру сделать что-то хорошее, для нее он всегда держал наготове подходящую историю. Нет, его расстраивало, что он не видит сердитого лица вдовствующей маркизы. В этом сеть помочь не могла. Луке оставалось только представлять, как леди Каларон сердится и топает ножками.

Вдовствующая маркиза действительно негодовала, и с каждым днем все больше. Но совсем не из-за мелких неприятностей, случавшихся всякий раз, стоило ей успокоиться. Разбившиеся чашки, зацепившиеся и оторванные оборки — это все такие мелочи по сравнению с загостившимися девицами, вызывавшими у маркизы бешенство одним своим видом. Да она даже на близнецов теперь так не злилась, как на представительниц благородных семейств, почему-то не торопившихся покинуть «Олений бор».

Демоны! Она всерьез стала задумываться, а не попросить ли помощи в деле избавления от невест у близнецов!

Женщине казалось, что все покинули ее: сын избегает, бывшие невесты дерзят, секретарь находится где угодно, но не подле своей хозяйки, слуги разбегаются при виде маркизы, как крысы. Да и крыса — та самая фиолетовая тварь — даже она удрала, разрушив остатки репутации семьи Каларонов.

Большую часть времени вдовствующая маркиза проводила возле покалеченной статуи. Простить близнецам и девицам ее повреждение женщина не могла. Умом она понимала, что как раз таки ра Веллады здесь виноваты меньше всего, это на них напали, но... Сердцу не прикажешь. Ни в любви. Ни в ненависти.

Белинда Каларон привыкла во всем винить близнецов и пока не была готова признать свои прошлые ошибки.

Злость на Виолу и Луку стала привычкой, которая странным образом сейчас помогала ей пережить трагедию с драгоценной памятью о покойном муже. Наверное, потому что обвинять во всем близнецов было несравненно легче, чем осознать и покаяться в собственных грехах. Признать, что ее внезапное страстное желание устроить жизнь сына привело к таким ужасным последствиям, было слишком болезненно. О том же, как на нее теперь будут смотреть в обществе, даже думать не хотелось.

Будущее виделось леди Каларон слишком мрачным и пугающим, поэтому всю свою энергию она направила на оплакивание безвозвратно потерянной юности, символически воплощенной в статую

из редкостного заокеанского мрамора.

Знал бы покойный муж, как проклятые девицы изуродовали совершенное творение! Да он бы перевернулся в гробу!

Загостившиеся в «Оленьем бору» девицы по ночам спали спокойно, ни одна не мучилась от угрызений совести ни из-за статуи, ни из-за нападения на близнецов. А вот то, что в поместье их оставалось все еще много, тревожило почти каждую. В числе тех немногих, кто был доволен создавшимся положением, была и пособница Тени. Среди толпы затеряться легче, разумно полагала она.

Если бы подосланная Тенью шпионка только знала, что, как и другие, находится под пристальным вниманием, а большинство вроде бы несчастливых стечений обстоятельств, позволявших бывшим невестам подольше задержаться в поместье, являются прямым следствием приказа «гостеприимного» хозяина, вряд ли бы она ходила с такой безмятежной улыбкой.

Лагерь недовольных задержавшимися конкурентками неожиданно возглавили представители семейства Синегад.

Пока Тития была увлечена идеей стать маркизой, на Виолу она внимания не обращала. Просто из уверенности, что лучшей кандидатуры на роль хозяйки «Оленьего бора», чем она сама, лорду Каларону не сыскать. Виола даже не рассматривалась в качестве угрозы — с ее низким социальным положением девчонка не могла претендовать на что бы то ни было. А еще Тития практически даже не различала близнецов, для нее они шли за единицу, что-то вроде того, как торговец на складе учитывает перчатки: пара идет как один товар. Все изменилось в тот миг, как на злосчастном пикнике златовласый камердинер спрыгнул с повозки перед очарованными дамами.

Воспылав запретной страстью к Бормо, баронская дочка узнала, что муки ревности не чужды и ей. Она зорко следила за всеми девицами, посмевшими приблизиться к камердинеру его сиятельства менее чем на пистолетный выстрел. Тития открыла в себе талант к слежке и умение оставаться незамеченной. Та близость, которая внезапно образовалась между Бормо и Лукой, стала для ослепленной девицы неприятным сюрпризом. О том, что рядом с камердинером не Виола, а ее брат-близнец, ревнивица даже не подумала, тем более что раньше девушка ходила в одежде брата. То, что настоящая Виола теперь носила платья, заказанные маркизом, прошло мимо Титии, так как старшая ра Веллад, внезапно почувствовавшая вкус к уединению, больше не попадалась на глаза ревнивой леди.

Тития просто сходила с ума — теперь-то низкое положение Виолы было плюсом! Дочери барона не пристало заглядываться на слугу, пусть даже камердинера маркиза. Но сердцу-то не прикажешь! По этой причине Тития со всей новообретенной страстью примкнула к отцу, внезапно вздумавшему отомстить близнецам ра Веллад за все невзгоды, выпавшие на долю вдовствующей маркизы. Ею барон восхищался самым искренним образом — Белинда была диво как хороша собой, ее так и хотелось спрятать в карман от чужих похотливых глаз. Увы, жена барона и рядом не стояла с прелестью все еще молодой матушки Андэра Каларона.

Ах! Если бы только правила приличия не диктовали барону Синегаду сдержанную манеру поведения, уж он-то развернулся бы. Скромное состояние не позволяло мужчине устлать перед любимой путь редкостными цветами и драгоценностями, как то делал ее покойный муж, но спеть песнь под окном ее сиятельства барону было вполне по силам. Он даже попытался потренироваться, за что и был высмеян несносным мальчишкой ра Велладом. У зловредного Луки, по мнению барона, было слишком много свободного времени, позволявшего слоняться без дела по поместью. После испытанного конфуза лорд Синегад попытался пожаловаться на данное обстоятельство маркизу, но тот только отмахнулся от него. Поэтому обиженный пренебрежением хозяина барон Синегад стал действовать на свой манер: исподтишка вновь настраивать всех против близнецов.

Как известно, капля воды и камень точит, так и усилия Синегадов накалили и без того напряженную обстановку в «Оленьем бору». У маркиза Каларона с каждым днем крепло ощущение, что он вместе с агентами и гостями сидит на крышке порохового погреба. Возникновение искры, способной взорвать все к демонам, было делом времени и случая, на который маркиз уже чуть ли не молился. Только азарт ожидания и возможность разоблачить шпионов позволяли Беспокойному Бродяге отвлечься от адовой пропасти душевных переживаний, связанных с безответной любовью.

Первый признак готовой вот-вот разразиться катастрофы был замечен теми, кто меньше всего мог его распознать. Верный дворецкий и не менее верная, но теперь несколько рассеянная секретарь в очередной раз сцепились и почти ни обратили внимания на событие, которое в самом скором времени безвозвратно изменило судьбу всех обитателей и гостей «Оленьего бора».

Дело было в большой гостиной, где Джурс застал Дульку, лист за листом изводящую дорожную

хозяйскую бумагу. Секретарь то что-то быстро писала, то не менее лихорадочно комкала написанное и бросала в корзину для испорченных бумаг.

— Так-так!.. — Дворецкий важно пару раз качнулся, перекатившись с пятки на носок. — Это что же за безобразия? Кто вам разрешил портить бумагу его сиятельства?

Эри Стиранн от испуга вскочила, постаравшись загородить собой последствия великой эпистолярной битвы.

— Я не делаю ничего, что могло бы навредить ее сиятельству!

— К вашему несчастью, у нас с вами разные сиятельства! Лорд Каларон вряд ли будет доволен, что особа, которую он вынужден принимать в своем доме, извела все запасы кальшторской бумаги!

— Ваше предположение, что лорд пожалеет несколько жалких листиков для своей матери — вдовствующей маркизы, просто оскорбительны!

— Только не говорите, что это ради маркизы вы тут с такой страстью что-то царапали! Ну же, покажите, что вы там писали!

— Как вы смеете! — Дулька взвизгнула и, ухватив корзину, принялась сгребать в нее все исписанные листы. — Тайна переписки неприкосновенна!

— Не тогда, когда направлена против хозяев!

— Вы меня оскорбляете!

— Вы давно напрашиваетесь на оскорбления! Только не говорите, что на собственное жалованье прикупили все эти... финтифлюшки!

— Что вы имеете в виду?!

Дворецкий с омерзением потыкал пальцем в направлении украшавшего платье кружева, подаренного Дульке тайным поклонником:

— Вот это! А еще вульгарные шпильки!

Эри Стиранн, словно защищая, невольно прикрыла рукой блестящие в ее волосах посеребренные украшения, не заметив, что случайно смахнула на пол один из исписанных листов бумаги.

— Они не вульгарные! — От обиды на глазах у секретаря появились слезы. — Не-е с-с-сме-ейте!

Прижав к груди корзину с несостоявшимся письмом, старая дева выскочила из гостиной, оставив поле боя торжествующему победу дворецкому. Джурс был так доволен собой, что не обратил внимания на оброненный Дулькой листок. В отличие от того, кому недописанное послание пришлось весьма кстати.

Первым недописанное письмо эри Стиранн заметил Куили, сыщик из Фардуба, нанятый Дулькой для присмотра за маркизом и все еще обретавшийся в поместье. Маркиз Каларон счел Куили полезным и привлек к наблюдению за невестами.

Чуть примятый листок лежал на полу в одной из ниш на подступах к «этажу невест». Обнаружить его Куили удалось по чистой случайности — он был вынужден спрятаться в этом укромном уголке, чтобы не попасться на глаза близнецам ра Веллад. Они больше не были для сыщика объектами, но он по-прежнему старался не мелькать перед их любопытными носами. С недавних пор это стало сложнее, поскольку близнецы, раньше почти всегда ходившие вместе, теперь все чаще появлялись поодиночке и в самых неожиданных местах.

Светлый листок в полумраке был хорошо заметен. Первым делом Куили подумал, что кто-то спрятал в условленном тайнике любовную записку, которая слетела на пол от его стремительного вторжения. В том, что послание именно любовного характера, сыщик убедился, ознакомившись с текстом. Имени адресата, как и подписи, не было. Текст выглядел весьма сумбурным. Сыщик удивился, что тот, кто оставил записку, даже не потрудился свернуть ее. Может, автора спугнули?

Задумавшись, он согнул листок пополам, да еще и провел по сгибу пальцами, приглаживая. Опомнившись, решил, что в том, что он немного поможет влюбленным, беды не будет. Наоборот, если записка связана с одной из опекаемых им девиц, то может сподвигнуть влюбленную леди наконец-то съехать из поместья, раз уж интерес к маркизу потерян. Для Куили это означало бы меньше работы.

Он пристроил послание понадежней и выскользнул из тайника, чтобы продолжить миссию. Об истинной подоплеке событий и охоте маркиза Каларона на шпионов сыщик не знал, впрочем, как и о том, что поместье наводнено агентами Тайной императорской службы. Один из таких агентов успел заметить мелькнувшую возле лестницы тень. Крадущаяся походка неизвестного ему не понравилась. Взбежав по ступеням, один из фальшивых слуг маркиза огляделся. Безусловно, кто бы то ни был — мужчина или женщина, агент не успел разглядеть, — его целью могла быть только потайная ниша за постаментом с огромной алтуветской вазой. Подобно Куили, агент скользнул в тайник, где и обнаружил злосчастное недописанное письмо Дульки.

«Умоляю вас, будьте осторожны! Сейчас опасность подстерегает вас на каждом шагу!» Эти строки сразу же заинтересовали служащего Тайной императорской службы. Он взгляделся в текст, подмечая детали. Почерк был женским. Это прекрасно согласовывалось с переданной ему информацией о том, что неуловимому Счастливику помогает некая дама. Тон письма, а также жесткий сгиб бумаги, сделанный одним точным и сильным движением, говорили о том, что его автором была решительная и, следовательно, опасная личность, весьма равнодушная к вражескому агенту.

Лжеслуга вернул записку на место и поторопился незамеченным выбраться из тайника, решив, что ни на минуту не оставит это место без надзора. Ему сегодня несказанно повезло: только что он нашел первый реальный след, ведущий к легендарному алтуветскому шпиону!

Но как бы ни хотелось императорскому агенту единолично поймать врагов, служебная дисциплина не позволила ему пойти против четкой инструкции. Через час маркиз Каларон знал от агента о спрятанном послании. Однако напрасно императорские агенты днем и ночью не сводили глаз с укромной ниши. И даже перемещенный туда по указанию маркиза артефакт слежения не смог помочь обнаружить Счастливика. Послание исчезло гораздо раньше.

Письмо несчастной эри Стиранн уже несколько часов как лежало на туалетном столике особы, которая меньше всего хотела бы увидеть его. Должно быть, из-за того, что теперь на нем стояла краткая неряшливая подпись, состоявшая из одной буквы «Т».

То, что письмо неведомым образом исчезло, Андэр обнаружил лично.

В последние дни ему не спалось. Мысли о Виоле не оставляли маркиза. Он не находил себе места, его тянуло увидеть ее, хотя было понятно, что легче от этого не станет, что разумнее будет уже сейчас забыть девушку, которая не хочет его видеть и мечтает поскорее избавиться от его общества.

Все свои силы Андэр решил направить на поимку Счастливика и его помощницы. Письмо в тайнике он счел прекрасным шансом поставить точку в истории затянувшегося противостояния с алтуветским агентом. При таких условиях усидеть на месте маркиз не мог. С тайника не спускали глаз, но сжигающую сердце тревогу Андэр приписал тому, что волнуется из-за неуловимого шпиона. В том, что в этом вопросе он сильно ошибся, маркиз Каларон выяснил, когда под утро не утерпел и решил лично проверить тайник.

Письма там не было.

Он обшарил каждый уголок с помощью потайного магического светильника. Осознание того, что Счастливик их обставил, и на сотую долю так не огорчило и не встревожило его, как тихо скользнувшая по лестнице Виола. Маркиз едва успел вновь укрыться в нише, когда девушка почти беззвучно прошла мимо и спустилась по ступенькам. Забыв о Счастливике, об исчезнувшем письме, об ожидавших его распоряжений агентах, Андэр последовал за ней.

Думал ли он о том, как подозрительно выглядит столь ранняя отлучка девушки? Нет. Маркиз Каларон как заколдованный шел за ней, стараясь не привлекать внимания. Это неожиданная возможность хоть вот так, издали, украдкой, посмотреть на Виолу стала для Андэра буквально подарком.

Далеко Виола не ушла. Как оказалось, ее целью было небольшое озерцо сразу за оградой поместья. Девушка ловко перелезла через невысокий каменный забор и скрылась за раскидистыми старыми ивами, надежно укрывавшими озеро от посторонних глаз. Словно на привязи, маркиз повторил путь недоступной девушки и перескочил через ограду.

Тьма сменилась предрассветной серостью.

Андэр осторожно раздвинул длинные ивовые ветви, концами касавшиеся воды.

Раскинув руки, Виола лежала на водной глади. Маркиз ее отчетливо видел благодаря белевшей рубашке.

Внезапно девушка извернулась и с шумом нырнула. На мгновение сердце у Андэра замерло. Но тут Виола вынырнула почти посередине озера и легкими быстрыми движениями поплыла к противоположному берегу. Маркиз вспомнил, что подопечная выросла на морском побережье, значит, хорошо плавала.

Вскоре девушка вернулась и выбралась на берег неподалеку от притаившегося наблюдателя. Порывшись возле камней, она ловко развела небольшой костер, тем самым выдав, что часто здесь бывает. Устроить тайник для огнива было в духе близнецов. Должно быть, они давно облюбовали это место и прятались здесь от леди Каларон... и от него... От этой мысли Андэру стало совсем грустно.

Он смотрел и не мог насмотреться на тонкий профиль, очерченный золотисто-алыми отсветами костра. Не удержавшись, Андэр в воздухе ласково обвел влекущий образ пальцем и усмехнулся — не ожидал от себя подобной сентиментальности. Он жадно вглядывался в сидевшую у костра фигурку: Виола протянула руки к огню и грелась, подвернув под себя ноги.

В тысячный раз маркиз подумал, что отдал бы все, чтобы иметь право сейчас сидеть рядом с нею... И тут же одернул себя.

Да он просто жалок! Действует, как какой-то слезливый идиот. Виола пока еще здесь, в поместье, у него же есть время переубедить ее! Нужно просто действовать. Постараться расположить ее к себе. Если подумать, то откуда Виоле знать о его чувствах? Что она видела в его доме, кроме оскорблений, подозрений и скандалов? Когда ей было убедиться, что он не злодей, прихотью судьбы одаренный правом распоряжаться жизнями ее и брата?

Это было похоже на озарение.

Конечно! Он просто должен постараться завоевать ее дружбу, а там, может, ему повезет, и Виола примет чувства Андэра.

Стоило маркизу подумать об этом, как чувство беспомощности, владевшее им все последние дни, бесславно отступило.

Да! Он завоюет Виолу! Разве есть задача, которая ему не по плечу?

Тихое появление одного из агентов прервало его размышления. Счастливчик — вот вызов, с которым ему с командой еще предстоит справиться.

Агент подал знак, что им нужно уходить, — есть новости. Маркиз с сожалением еще раз посмотрел на ничего не подозревающую девушку у костра. Правильнее было бы оставить ее в покое до тех пор, пока он не поймает шпионов, но сердце... сердце Андэра было против. Он поклялся себе, что более не упустит ни одной возможности сблизиться с Виолой.

Мужчины тихо ушли.

Перебравшись через забор, маркиз выслушал краткий доклад агента и отправил его вперед себя с распоряжением собрать всех, кто в этот час не был занят наблюдением. Даже упустив записку, кажется, им удалось вычислить помощницу Счастливчика.

Усилия барона Синегада не прошли даром: в какой-то мере все оставшиеся в поместье девицы сплотились. Разыскиваемой императорской службой шпионке это было только на руку. Письмо Тени чрезвычайно ее встревожило. Раньше ей казалось, что опасаться следует только маркиза и его маменьку, но теперь по всему выходило, что опасность ждала ее на каждом шагу. Недаром Тень написал: «Вы не видите, но чужие глаза наблюдают за вами повсюду». Стоило ли это понимать так, что все слуги следили за ней? После нападения на близнецов, чтоб им к демонам провалиться, она наверняка под большим подозрением. Вон, даже этого бесчувственного алтуветца проняло, иначе с чего бы он неожиданно написал ей, что его сердце сжимается от одной мысли о грозящей опасности. Это единственное, что порадовало помощницу. Наконец-то ее чары подействовали и на этого ледяного мерзавца. Однако стоило позаботиться о собственной безопасности. Лучшее, что можно было придумать, — отвести от себя всякие подозрения, направив их на другую особу.

Что ж, если раньше она безрезультатно пыталась подставить близнецов, то теперь имело смысл пустить погоню по следу одной из соперниц.

Вторая записка от Тени, полученная на следующий же день после первой, лишь убедила его невольную помощницу, что решение она выбрала верное. Если в первом послании велеречиво описывались всякого рода опасности, то новая записка была до неприличия краткой и вновь написанной ужасным почерком. Казалось, о вежливом обращении, ранее так поразившем девушку, Тень забыл. На клочке бумаги только и значилось: «Маркиз — цель. Убери камердинера. Брось тень на одну из вас».

Прежде чем придумать более изощренный план и приступить к его воплощению, лженевеста долго сидела, постукивая по столу свернутой запиской. То, что императорским агентом оказался сам маркиз Каларон, ее удивило. О нем шла слава шалолая и повесы. О пристрастиях Андэра к разного рода пустым авантюрам ходило множество слухов, и это никак не вязалось с образом разыскиваемого ею человека. Наверное, она предполагала найти в этой роли кого-то вроде Тени. Вот это уж точно был сверхсерьезный мужчина. Да и те агенты, появление которых навсегда перевернуло ее жизнь, сделав содержанкой и шпионкой, сильно отличались от легкомысленного маркиза, который только болтал, но никогда ничего серьезного не делал. Даже не прогнал их к демонам из собственного дома, когда они здесь столько всего наворотили. Да и мать вертела им как хотела...

При мысли о леди Каларон в хорошенькую головку пришла удачная мысль. Да-да, если она хочет подобраться к маркизу Каларону, то ей стоит действовать именно через вдовствующую маркизу. Та вряд ли догадается об истинной цели их сближения.

Но чем Тени не угодил камердинер? Бормо — душа. Не то чтобы она увлеклась слугой, как дурочка Тития, но чары этого мужчины проникли и в ее очерствевшую душу. Было в камердинере его сиятельства что-то такое... надежное. Жаль, что когда-то ей не встретился похожий человек, в отчаянном положении она даже согласилась бы на брак с ним. Теперь же ее жизнь в руках Тени и его компании. Из этой ловушки ей никогда не выбраться.

Тонкая рука со сверкавшим на пальце рубином поднесла записку к огню свечи. Через минуту только горстка пепла напоминала о ней.

Как бы ей ни хотелось предпринять что-то немедленно и наконец оставить позади вынужденную авантюру с «Оленьим бором», действовать нахрапом она не могла. За маркизом следовало понаблюдать, чтобы понять, с какой стороны лучше ударить.

Для Андэра наступили трудные времена. Казалось, что с той поры, как он принял решение побороться за чувства Виолы, Единый Творец отказал ему в своей милости. Постоянно возникавшие обстоятельства препятствовали малейшей попытке их встречи.

За общим столом, в любое время суток — а маркиз теперь не пропускал ни одной совместной трапезы — Виолу от Андэра, как нарочно, закрывала какая-нибудь из оставшихся в поместье девиц. Разогнать их всех к демонам Андэр не мог: две оставались на подозрении, остальные были нужны, чтобы подозреваемые ничего не почувствовали. Перед агентами Тайной императорской службы стояла нелегкая задача не только выявить помощницу Счастливого и поймать его самого, но и определить, ради чего шпионы сунулись в «Олений бор». В том, что у врага здесь серьезный интерес, сомневаться не приходилось. История с загнанными магией лошадьми не шла у Андэра из головы. Наверняка появиться здесь столь экстравагантным способом мог только враг. Сильный, скрытный, не стесненный финансами, условностями и магическими возможностями. Все это указывало, что агенты Аргана II не ошиблись и во владения маркиза пожаловал Счастливчик собственной неуловимой персоной.

Несколько ожившая за последние дни вдовствующая маркиза, все еще скорбевшая по статуе, вновь принялась устраивать жизнь сына. По злой прихоти судьбы все попытки уговорить Андэра на новый поиск невесты, которая бы «порадовала ее материнское сердце», леди Каларон предпринимала именно тогда, когда рядом появлялась Виола. В такие моменты девушка мгновенно исчезала, а Андэр всячески изворачивался, чтобы поскорее избавиться от навязчивости матери. Когда-то Андэр отдал бы все, чтобы матушка обратила на него хоть какое-то внимание, но теперь оно ему только мешало. К тому же он так и не мог позабыть свои многолетние обиды. Как и не мог не следовать нынешнему зову сердца, требовавшему оставить все заботы, здравые размышления и служебную необходимость ради того, чтобы приблизиться к той, что завладела его мыслями и чувствами. К Виоле ра Веллад.

Леди Каларон сама не поняла, в какой момент ее так сильно стал раздражать новый слуга сына. Бормо показал себя довольно добрым, но нерасторопным парнем. И, чего греха таить, он невероятно привлекал женские взоры. Конечно же для матери слуга не шел ни в какое сравнение с сыном, но то, что часть отобранных ею девушек откровенно переключилась на камердинера, вдовствующую маркизу шокировало. Ее былая ненависть к безродным близнецам-хулиганам поуасла, даже досада на невест отступила, зато ярко вспыхнула новая звезда ненависти.

Из всех бывших невест ее поддержали только Сивилла и Дамира. Конечно, леди Лукрень была слишком добра и слабовольна для того, чтобы ополчиться на какого-то слугу, скорее уж она просто поддерживала маркизу из-за своей безотказности. Размышляя об этом, Белинда вздохнула: вот она, ее идеальная невестка, как жаль, что смотрины прошли столь неудачно. Увы, переиграть что-либо

было уже невозможно.

Дамира же, в отличие от своей бледной и тихой бывшей конкурентки, пылала собственными чувствами и в этом походила на стихию, магией которой была щедро одарена. Конечно, напасть на близнецов с помощью огненной магии было недопустимо, но...

Маркиза понимала девушку. При мысли, что у нее самой была возможность избавиться от ра Велладов в самом начале — просто выставить их из дома до появления Андэра, вдовствующей маркизе самой хотелось кидаться огненными шарами. Да вот не дал ей Единый Творец такого таланта. У Андэра огненный дар был от отца.

— Леди Каларон, — присела в реверансе Сивилла Лукрень, приветствуя вдовствующую маркизу. — Надеюсь, я не нарушила ваш покой?

— Что вы, милая! Проходите, присаживайтесь. Чаю?

— С удовольствием, миледи.

Дамира явилась следом за служанкой, несущей чайный поднос. Маркиза пригласила и ее. В последние дни они часто сидели вот так втроем.

— Знаете, — сказала Сивилла, как только хозяйка апартаментов налила гостям чаю, — камердинер его сиятельства ведет себя очень странно. Только что, по пути сюда, я видела, как он подозрительно оглядывался, а потом спрятался в одном неприметном месте. Но когда я заглянула туда, его там не оказалось!

— Как лорд Каларон может доверять такому субъекту? — Дамира презрительно чуть сморщила носик. — Как маркиз вообще заполучил такого вздорного слугу? Не могу поверить, что он и в самом деле камердинер: с его появлением костюмы его сиятельства стали выглядеть весьма... мм, странно.

— Я тоже нахожу этого молодого человека весьма подозрительным, — благосклонно кивнула маркиза собеседницам, которые так почувствовали ее настроение. — Но что я могу сделать? Сын отказывается меня выслушать. Остается только ждать, когда этот Бормо исчезнет, прихватив наше фамильное серебро. Пожалуй, только тогда Андэр убедится, что я права.

Сивилла испуганно охнула, а Дамира в ответ прищурилась:

— Вы правы, ваше сиятельство. Но можно ж и не дожидаться этого...

Маркиза тотчас поняла, какая мысль пришла леди Айлайр. Конечно же! Ведь у недовольных хозяек всегда есть верный способ избавиться от неугодных слуг, даже если кто-то в семье против.

У вдовствующей маркизы мгновенно улучшилось настроение. Эти посиделки прошли куда приятнее, чем предыдущие. Все из-за того, что теперь у маркизы появился план, как избавить сына от красавчика-камердинера. Нужно только подгадать момент, чтобы Андэр не смог вмешаться.

А еще ей понадобится помощь. Маркиза задумчиво разглядывала девушек, решая, какая же подойдет на нужную роль больше — Дамира или Сивилла?

— Виола!

Андэр с недоумением огляделся. Он собственными глазами видел, как девушка вошла в конюшню. Случай показался маркизу Каларону удобным, чтобы пригласить ее на верховую прогулку. Надо же, а он и не знал, что близнецы интересуются лошадьми. Прежде он видел их только на берегу реки или озера и думал, что ра Веллады, как жители Приморского края, привыкли проводить время возле воды. Интерес девушки к лошадям оказался приятным сюрпризом. Но куда же она делась? В конюшне он ее не увидел.

— Ваше сиятельство? — выглянул на шум один из конюхов, дюжий растрепанный парень.

— Малло, — припомнил маркиз имя слуги, — ты давно здесь?

— А как же, милорд! — Конюх растерянно провел пятерней по растрепанным волосам. — С ночи...

Андэр уже понял, что парень спал, поэтому надежным свидетелем быть не мог, но все же спросил:

— Ты видел здесь кого-нибудь?

— Это когда? — Конюх похлопал осоловелыми со сна глазами.

— Несколько минут назад.

— Э-э...

— Я видел, как кто-то из близнецов зашел на конюшню. Они часто здесь бывают?

— Ваше сиятельство, — ударил себя по груди конюх, — откуда ж мне знать? Может, и бывают, но только я ни разу не видел. При мне такого не было.

Конюх выглядел искренним, но сонным и недалеким парнем. Однако собственным глазам маркиз не мог не доверять.

— Должно быть, мне показалось. — Андэр вроде бы задумчиво похлопал перчатками, которые держал в руках. — Вот что, сходи посмотри вокруг. Мне кажется, я видел кого-то из близнецов поблизости, а у меня к ним дело.

— Все выполню, ваша милость! — Парень был рад убраться с глаз хозяина.

Андэр обождал, пока конюх вышел, после чего еще раз позвал:

— Виола!

Он был уверен, что девушка где-то в конюшне. Выйти незамеченной она бы не смогла — снаружи ее ищет Малло. Где бы Виола ни пряталась, Андэр решил дать ей возможность появиться самой, поэтому прошел в стойло к Свободолюбивому, который очень обрадовался хозяину.

Вороной звучно хрупал яблоком, когда Андэр почувствовал, что Виола рядом — он ощутил какое-то спокойствие и тепло, от которого согрелось сердце и руки.

— Доброе утро! — поздоровался он, не обернувшись, и услышал, как девушка тихо переступила с ноги на ногу. Он улыбнулся и повернулся к ней: — Не хотите ли отправиться на прогулку?

— С вами?

По выражению лица Виолы Андэр не смог понять, испытывает ли она что-то помимо замешательства, но приободрил себя мыслью, что нужно начать хоть с чего-нибудь, только тогда перед ним откроются какие-то возможности расположить ее к себе.

— Да. — Маркиз потрепал коня, настырно требовавшего ласки и еще яблок. — Верхом. Я покажу вам окрестности.

Видеть Виолу такой притихшей Андэру раньше не доводилось. Неужели предложенная прогулка напугала ее больше, чем его неожиданное появление в ее спальне?

В конце концов девушка как-то нервно кивнула в ответ на предложение.

— Вы умеете ездить верхом?

— Да. Но только в мужском седле.

— Тогда удачно, что на вас бриджи.

Маркиз оставил Свободолюбивого и прошелся вдоль стойл.

— Вот эта кобылка вам нравится? Ее зовут Маргаритка.

Андэр почувствовал, что Виола подошла и встала рядом. Серая лошадка заинтересованно потянулась мордой в сторону девушки, которая подняла руку и осторожно погладила ее по носу. Кобылка не возражала, кося хитрым глазом и явно ожидая, что одними поглаживаниями знакомство не ограничится, тем более что от стоявшего рядом Андэра аппетитно пахло яблоками. Впрочем, у Виолы тоже нашлось чем порадовать дружелюбную лошадь. Она выудила из кармана сухарь и угостила им Маргаритку.

Маркиз Каларон позвал конюха. Вдвоем они быстро оседлали лошадей, и вскоре Андэр и Виола выехали верхом из огороженной части поместья.

Наездницей девушка оказалась довольно неопытной. Андэр видел, как скованно она чувствовала себя в седле, и порадовался, что предложил ей Маргаритку. Эта кобылка славилась послушанием, ее почти не нужно было направлять, она с охотой шла за Свободолюбивым.

Маркиз сдерживал вороного, почувствовавшего приволье. Свободолюбивый чуть артачился, желая сменить спокойную рысь на галоп, тем более что путь лежал по удобной дороге, с одной стороны

которой простирался лес, а с другой — золотившиеся поля.

Ветер растрепал серебристые волосы Виолы. Андэр то и дело оборачивался, любуясь на девушку, которая не понимала причины его интереса.

— Что не так? — спросила она, заправляя непокорную прядь за ухо.

Маркиз не смог сдержать улыбку — серебристый ежик на серой кобылке. Виола даже фырчит, как игольчатый зверек, и так же настороженно зыркает.

— Вы очень милая, — неожиданно для себя сказал Андэр, позабыв, что прежде, чем откровенничать, нужно девушку как-то расположить и задобрить.

Виола тотчас покраснела и от смущения дернула за повод сильнее, чем нужно. Маргаритка нервно заплясала, заставив наездницу закачаться в седле. Та схватилась за луку и только так смогла отвлечься от смутившего ее комплимента. При этом от неожиданности вскрикнула.

Андэр натянул повод, заставив вороного приостановиться, чтобы Маргаритка поравнялась с ним.

— Все в порядке?

— Да! — несколько нервно ответила девушка, отпустив луку седла и выровнявшись. — Я справлюсь, не стоит беспокоиться.

— Но я все равно беспокоюсь. — Андэр на мгновение прикоснулся к руке Виолы. — Очень.

Аквамариновые глаза широко распахнулись. Виола уставилась на Андэра, кажется, даже позабыв, что сидит в седле на лошади, несколько обиженной на всадницу недавним неосторожным поступком.

Сердце Андэра замерло: наверное, он слишком поторопился! Как-то не верилось, что уставившаяся на него девушка склонна принять его неловкое ухаживание.

Проклятье! Как же он это делал, когда не был заинтересован в дамах, которым расточал знаки внимания? Куда пропали его остроумие и манеры?

— Вы... — Губы Виолы двинулись, но маркиз так переволновался, что скорее не расслышал, а угадал ее слова. — Вы опасаетесь, что мы еще что-нибудь натворим, да?

Андэр чуть не взвыл: как она могла сделать такой вывод из его слов? Неужели он и в самом деле так неловок?

— Боюсь... Демоны! Опять неудачное слово!.. — Маркиз чуть осадил загарцевавшего вороного. — Виола, я совсем не это хотел сказать!

Девушка нахмурилась, она явно была сбита с толку. Еще бы, с таким-то неуклюжим поклонником.

— Знаю, что не по своему желанию вы оказались в моем доме. С самого начала я сам и моя мать вели себя по отношению к вам с братом не лучшим образом. Прошу у вас за это прощения! И надеюсь, что вы не станете отталкивать меня. Мне очень хочется, чтобы вы полюбили... — Андэр наконец-то осмелился посмотреть Виоле в глаза, но не решился сказать то, что так хотел: — «Олений бор». Прошу вас, будьте гостями в поместье настолько долго, как сами того захотите!

— Ах, так эта прогулка просто вежливость... — Виола отчего-то расстроилась. Она отвернулась от маркиза. Ветер вновь разметал ей волосы, закрыв лицо от взгляда Андэра.

Девушка, кажется, почти бессознательно сжала бока лошади коленями, дав ей знак, и Маргаритка пошла рысью. Виола не была готова к внезапному движению, поэтому покачнулась и снова неловко потянула за повод. Кобылка понесла.

Вороной пустился вскачь раньше, чем Андэр понял, какая опасность грозит Виоле.

Кто бы мог подумать, что Маргаритка окажется такой обидчивой и нервной? Впрочем, не упитанной лошадке было тягаться в скорости с великолепным боссопорским жеребцом. Свободолюбивый догнал Маргаритку раньше, чем неуверенно державшаяся в седле Виола успела по-настоящему испугаться. Одним сильным движением Андэр сдернул ее с несущейся лошади. Секунда, и девушка в неловкой позе оказалась в его руках. Ловить повод кобылки Андэр не стал.

Виола скривилась от боли — кажется, она боком ударилась о луку седла.

— Ви! — Андэр не на шутку испугался. Он перехватил девушку поудобнее и подтянул вверх так, чтобы она нормально села. Его сердце бешено колотилось. Андэр крепко прижал к себе Виолу. —

Глупая девчонка!

Девушка в его объятиях неожиданно затихла и как-то доверчиво прислонилась лбом к груди Андэра. Он не удержался от соблазна и прижался щекой к серебристой макушке, стиснув Виолу еще сильнее. Как же он за нее испугался!

Его счастье длилось недолго. Близость нарушила сама Виола, она завозилась, стараясь высвободиться из удерживающей ее стальной хватки.

Андэр ослабил объятия, подумав, что слишком сильно сжал ее. И правда, стоило маркизу разжать руки, как Виола сделала глубокий судорожный вздох. Творец Единый! Он едва не задушил обожаемую девушку!

Взгляд у Виолы был чуть мутный. Она закачалась, и Андэр поторопился перехватить ее, в этот раз очень осторожно, чтобы не причинить ей боль или неудобство.

— Простите меня! Я очень за вас испугался!

Виола кивнула, принимая его слова. Она мельком взглянула на Андэра и тотчас отвела глаза, в которых светилось какое-то непонятное ему чувство. Взгляд был слишком краток, чтобы он успел распознать его.

— Я... я... — Андэр не мог подобрать слов, чтобы сказать то, что сейчас творилось в его душе. Сердце колотилось все так же неистово, и, кажется, Виола ощущала это, уперевшись ладонью ему в грудь.

— Спасибо! — Виола упрямо не желала смотреть на Андэра. — Вы можете меня отпустить.

Однако Андэру хотелось противоположного.

Девушку стала бить дрожь. Кажется, до нее только сейчас дошло, какой опасности она подвергалась.

А может...

Может, она дрожала не из-за этого? Андэр почувствовал отчаяние при мысли, что все же испугал Виолу своими слишком решительными действиями. Он не должен был ее обнимать!

Как же ужасно чувствовать себя таким неуверенным!

Как понять, что у Виолы на уме?

— Виола, что значил тот поцелуй? — неожиданно спросил Андэр. — Тогда, в гостинице...

Виола дернулась и отпрянула, чуть не сверзившись с вороного. Она посмотрела на Андэра с таким ужасом, словно он только что ударил ее по лицу.

Девушка побледнела, а на ее скулах расцвели красные пятна.

— Вы... вы из-за этого? Так вот что вы обо мне думаете?!

Андэр ничего не понял из путаного ответа Виолы, кроме того, что она почему-то сильно разозлилась и оскорбилась. Он не успел помешать ей, когда она вдруг бешено завертелась, высвобождаясь из его рук. Виола прыгнула на землю, благо, что Свободолюбивый уже какое-то время стоял, послушный команде Андэра. Помешать Виоле Андэр не сумел. Он как дурак смотрел на нее сверху и тянул руки, когда девушка обожгла его ненавидящим взглядом, развернулась и похромала по дороге прочь от растерянного Андэра.

— Виола!

Девушка даже не обернулась.

Андэр спешил и пошел следом за обозленной подопечной. Стоило ему приблизиться, как Виола присела, подхватила с земли увесистый булыжник и с угрозой повернулась к нему:

— Не подходите!

— Ви!

— И не разговаривайте со мной! — подняла она камень повыше.

Андэру не оставалось ничего другого, как последовать за девушкой, приотстав на десяток шагов. Вороного он вел в поводу. Оставить Виолу на дороге одну он не мог, как не мог и подвезти ее — она

отказывалась от какого-либо диалога и помощи. Так они и шли до поместья: Виола кипела непонятной обидой, а Андэр мучился осознанием собственной глупости. Один шанс сблизиться с девушкой он безнадежно заперол!

— Бормо! — окликнул императора нежный девичий голос, стоило ему выйти из тайника в парке.

Арган обернулся.

Робкая родственница грозного министра финансов, к счастью, не принадлежала к отряду почитателей камердинера. Каждый раз, когда Арган вспоминал, как поначалу радовался привлекательной внешности магической личины, за которой укрылся, ему хотелось отвесить себе оплеуху. Его подвело тщеславие. Ну почему он не выбрал неприметную внешность? Насколько проще ему бы жилось в «Оленьем бору». Пользы от смазливости золотого блондина не было никакой: если он надеялся, очаровав, разговорить служанок и компаньонов об их хозяйках, то фатально ошибся: влюбленные дурочки предпочитали иное времяпрепровождение.

— Как хорошо, что я вас встретила. Не могли бы вы мне помочь?

— К вашим услугам, миледи, — вежливо поклонился Арган.

Ничего другого ему не оставалось. Хотя от общества леди Лукрень могла быть и польза: при ней служанки, от которых он только что удирал, не рискнут приблизиться. К тому же у Аргана к прелестной блондинке был небольшой интерес.

Леди Лукрень с облегчением передала ему увесистую корзину, которую с трудом держала в руках.

— У меня есть поручение ее сиятельства — сходить в деревню к арендаторам. Увы, но я переоценила свои силы. Боюсь, что не смогу в одиночку донести эту корзину. Прошу, помогите мне, пожалуйста.

— С радостью, миледи. Только укажите, куда идти, я в этих краях человек новый.

— Как и я, — мило покраснела леди. — Но ее сиятельство подробно объяснила дорогу. Нам в ту сторону.

Император перевесил корзину на сгиб левой руки, а правую галантно подал девушке, чуть позабыв, что играет роль слуги, со стороны которого такой жест мог бы считаться неприличным.

Удивительно, но Сивилла Лукрень без возражений приняла руку, и они вдвоем пошли в сторону, указанную леди.

Прогулка вышла довольно продолжительной, до нужного места они добрались лишь через час. За это время Арган успел во всех подробностях выпытать у леди Лукрень обстоятельства ее первой встречи с загадочной фиолетовой крысой.

— Не могу поверить, что это все же оказалось проделкой Луки и Виолы! — губы Сивиллы обиженно сжались. — Я была о них лучшего мнения. Они мне даже нравились.

— Может, все же близнецы не виноваты. — Арган решил заступиться за друга и его сестру. — Вы же сами сказали, что они интересовались крысой с целью ее поймать.

— Я уже не знаю, чему верить, — вздохнула девушка. — Буквально все твердит, что я ошиблась в них раньше... Кажется, мы пришли.

Поселение арендаторов при «Оленьем бору» было небольшим — около четырех дюжин аккуратных каменных домов, разделенных на три улицы. Возле каждого дома был разбит небольшой сад, а на заднем дворе встречались и огородики.

День был в разгаре, многие из арендаторов трудились в поле, в самом поселке было довольно тихо, только собаки лаяли при приближении чужаков, да откуда-то доносились детские крики — ребятня во что-то шумно играла.

Спросить дорогу было не у кого, но, на счастье леди Лукрень, император обнаружил на домах таблички.

— Мне сюда, — сказала Сивилла, когда им удалось найти третий дом на Благословенной улице.

Она подняла салфетку и извлекла из корзинки небольшой сверток.

— Леди Каларон попросила меня позаботиться о больных в этом доме. Вас же я попрошу отнести

корзинку на Садовую, в дом номер тринадцать. Я надолго, так что ждать меня не нужно, как выполните поручение — возвращайтесь в поместье.

Арган заверил Сивиллу, что выполнит все в точности, и попрощался. Садовая улица была следующей, он прошел между домами и вскоре постучал в дверь нужного дома.

Открывший на стук мужчина неприятно поразил императора: как-то не вязался разбойничьего вида мордovorот с образом ухоженной деревеньки, населенной законопослушными арендаторами, которых запросто навешают леди.

— Гостинцы от ее сиятельства вдовствующей маркизы, — сказал Арган, махнув корзиной.

— Проходи, — сипло произнес неприятный мужик и отворил дверь пошире, но так и не удосужившись или отойти в сторону, или забрать корзину.

Ох, как не понравилось императору такое обращение! Но он самонадеянно решил, что справится с любой неприятностью, которую можно было ожидать от подозрительного хозяина дома.

Как же Арган ошибался. Но понял он это чуть позже, когда дверь дома номер тринадцать захлопнулась за его спиной.

— Благодарю вас за помощь, дорогая! — Вдовствующая маркиза наклонила изящный чайничек и подлила Дамире чаю. — Вы меня необычайно выручили.

— Что вы, ваше сиятельство, это такой пустяк! Нам, вынужденным задержаться здесь из-за нелепых случайностей, любая посильная помощь в радость. Как еще нам отблагодарить вас за гостеприимство?

Удивительное дело, еще недавно у Белинды Каларон возникла бы масса язвительных ответов на этот вопрос. Например: «Не пытаться поджечь дом!» Но сейчас ей и в голову такое не пришло, маркиза испытывала искреннюю признательность к госте.

Сивилла Лукрень только что ушла, получив свою порцию благодарности. В гостиной остались только маркиза и леди Айлайр, которой в этот вечер хотелось простить все прегрешения.

— Не желаете ли чего-нибудь покрепче чая? — предложила Белинда, у которой появилось желание негласно отметить сегодняшнюю победу — избавление от неугодного камердинера.

— С удовольствием. — Темные глаза Дамиры сверкнули любопытством. — Надеюсь, у нас есть для этого хороший повод?

— Просто прекрасный! — Вдовствующая маркиза позвонила в колокольчик.

Когда слуга принес дамам чудесный кларет из запасов хозяина поместья, разговор возобновился.

Рассматривая вино на просвет, леди Каларон почувствовала, что ее душой овладела какая-то грусть. У нее никогда не было близких подруг, с которыми можно было бы поделиться переживаниями. Для этого Белинда была слишком красива. Даже в детстве ей не с кем было разделить сокровенные мысли.

Дамира Айлайр была такой же — слишком яркой, чтобы ее приняли в компанию менее красивые леди, и слишком сильной, чтобы притворяться перед другими ради лицемерного одобрения и иллюзии дружбы.

— Мне жаль, что вы не стали мне дочерью. — Белинда Каларон поддалась настроению, требовавшему хоть чуть-чуть приоткрыть перед кем-нибудь душу. — Кажется, мы бы прекрасно поладили.

— Не думаю, что его сиятельство обрадовался бы этому, — чуть печально ответила молодая собеседница.

Вдовствующая маркиза отпила глоток вина. Горькие признания так и рвались из ее сердца.

— Да, — сказала она. — Мой мальчик... я так безмерно перед ним виновата!

К сладкому вкусу вина прибавилась горечь соленых слез.

— Боюсь, он никогда меня не простит!.. Знаете, молодость — самый страшный грех! Весь мир у твоих ног. Кажется, что куда бы ты ни шел, всегда сможешь вернуться обратно, исправить то, в чем ошибся. Это так самонадеянно и недалёковидно.

Дамира молчала, внимательно слушая обрушившиеся на нее откровения.

— Что может знать вчерашняя девочка о материнстве, о той ответственности, которую оно несет? Ослепленная всеобщим обожанием, я ни на секунду не задумалась, что это не продлится до скончания времен! Твой ребенок не будет малышом вечно. И все его обиды, которые ты невольно нанесла ему, вырастут вместе с ним. Я принимала как должное любовь к себе и совершенно не умела ее дарить. Пока был жив мой дорогой супруг, я ни в чем подобном не нуждалась. Он не просто любил меня, а боготворил, потакая моему тщеславию. В какой же пропасти я оказалась, когда он внезапно умер! Вот тогда-то я и познала весь ужас своего положения. Мне казалось, да и сейчас кажется, что за годы брака я выбрала всю отпущенную мне любовь.

Бокал вдовствующей маркизы опустел, но она этого даже не заметила, как и того, что теперь уже гостя позаботилась о том, чтобы наполнить вином бокалы.

— Я словно очнулась ото сна и обнаружила, что единственный родной мне человек меня ненавидит. Как бы ни был вежлив Андэр, я всегда чувствую, что он за тысячи миль от меня. Его душа словно скрыта каменной стеной. Да что там, даже этот негодяй камердинер вызывает у сына больше приязни, чем родная мать! Андэр нарочно избегает меня. Даже не знает, что я совершила ради него!

— Что, что вы совершили? — заинтригованно переспросила Дамира, когда вдовствующая маркиза разрыдалась, совершенно забыв о светских условностях и о необходимости пристойно выглядеть — лицо леди Каларон покраснело, сейчас никто не назвал бы ее прекрасной.

— О-о-о! Когда я узнала, что с моим мальчиком делали в этом ужасном «Орлином гнезде», проклятой школе, больше походившей на ад, то лично позаботилась, чтобы руководившие ею люди отправились на каторгу! В каком гневе была императрица, когда я донесла до нее все подробности! Наши мальчики... даже не верится, что они прошли через весь этот ад! Я готова тысячу раз умереть за каждую минуту страданий, которые Андэр пережил по моей вине!

Вдовствующая маркиза приняла поданный ей платок. Пока она утирала слезы, Дамира снова наполнила бокалы — разговор выходил слишком тяжелый.

— Теперь же ничто не может помочь мне извиниться перед сыном. Он отказывается меня слушать! Все, что его интересует, — бесконечные путешествия, в которых, боюсь, он рано или поздно сложит голову.

— Поэтому вы и собрали нас?

— Да! Когда я встретила эри ди Свершталь, я не сомневалась ни минуты! Она сказала, что ему грозит скорая гибель. Я больше не могла держаться в стороне, даже если мой мальчик ненавидит землю, по которой я хожу!

— Хм, тогда, возможно, поэтому... — задумчиво произнесла Дамира, тотчас приковав внимание вдовствующей маркизы к своему непонятному замечанию.

— Что? О чем вы хотели сказать?

Дамира недолго поколебалась, сообщать ли нечто, судя по всему, неприятное напряженной, как взведенная тетива, леди Каларон.

— Я размышляла о причинах, заставивших вашего сына совершить столь непонятный выбор.

— Какой? Какой выбор? Я вас не понимаю!

— Видите ли, — Дамира вновь наполнила бокалы, — я сегодня невольно стала свидетельницей сцены...

— Ну!

— Кажется, его сиятельство сделал выбор в пользу этой девчонки ра Веллад.

— Что?!!

— Я видела их вдвоем возле конюшни.

— И?!

— Мне показалось, что их отношения намного ближе, чем между опекуном и подопечной. — Дамира в смущении опустила глаза. — Но если все так, как вы говорите, то понятно, что в этом нет ничего опасного...

— Опасного?!

— И скандального...

— Скандального?!!

— Скорее всего, ваш сын решил в очередной раз уязвить вас.

Вдовствующая маркиза вскочила. Пальцы рук у нее сжимались и разжимались, она утратила над собою контроль.

Андэр и эта нищая пацанка? Нет! Тысячу тысяч раз нет!

— Я благодарю вас, Дамира, но сейчас мне нужно остаться одной.

Леди Айлайр поспешила удалиться, уж очень яростным был вид у вдовствующей маркизы.

Неизвестно, как долго бы Андэр колебался, прежде чем снова встретиться с Виолой, но новое свидание состоялось уже следующим утром. Вдовствующая маркиза позаботилась об этом лично.

По ее приказу эри Стиранн написала записку.

«Ваше сиятельство! Буду ждать вас в том же месте за час до полудня, В.»

Вторая записка с точно таким же текстом, но адресованная Виоле и подписанная литерой «А», была аккуратно написана сыщиком из Фардуба, все еще находившимся на жалованье у леди Каларон.

Не то чтобы вдовствующая маркиза сомневалась в словах Дамиры Айлайр, но после многочисленных провалов в войне за счастье сына она решила больше не торопиться с ответными шагами, а по возможности лично убедиться, как обстоят дела на самом деле.

Дамира ненавидела близнецов не меньше самой маркизы, поэтому из-за пристрастности могла что-то понять не так. С учетом этого встревоженная леди Каларон решила провести маленькую проверку. Если между Андэром и Виолой нет никаких близких отношений, то, скорее всего, они и не поймут, от кого записки и где предстоит встреча.

Так рассудила вдовствующая маркиза и устроила ловушку.

Если раньше Виола просто тревожилась, что противна маркизу, то после происшествия на прогулке она убедилась, что он презирает ее как падшую женщину.

Она вновь и вновь в мельчайших подробностях переживала их последнюю встречу и в каждом слове и жесте опекуна предполагала подозрение и осуждение. Виола совершенно запуталась в произошедшем, напридумав то, чего в реальности не происходило.

Время шло, надуманные воспоминания множились. К моменту, когда под дверь осторожно просунули записку, Виола окончательно убедила себя, что обречена на страдание за прошлые грехи и маркиз на нее теперь даже не посмотрит.

Увидев подпись в коротком послании, Виола почувствовала, что ее разбитое, казалось, навек сердце затрепетало с неистовой силой.

Она обвела пальцем литеру «А».

Андэр. Виола даже мысленно не позволяла себе называть его так. Что-то в имени маркиза было такое теплое и близкое, даже интимное...

И теперь он сам подписался так.

Надежда океанской волной захлестнула Виолу. Теперь она считала секунды до встречи с Андэром... с любимым...

Вдовствующая маркиза едва успела занять скрытую от чужих глаз позицию, с которой открывался хороший обзор на конюшню. Для наблюдения она надела темное платье, которое позволило ей слиться с густыми тенями старых деревьев.

Сердце Белинды оборвалось, когда она увидела, что они пришли. Оба. Даже раньше, чем было

обозначено в записках.

Слышать разговор между сыном и приедетой в модное платье Виолой вдовствующая маркиза не могла, для этого ее укрытие находилось слишком далеко. Но она прекрасно видела ревнивым материнским взором, как стеснительно и порывисто вела себя Виола. Не понять, что девчонка отчаянно влюблена, было просто невозможно.

Хуже всего, что, кажется, Дамира ошиблась. Андэр, ее дорогой мальчик первым сделал шаг к вечно растрепанной девице и положил ей на плечи руки. Похоже, что не только нищая Виола прельстилась маркизом-опекуном...

Смотреть на это сил у Белинды не было. Она порывисто отвернулась от парочки влюбленных и стремительным шагом направилась в особняк. С гибельным чувством сына нужно было что-то делать. И у Белинды для этого имелась верная помощница, уже зарекомендовавшая себя вчера днем.

Виола выглядела такой взволнованной, что Андэр не выдержал и в три быстрых шага преодолел расстояние между ними. Он снова поторопился — взял девушку за плечи и чуть притянул к себе.

— Что-то случилось? Что-то с Лукой? — В представлении Андэра Виола, так яростно вчера отвергшая его помощь, могла вызвать его запиской только из-за брата, которого уж точно любила, в отличие от самого Андэра.

— Да. Нет. При чем тут Лука? — Виола не смогла скрыть изумления и растерянности.

— А у вас есть еще причины для волнения? — Андэр не смог скрыть разочарования.

— И об этом меня спрашиваете вы?!

Виола отшатнулась и нервно сжала карман, словно хотела что-то показать, но не могла решиться.

— Я подумал...

Демон знает, что он подумал, когда четверть часа назад обнаружил ее записку и решил, что с Виолой произошло нечто настолько серьезное, что она забыла обиду и решила попросить помощи. Если все не так, тогда почему она опять ведет себя столь странно?

Он явно опять говорит и делает что-то не то, иначе откуда это разочарование в ее глазах? Почему Виола вновь начинает злиться?

— Вы хотите сказать, что все это, — она неопределенно махнула рукой в сторону конюшни, — просто так? Вы всего лишь решили узнать у меня, что делает Лука?!

Андэр опешил. Теперь он совсем ничего не понимал!

— Виола...

— Не зовите меня так! — Девушка расплакалась, вырвалась и убежала, оставив Андэра в полной растерянности.

— Как же мне звать тебя, если не по имени?.. — прошептал он. — Любимая.

Увы, услышать его слова Виола не могла. Ничего не видя вокруг из-за застывших глаза слез, она неслась напрямик в сторону Дамиры Айлайр, с самого утра наблюдавшей за вдовствующей маркизой. В отличие от леди Каларон, огненная леди не сбежала в самом начале подстроенной маркизой встречи и увидела больше, чем та.

Увидела и сделала выводы. Поэтому тихо отступила в сторону, когда Виола промчалась рядом. Издеваться над глупышкой в такой момент было бы кощунственно.

Дамира поразились, что неожиданно оказалась права, выдумав историю для вдовствующей маркизы. А его сиятельство маркиз Каларон? Вот уж странный человек. На что только польстился?

Если Андэр пытался решить головоломку по имени Виола и справиться с собственными чувствами, позабыв о затаившихся в поместье вражеских шпионах, то Лука не находил себе места от внезапного беспокойства за своего нового друга Бормо. Камердинер его сиятельства необъяснимым образом пропал, хотя у них были совместные планы. А насколько Лука успел убедиться, Бормо не относился к людям, легко забывающим взятые на себя обязательства. Вот только ночью он так и не

пришел. Лука зря прождал его в условленном месте.

Не появился блондин и утром. Более того, с помощью ЭТОГО Лука также не смог обнаружить Бормо в особняке. Последнее было совсем уж странным, не уволил ли его маркиз, случаем?

Ответить на этот вопрос мог только опекун, поэтому Лука хорошенько поискал маркиза Каларона и нашел его возле конюшни. Вид у хозяина поместья был донельзя странный. Лука даже не сразу решился привлечь его внимание.

— Ваше сиятельство!

Маркиз молча повернулся к Луке.

— Скажите, вы случайно никого не уволяли вчера?

Брови маркиза изумленно приподнялись.

— Откуда такой интерес?

— Да вот потерял из виду одного человечка...

— Кого именно? — Опекун настороженно прищурился.

Если бы Лука решился сказать правду, все могло бы сложиться по-другому, но он почему-то решил утаить приятельские отношения с личным слугой его сиятельства.

— Рыжий такой. Мы с ним как-то поспорили, а ваш камердинер свидетелем стал. Вот я и ищу обоих, чтобы дельце завершить.

Маркиз от услышанной истории стал еще более подозрительным.

— Это что ж за рыжий? Не припоминаю...

Лука почувствовал, что нора уносить ноги. Привлекать внимание опекуна, все еще имеющего право распоряжаться их с Виолой судьбой, к поискам печально известной крысы? Нет, Лука не был настолько глуп.

Но так просто удрать от маркиза не удалось. Опекун вдруг стал невероятно внимателен и принялся расспрашивать Луку:

— Скажи, все ли у вас с сестрой хорошо? Подошла ли одежда?

— Э-э-э... ну, да. Спасибо! — Лука попятился.

— Не обижают ли вас в «Оленьем бору»? Может, у вас есть какие-то жалобы?

— Все хорошо, честно!

— А Виола, она...

— Простите, ваше сиятельство, я только что вспомнил об одной срочной встрече!

Лука припустил, стремясь как можно быстрее оказаться подальше от внезапно озаботившегося делами подопечных маркиза. Еще и Виолу зачем-то приплел. Сестрица и без того чуть ли не огнем дышит при одном воспоминании об опекуне. Нет, этим двоим лучше не встречаться. Виола могла бы и голову маркизу оторвать, так она на него злилась. По крайней мере Лука был в этом свято убежден.

С сестрой Лука давно не общался по душам. Ему казалось, что у нее все хорошо. Но сейчас он почувствовал какое-то беспокойство и решил поскорее найти Виолу. Им было что обсудить. Хотя бы тревожный интерес маркиза к их судьбе.

Виолу он обнаружил в своей комнате. Кажется, сестрица тоже решилась на откровенный разговор.

— Ви! Ты чего? — Выглядела сестра не очень хорошо. Красные глаза выдавали, что она недавно плакала. — Кто тебя обидел?!

Виола покачала головой:

— Со мной все в порядке. Правда! — Она обняла приблизившегося вплотную брата. — Я так по тебе соскучилась!

Лука поначалу хмыкнул, но потом понял, что тоже скучал. Казалось бы, они жили в одном доме,

даже в соседних комнатах, а вот поди ж ты, в последние дни совсем не виделись. И это они, неразлучная парочка! Да за всю жизнь близнецы не провели врозь времени столько, сколько за последнюю неделю. Заколдовали их, что ли?

— Я тоже по тебе скучал. — Лука крепче стиснул сестру. — Что с нами произошло, почему мы теперь все время по отдельности?

— Кажется, это моя вина... — пробубнила Виола в изрядно увлажнившуюся от ее слез рубашку Луки.

— Ви, ты опять за свое? Вечно себя винишь!

— Но я действительно виновата. И уже давно... Нам нужно откровенно поговорить.

— Хорошо. — Лука потрепал Виолу по голове. За последние недели волосы у нее отросли, и сейчас это различие в их внешности стало бросаться в глаза. К тому же Лука, кажется, начал обгонять сестру в росте. — Давай присядем. Когда ты хочешь поговорить?

— Сейчас же!

— Хорошо. — Он потянул Виолу на кровать.

Они рухнули, нелепо взбрыкнув ногами. Виола наконец-то рассмеялась — она всегда любила проделывать этот трюк. Да и Луке нравилось с разбегу грохаться на кровать, весело болтая в воздухе ногами. Няня за это часто ворчала на близнецов, нарушавших порядок.

Отсмеявшись, Лука и Виола улеглись рядышком, взяв друг друга за руки.

Какое-то время они молчали, наслаждаясь тишиной и покоем, который охватывал их, когда они вот так просто находились рядом друг с другом.

Лука смотрел на нависавший над ними балдахин. Эх! Сейчас бы лежать на любимой скале в бухте, глазеть на проплывающие в небе облака, да наслаждаться свежим запахом соленого ветра...

Ничего. Скоро они с Ви покинут «Олений бор» и вернутся на юг, в родные края.

Виола чуть пожала Луке пальцы:

— Помнишь ту ночь в Муштивенке, когда ты оставил меня в гостинице, а сам пошел за экипажем?

— Угу... — С воспоминаний о Маринвенской бухте Лука неожиданно перескочил на ЭТО. Вот что ему будет жалко до слез здесь оставить. Но как же тогда поступить? Как забрать живую колдовскую сеть?

— Я тогда не все тебе рассказала.

— Угу...

Лука слушал рассеянно, больше уделив внимания собственным рассуждениям. За здорово живешь бросить такую удачную игрушку, как их с Виолой магическое детище, он не мог.

— Мне казалось, что я совершаю благое дело... Там была женщина. Она... унижалась перед одним жутким типом...

— Угу...

Нельзя сказать, что Лука совсем не слушал сестру, но она говорила о таких древних событиях! Происшествие почти двухмесячной давности казалось ему бесконечно далеким. Разве может быть важным то, что произошло вечность назад? Если бы Виола в тот день сделала что-то неправильно, они бы *тогда* и расплатились, их магия в этом плане работала четко. К тому же он знал манеру сестры вечно себя в чем-то винить. А вот ЭТО требовало какого-то решения сейчас.

Как же он раньше не подумал, что не сможет так просто расстаться с сетью? Да и она, кажется, поняла, что есть опасность разлуки. Иначе с чего бы так заволновалась и активизировалась? Прямо сейчас ЭТО стало вести себя как охотничья собака: часть ЭТОГО отделилась от общей сети и теперь рыскала вокруг поместья. Лука и не знал, что ЭТО на такое способно!

Он подумал, что неплохо бы таким способом поискать Бормо. Из-за блондина на душе у Луки было тревожно. Не мог он пропасть ни с того ни с сего.

ЭТО услышало пожелание любимого хозяина. Рыскавшая часть сети новела себя как гончая, взявшая след, и ринулась куда-то в сторону от поместья. Лука почувствовал, как его с неодолимой

силой тянет туда следом.

— ...так вот — дело в том мужчине. Он...

— Ви, извини! Клянусь, я дослушаю тебя, но позже! — Лука вскочил с кровати, словно его за зад тянули. — Мне сейчас же нужно бежать! — Он чуть ли не приплясывал на месте, так его тянуло догнать свою «ищейку». — Не забудь, на чем ты остановилась! — И он смылся за какую-то секунду, оставив ошеломленную сестру.

— Не забуду... Забудешь такое!

Чуть подумав, Виола решила разобраться, чем таким важным занят брат. Она вышла из его комнаты. Коридор был пуст. Но у нее для обнаружения неугомонного Луки было средство получше — их таинственное изобретение. Обращение с магической сетью давалось ей не так легко, как брату, способному общаться с нею хоть на бегу. Виола остановилась, прикрыла глаза и наконец нащупала ЭТО. Она потянулась к сети, когда почувствовала за спиной чье-то присутствие.

Открыть глаза и обернуться Виола не успела — на голову ей обрушился сильный удар, она потеряла сознание, так и не дотянувшись до спасительного ЭТОГО.

Многочисленные дела поместья и тайной службы не дали Андэру глубоко погрузиться в переживания. Какой бы запутанной ни стала его личная жизнь, он не мог сосредоточиться только на непонятном поведении Виолы. Его внимания требовали две другие девушки, подозреваемые в сотрудничестве с врагом. Обе сейчас находились в поместье, да еще внезапно сблизилась с вдовствующей маркизой. Этого Андэр понять не мог. Казалось, матушка не способна так быстро простить обиду. Да за любимую статую она должна была сжить девиц со свету. А вместо этого леди Каларон прониклась теплыми чувствами к одной из основных виновниц трагедии. Это было слишком подозрительно.

Определить точно, кто же из двух девиц является помощницей Счастливого, пока не представлялось возможным. В поведении обеих девушек замечались странные моменты. Например, обе леди на какое-то время сумели исчезнуть из-под наблюдения. Агентов кто-то грамотно отвлек, из-за чего теперь было неизвестно, как вчера днем обе подозреваемые провели четыре часа. В то же время это происшествие свидетельствовало, что с кандидатурами Андэр не ошибся. Счастливчик был рядом.

В таких обстоятельствах разуму Андэра было не до Виолы, но не его сердцу, внезапно проснувшегося и теперь отказывавшемуся успокоиться. Шпионы, опасность, работа — все было не так важно, как желание совершить что-то, что привлечет к нему любимую девушку.

Проклятье, ему даже посоветоваться не с кем! Аргана он сам избегал, да и не понял бы император, охваченный азартом охоты на Счастливого, чувств друга.

Помощь пришла, откуда Андэр не ждал: он случайно подслушал разговор матушкиного сыщика и одного из молодых слуг, усевшихся передохнуть в теньке возле конюшен.

Как оказалось, Куили был давно и счастливо женат и теперь делился опытом с влюбленным юношей:

— Супруга моя всегда отличалась своенравием. Но это мне в ней и нравится. Поверь, это та перчинка, которая не даст приесться семейной похлебке.

Услышав его слова, Андэр решил остановиться.

Куили довольно рассмеялся, припомнив что-то, и дружески хлопнул парня по плечу.

— А сколько сил я потратил, чтобы уговорить свою Алуру выйти за меня! Никогда не встречал более непредсказуемой девушки! Зато уже пятнадцать лет — душа в душу.

— А как тогда определить, что она что-то к тебе чувствует, а не просто изводит? — заинтересованно подался парень к старшему товарищу.

— Тут нужно только молиться Творцу! — хохотнул сыщик. — Но есть кое-какие приметы...

Андэр почувствовал, что, подобно мальчишке, тоже приоткрыл рот в ожидании важного совета и даже наклонился в сторону Куили.

— Если девушка в тебе заинтересована, то не станет раз за разом отказываться, когда ты ее приглашаешь куда-то. А если хочет покуражиться, то и встречи искать будет сама, вроде как набиваться к тебе. Такая и скрываться не станет, всего ядовитыми словами изжалит. А вот если

чудит, но все равно, как ни позовешь, приходит, то тут уж можешь не робеть — есть у нее к тебе интерес! А все странности, то от нервов их девичьих.

— И что в таком случае делать?

— Знамо что: хватай да целуй! А потом уже разговоры разговаривай. Но не долго. Как видишь, что опять дурь поперла, снова целуй. Иная девица такого на ровном месте напридумывать может — ой-ёй! Так что тут только поцелуями да вовремя сказанным словом «люблю» такую строптивницу в храм и затащишь. А уж как детки пойдут, вот тогда чуточку и передохнуть можно.

— Это что же, — совсем растерялся паренек, — всю жизнь так мучиться?

— Мучиться?! Эх ты! — Куили потрепал парня по чубу. — Тому, кто любит, это ж самое сладкое. Так что запомни: поцелуй — самое верное средство!

Рассмеявшись, сыщик ушел. Его ученик тоже недолго сидел — опомнился, вскочил и припустил за наставником. Видать, не все узнал, что хотел.

Андэр проводил их взглядом. Советы сыщика из Фардуба маркизу пришлось по душе. Осталось найти Виолу и проверить теорию практикой.

Где бы она сейчас могла быть?..

Сознание к Виоле вернулось вместе с болью, тупо отзывающейся в затылке. Очень хотелось застонать, но, к счастью, в горле у нее пересохло, поэтому с губ сорвался только тихий вздох. А потом пришло решение не выдавать, что она очнулась.

Для начала девушка прислушалась. Было необычайно, просто нереально тихо. В любом помещении нет-нет да и раздавались какие-нибудь звуки — тихое поскрипывание-потрескивание дерева, шорохи, порывы ветра за окном. Но сейчас ничего подобного не было.

Воздух вокруг был странный — густой, тяжелый, очень сухой и какой-то *безжизненный*.

Виола рискнула приоткрыть глаза, но ничего не увидела — вокруг царила кромешная темень. Глаза распахнулись во всю ширь, только это тоже не помогло. Виола испуганно дернулась и ощутила, что связана по рукам и ногам и, должно быть, уже давно — конечности затекли и одеревенели.

Попытка пошевелить пальцами принесла жгучую боль. Огненные мурашки побежали по рукам. Виола решила не шадить себя и продолжила двигаться, сколько могла. Вскоре к рукам вернулась некоторая чувствительность, и тогда девушка нащупала то, что заставило ее испуганно сжаться. Камни. Она лежала на неровном каменном полу, усеянном острыми осколками. Пещера или шахта.

Ни о чем подобном в окрестностях «Оленьего бора» Виола не слышала.

Где же она? И кому понадобилось ее связывать?

Прошло два часа. Были опрошены все агенты, но никто не смог найти девицу ра Веллад.

«Виола, где же ты?» — все с большей тревогой думал маркиз, в третий раз обходя дом. Он не поленился лично осмотреть каждый укромный уголок. С такими непоседами, как близнецы, это было отнюдь не лишним. Лука уж точно много раз пользовался потайными ходами, об этом Андэру было известно.

Все, кто так или иначе видел Виолу, утверждали, что она шла к особняку, была в особняке, направлялась в комнату брата. Там они какое-то время были вместе, а потом Лука ураганом куда-то помчался. Но один, без сестры. Приказа следить за младшим ра Велладом не было, но теперь за ним отправили двух следопытов.

В том, что агенты Луку найдут, Андэр не сомневался. Вот только это никак не могло повлиять на разгадку таинственного исчезновения Виолы.

Андэр вышел из особняка и решил еще раз обойти его по периметру. Опасность он заметил слишком поздно.

— Дорогой! — донесся до него голос матери. — Какое счастье, что ты здесь! — Вдовствующая маркиза протянула к нему руки: — Прошу, помоги мне!

Вдовствующая маркиза сидела в ландо в компании леди Айлайр. Выглядела она пугающе бледно.

Рядом топтался незнакомый кучер, явно не знавший, что ему делать в такой ситуации.

Андэр подошел к экипажу и помог матери спуститься. Она вцепилась в рукав его камзола, с трудом произнося слова:

— Андэр, мне так нехорошо. Прошу, помоги бедняжке Дамире. Ее нужно сопроводить до Липок.

Вид у матери действительно был очень болезненный. Андэр давно не видел ее в таком ужасном состоянии, разве что во время памятного пикника с отравлением. Бледность, пот и озноб говорили, что она не притворяется. Ничего другого ему не оставалось, как выполнить просьбу маркизы.

Дамира выглядела взволнованной.

— Я прошу прощения за вынужденное неудобство, ваше сиятельство!

Андэр передал мать на руки подоспевшим слугам. В конце концов, у него была пара часов, пока отыщут Луку. Другие распоряжения по розыску Виолы он уже отдал. А сопровождать Дамиру во внезапной поездке было даже в его интересах — ни один из агентов не смог бы наблюдать за ней в такой непосредственной близости. Леди Айлайр находилась под надзором как одна из подозреваемых в связи с алтуветским шпионом.

Уже в ландо, когда выехали за ворота, Андэр понял, что ему незнаком не только слуга, но и экипаж, который всего лишь походил на те, что имелись в поместье.

— Его нанял посыльный моего дяди. Он прислал экипаж с запиской, что ждет меня на постоялом дворе в Липках, чтобы передать письмо и деньги. Теперь вы понимаете, что я не могла отправиться туда без сопровождения? Ваша матушка настояла, чтобы поехать со мной, но ей внезапно стало дурно.

Андэр кивнул. Ответ его вполне устроил. По крайней мере ситуация выглядела правдоподобной.

После этого они больше не разговаривали. Дамира грустно смотрела на проплывавшие мимо поля, а Андэр изводил себя мыслями об исчезновении Виолы. Теперь решение поехать в Липки казалось ему не таким хорошим: мало ли как сейчас обстоят дела в поместье? Ситуация могла измениться в любую минуту. Дурное предчувствие не отпускало Андэра. Он чувствовал, что вот-вот произойдет что-то плохое.

Меньше чем через час ландо въехало в Липки — небольшой поселок с постоянным двором и храмом, расположенный на землях Каларонов. Через него проходила дорога, ведущая к большому императорскому тракту, до которого отсюда было еще три часа пути. Место считалось достаточно популярным, чтобы построить здесь небольшой постоянный двор «Приют под липами».

Возница остановил экипаж перед входом. Андэр быстро покинул его и помог сойти Дамире.

— Куда дальше?

— Он ждет в отдельном кабинете. — Девушка показала краешек записки, спрятанной в крохотной дамской сумочке, висевшей у нее на руке.

Андэр распахнул перед Дамирой дверь и вошел следом. Он примерно представлял, где располагался искомый кабинет, бывать в Липках ему доводилось.

Посланец оказался высоким жилистым мужчиной средних лет. При виде посетителей он не встал, за что извинился:

— Милорд, миледи, прошу прощения, что приходится приветствовать вас сидя. Виной этому боль от воспалившейся раны на ноге. Из-за нее я был вынужден пригласить вас сюда. Дорога превратилась в пытку.

Андэр жестом показал, что ничуть не оскорблен.

— Я взял на себя смелость заказать чай и легкий перекус. Надеюсь, вы ко мне присоединитесь.

Дамира поблагодарила эрзара Нольса, так представился посланник ее родственника и опекуна, и присела на любезно пододвинутый для нее Андэром стул.

Чай и закуски принесли раньше, чем закончились любезности. Эрзар Нольс долго возился с дорожной сумкой, пока Дамира разливала всем чай.

— Вот письмо вашего дяди, — посланец наконец-то справился с тугими застежками и вытянул из сумки запечатанный конверт, который передал Дамире.

— Благодарю! — Девушка протянула руку и взяла послание.

Андэр спокойно наблюдал за их действиями, пригубив чай, в аромате которого витали вкусные лесные ноты. Запах был необычным. Додумать мысль о том, какой рецепт использовал местный повар, Андэр не успел. Последнее, что он запомнил, — как кроваво засверкал рубин в перстне Дамиры, когда она взяла письмо.

Очнулся Андэр под злорадный смех, в котором с трудом узнал голос красавицы леди Айлайр. Как опытный агент, он и виду не подал, что пришел в себя. Даже глаз не открыл, весь обратившись в слух: смех сопровождало необычное эхо. Оно, как и вонзившиеся в тело камни, подсказало маркизу, что он находится в пещере. Таковых в его владениях не водилось. Но существовала заброшенная шахта выработанного угольного рудника, который закрыли еще при отце Андэра.

От поместья до рудника верхом ходу было часа четыре, а от Липок — три или три с половиной. Значит, без сознания он провалялся как минимум часа четыре, которые ушли на дорогу.

Андэр сделал усилие, чтобы не нахмуриться и не выдать себя. То, что он попал в переплет, не так сильно пугало, как исчезновение Виолы. Пока он здесь, в руках алтуветцев, а за его похищением несомненно стоял Счастливчик, в поместье могли что-то узнать о девушке. Ее судьба тревожила его больше собственной.

— Какая жалость, — внезапно проговорила Дамира совсем близко, — что, кроме меня, некому оценить всю трогательность картины. Особо порадовалась бы леди Каларон!

Андэр почувствовал болезненный удар: коварная девица пнула его острым мысом туфли под ребра. Усилием воли маркиз сдержал стон и инстинктивное движение. Как-либо действовать пока было рано. С Дамирой он легко справится, но шанс встретиться со Счастливчиком упускать было нельзя.

Но если сам Андэр не шевелился, изображая забытье, то под своей головой он ощутил непонятное движение. Это было слишком неожиданно. Осознав, что его голова лежит на чем-то живом, он чуть не выдал себя. К счастью, тот, на ком он лежал, больше не шевелился.

Судя по звуку неуверенных шагов и тихой ругани, Дамира куда-то ушла, спотыкаясь на камнях. Только когда шум затих, Андэр медленно сел и открыл глаза.

Непроглядная тьма. Тишину нарушила возня за спиной маркиза. Он тотчас отодвинулся, потом рискнул зажечь магический огонек и в его оранжевом свете увидел лежавшую на камнях Виолу — бледную, измученную, связанную, но живую.

— Ви! — Забыв обо всем, Андэр подхватил девушку и отчаянно прижал ее к груди. — Девочка моя, как же ты так?

— Ваше сия...

— Андэр! Зови меня Андэром!

— Мне больно!

Андэр ослабил объятия и чуть отстранил Виолу. Она плакала.

— Что? Где болит?

— Мне везде больно!

Андэр осторожно положил девушку и вызвал больше огненных «светляков». Источник боли вскоре стал понятен — руки и ноги Виолы сильно затекли и побелели.

— Творец Единый! Сколько же ты так пролежала?!

— Не знаю, ох!

Девушка зашипела от боли, когда Андэр освободил ее от пут на руках.

— Крепись, с ногами будет больнее. Постарайся не кричать.

Она послушалась и только глухо стонала, пока Андэр легкими движениями массировал ее ноги и руки. Чтобы облегчить боль и отвлечь ее от неприятных ощущений, он рассказывал ей какую-то фантастическую чушь.

— Ох! Не могу больше! — Аквамариновый глаз сверкнул из-под растрепанных серебристых волос,

которые пламя окрасило в цвет меди. — Я уже не знаю, что мне делать: плакать или смеяться.

В голосе любимой Андэр различил смех и улыбнулся в ответ, легко шлепнув ее по попе:

— Смеяться конечно же! Вставай давай.

Девушка что-то сердито пробурчала, но приподнялась и села, прижав колени к груди. Вид у нее был недовольный.

Андэр ласковым движением убрал с ее лица прядь.

— Что снова не так? Я тебя обидел?

Виола отвернулась, спрятав порозовевшее лицо в коленях.

Андэр вздохнул, вспомнив их последние ссоры. Вот как ее сейчас поцеловать?

Впрочем...

Он сел рядом и, обняв пискнувшую девушку, перетащил ее к себе на колени.

— А теперь поговорим, — сказал Андэр, стоило Виоле воинственно вскинуть голову, открыв доступ к стратегическому объекту — манящим губам.

Вопреки своим словам Андэр склонился к лицу Виолы и поцеловал ее.

Поначалу нежный поцелуй был так сладок и свеж, как вода из чистого лесного ручья. Его хотелось пить, не отрываясь. Вскоре легкая свежесть сменилась жарким трепетом, заставившим двоих слиться в тесном жадном объятии.

Они разомкнули губы. Андэр не сразу осознал, что кругом светло как днем: три крохотных «светляка» превратились в огромные пламенные шары, кружившие над прижавшейся друг к другу парой. При ярком свете Андэр разглядел потрясение в аквамаринных глазах, в которых, кажется, сейчас бушевало море.

Вздыхнув, он притянул девушку и пристроил ее голову себе на грудь так, чтобы прижаться щекой к ее серебристой макушке. Затухив все магические огни, он принялся рассеянно гладить все еще молчавшую Виолу по спине.

— Не волнуйся, Ви, скоро мы отсюда выберемся.

— А вы...

— Ты. Обращайся ко мне на ты.

Андэр ощутил, как Виола чуть кивнула, потерявшись о него.

— Ты знаешь, где мы сейчас?

— Догадываюсь, что на старом руднике. Он заброшенный, но все крепления достаточно надежные. Их время от времени проверяют на случай, если какие-нибудь дети вздумают поиграть здесь. Рисковых ребят в округе хватает.

— А Дамира? Ты знаешь, зачем она это сделала?

— Да. — Андэр тихонько поцеловал макушку Виолы. — Она не сама все это затеяла. Насколько я понимаю, она ждет своего куратора. Скоро все выяснится.

— А как нам действовать? — Виола отстранилась, как будто могла видеть Андэра в кромешной темноте. В ее голосе слышалась тревога. — Дамира же маг.

— Я тоже. — Андэр наклонился и легко поцеловал Виолу в нос, безошибочно обнаружив его по звуку — девушка обеспокоенно пыхтела.

— Но ты же так сильно болел. — Она погладила его по щеке. — Я заметила, что ты вообще не колдуешь. Ну, кроме этих огоньков сейчас. А у Дамиры силища!

Андэр усмехнулся, догадавшись, что девушка вспомнила, как на них с братом напали в холле, загнав на маменькину статую.

— Может, нас все-таки спасут? Догадается же сыщик, что ты не просто так исчез.

— Так-так... Откуда ты знаешь про сыщика? — Андэр создал светящуюся искру и внимательно

взглянул в раскрасневшееся лицо Виолы. — Подслушивала?

Виола отвела глаза.

— Подслушивала.

Свет вновь погас. Андэр притянул упрямыцу к себе.

— Лучше отдохни, пока есть время. Скоро все разрешится. Клянусь, что мы отсюда выберемся живыми и невредимыми. А сейчас давай помолчим. Мне нужно подумать.

С последним заявлением Андэр поторопился. Думать о чем-либо, кроме доверчиво прижимавшейся девушки, он не смог.

На его счастье, Дамира с подельником не заставили себя ждать. Вдалеке показалось колеблющееся световое пятно, послышался шум приближающихся шагов.

— Виола, спрячься за мою спину.

Андэр помог девушке перебраться на новое место, а сам сел в картинно расслабленную позу, скрестив в щиколотках ноги — вскочить из такого положения было легче легкого.

Лука потряс непривычно звенящей головой. Он никак не мог прийти в себя от невероятных событий, случившихся с ним за последние несколько часов.

Разве мог он предположить, что его приятель Бормо, ради которого он штурмовал скромную темницу в Озерках — поселке арендаторов, внезапно окажется императором Геврата?

А еще сестра, которая как сквозь землю провалилась. И теперь ее искала уйма людей, оказавшихся не простыми слугами, а весьма и весьма подозрительными субъектами, беспрекословно слушавшимися императора. Бормо, вернее Арган, выглядел невероятно встревоженным. Стоило им вернуться в «Олений бор», как выяснилось, что пропала не только Виола, но и снарядивший на ее поиски всех этих людей маркиз-опекун.

Все суетились. К императору, устроившемуся в комнате конюха при конюшне, то и дело кто-нибудь вваливался с докладом. Все выглядели деловитыми и озабоченными. До Луки никому не было дела.

«Вот и отлично!» — решил он и незаметно выскользнул из императорского «штаба». Объяснять кому-либо свои нестандартные методы поиска Лука не собирался. Раз уж ЭТО помогло ему найти пропавшего приятеля, то и сестру он с его помощью найдет, безо всех озабоченных следопытов.

И только когда Лука выбрался из поместья, устремившись за взявшим след ЭТИМ, он сообразил, почему в «Оленьем бору» собралось так много императорских агентов. Он вспомнил, как подслушал встречу двух шпионов в Стайлерсоке. Впрочем, возвращаться и докладывать об этом не стал — спасение Виолы было важнее всех шпионов мира. Хотя в ином случае Лука не отказался бы принять участие в поимке злодеев. При этой мысли он вспомнил и о своей потере — сбежавшей фиолетовой крысе Белинде.

Вид Счастливики поразил Андэра. Вот уж о чем бы никогда не подумал маркиз Каларон, так о том, что с такой приметной внешностью можно быть неуловимым агентом.

Высокий худой мужчина с несколько неприятными мелкими чертами лица поражал взгляд ярко-фиолетовой шевелюрой!

— Ваше сиятельство! — злорадно сказал он, чуть растягивая слова. — Какая встреча! Не ожидал, что под бархатным камзолом вы скрываете лохмотья бродяги.

— Насколько понимаю, вы знаете, с кем имеете дело, в отличие от меня, — холодно заметил Андэр.

— Я тот, чью тень вы безуспешно ловили последние годы. — Алтувец самодовольно ухмыльнулся.

— Значит, Тень... Как банально. Признаться, у нас вы получили более интересное имя.

— Ну-ка, ну-ка? Что вы там придумали?

Андэр тонко улыбнулся и покачал головой:

— Нет. Пожалуй, вы недостойны этого имени — так глупо попались.

Благожелательность Тени смыло, как океанской волной. Лицо обладателя фиолетовой шевелюры перекосило от злобы.

— Куражитесь? Напрасно! Весьма опрометчиво, имея за спиной всего лишь девчонку. Дамира!

Брюнетка вышла вперед и пустила по направлению к пленникам две огненные дорожки. Выглянувшая было Виола снова забилась Андэру за спину.

— Эй ты, девочка! Я к тебе обращаюсь!

Андэр с тревогой заметил, как нехорошо засверкали глаза Тени при взгляде на Виолу. Отразившаяся в них ненависть превосходила ту, какую алтуветский агент испытывал в отношении него.

Виола уткнулась лицом в плечо Андэра, он почувствовал ее тяжелое дыхание.

— Как тебе местечко? Оценила? Тут нет ни капли воды. Специально для тебя старался! Жаль, что брата твоего с нами нет. Но ничего, сразу отсюда я зайду к нему в гости.

Виола завозилась.

— Лука? Да что он вам сделал?

— А ты и не догадываешься? — Тень противно захохотал, испугав не только Виолу, но и Дамиру, которая отпрянула от хохочущего мужчины подальше.

Андэр решил отвлечь внимание на себя:

— Я вот тоже не догадываюсь, зачем вы полезли в мой дом.

Смех оборвался.

— О, с тобой, Бродяга, все просто. — Тень сунул руку за отворот камзола и извлек толстый зеленый шнур с большой красной печатью. — Знаешь, что это?

Андэр догадывался, но предпочел разыграть неведение:

— Нет.

— Это привет Беспокойному Бродяге от айхойтра Каирита са Руами. — Тень криво усмехнулся и добавил: — Последний. Его мудрейшество решил, что снова сажать тебя в темницу несколько накладно. Да и палача он сам воспитывал.

Андэр кивнул: са Руами, глава тайной службы Алтуветского союза, решил, что игры закончились, и вынес ему приговор. Должно быть, и в самом деле ценил того великана-палача, раз отправил лучшего агента в качестве убийцы.

Но почему Тень так ополчился на близнецов? Чем негодники сумели так обозлить алтуветца?

Насколько спокойнее Андэр чувствовал бы себя, не будь сейчас здесь Виолы. Он даже себе страшился признаться, в каком отчаянном положении они оказались. У Андэра была идея, как выбраться из ловушки, используя особенности места, в котором их заточили. Но план вырисовывался слишком рискованный. К тому же он был рассчитан только на противостояние с Дамирой. А вот какую угрозу нес в себе Тень? В том, что алтуветец маг, Андэр не сомневался. А еще у него могли быть амулеты неизвестного действия. И все это в дополнение к тому, что перед пленниками стоял обученный убийца со стажем.

Догадка об амулетах вскоре подтвердилась.

— Поражен, что нашел вас здесь, а не в одной из ловушек, расставленных по пути отсюда. Я надеялся, что мне и рук пачкать не придется.

— Обманывать нехорошо. — Андэр тоже умел играть на нервах противника. — Ты не удержался бы от соблазна в любом случае.

Тень вновь разразился своим жутким смехом, вызывающим у пленников ужас.

— Если и так, то не ради тебя! Виола, покажись, если не хочешь, чтобы твой обожаемый опекун сейчас же лишился головы.

Андэр попытался удержать девушку, но она выдернула свою руку из его хватки и встала, сделав два шага вперед.

Теперь, не прячась за широкой спиной Андэра, Виола могла лучше рассмотреть человека с пугающим сумасшедшим смехом. Он стоял в двух десятках шагов, перегородив собой путь к свободе. В том, что он желает их с Андэром смерти, не было никаких сомнений. Но все же убийца медлил. Почему?

— Что ты со мною сделала, мерзавка?

— Я?! Да я вас первый раз вижу!

Это замечание вызвало у долговязого очередной приступ смеха, в котором не было ни тени веселья, только злорадство и ненависть.

Виола с замиранием ждала, когда же странный мужчина успокоится и хоть что-то прояснит. Из его диалога с Андэром она поняла, что между ним и маркизом имеются какие-то счеты, явно упиравшиеся в Алтувет. Но и Виола, пусть ничего не понимала, все же покривила душой: она не могла вспомнить откуда, но голос сумасшедшего незнакомца был ей знаком. Она точно уже когда-то слышала, как он вот так чуть тянул звуки и с непередаваемым превосходством обрывал собеседника...

— Не строй из себя невинность! Вы с братцем что-то сделали — там, в особняке! — Убийца раздраженно дернул себя за фиолетовые волосы. — Я смог сменить метаформу лишь за пределами поместья!

Невероятная догадка осенила Виолу:

— Белинда?! — неверяще спросила она.

— Да!!! — рявкнул бывший крыс. — И за имя вы мне особо ответите, мерзавцы! Ты будешь умолять меня о смерти!

Алтуветский маг-убийца взмахнул рукой, и Виола почувствовала, как ее поднимает над полом и по воздуху влечет вперед, в руки сумасшедшего и его поделницы, вновь запустившей огненные дорожки. Не в силах противиться, Виола полетела навстречу пламени.

Полет длился недолго. Андэр схватил Виолу за щиколотки и резко дернул на себя. Они покатались, уходя от огненной атаки Дамиры.

— Прошу, больше не вылезай, — быстро шепнул Андэр и стремительно встал, загородив Виолу собою.

Все происходило так стремительно, что она не успела ничего осознать.

Перед Андэром возник огненный смерч, который устремился в сторону алтуветца и Дамиры. Маркиз вступил в бой.

Воздух в шахте раскалился. Стало тяжело дышать.

Сумасшедший крыс действительно отлично подготовился. С момента, как Виола пришла в себя, она вновь и вновь пыталась призвать магию воды, но в проклятой шахте было суше, чем в пустыне. Все это время у девушки оставалась еще одна надежда, что она сможет воздействовать на кровь похитителей, вроде того, как воздействовала на Андэра, спасая его от лихорадки, но у нее ничего не вышло! Должно быть, наученный крысиным опытом, алтуветец обзавелся какой-то защитой.

Бой над головой Виолы кипел. Как ни старался Андэр заслонить ее, горячие искры долетали и больно жалили. Стены шахты раскалились. Против Андэра выступала не только огненная Дамира, алтуветец помогал ей с помощью магии воздуха и еще метал в маркиза разное оружие — перед носом Виолы вжикнула стальная звезда.

Виола свернулась клубочком, чтобы занимать как можно меньше места. Ее рука привычно скользнула за ворот и ухватилась за кожаный мешочек. Губы сами собой зашептали заветный наговор.

О да! Это могло сработать. Недаром мать оставила им с Лукой жемчужину-оберег. Может, и сейчас она поможет Виоле и Андэру?

Огненные волны Дамиры шли одна за одной. Пот градом лил с лица Андэра, но у него не было ни полсекунды, чтобы утереть его. Сколько же силищи в этой хрупкой брюнетке? Тень поддерживал высокий темп атаки, раздувая огонь. Губы Андэра перекосило в напряженной ухмылке: Счастливчик думал, что этим помогал сообщнице, но сегодня везение от алтуветца отвернулось. Пусть у Дамиры было немеряно силы, действовала она довольно грубо, примитивно. К тому же шпионы весьма неосмотрительно выбрали место для расправы. Даже если Тень учел, что Виола —

маг воды, по крайней мере практически намекал на это, он не должен был забывать, что сам-то маркиз — маг огня. Об этом было известно всем, хотя в присутствии гостей в поместье он не демонстрировал эти свои способности.

Со стороны убийц было ошибкой выбрать угольный рудник!

Воздух по-особенному заколебался, Андэр почувствовал, как дрогнула его родная стихия, на мгновение замерла, чтобы в следующий миг во много раз увеличить мощностъ. Дальнейшее произошло одновременно: Андэр обернулся и стал приседать, чтобы накрыть собой Виолу, та вцепилась в него и потянула на себя, в какой-то миг они встретились, слившись друг с другом. Андэр вытолкнул из себя огонь, образовав вокруг щит, а от Виолы хлынула нестерпимо яркая волна обжигающе-холодного света. Андэр закрыл глаза, когда их с Виолой губы встретились. Воздух задрожал, напоенный любовью такой силы, что, казалось, от нежности можно было расплавиться. Виола отозвалась на легкий поцелуй, от которого сердце Андэра чуть не взорвалось. От внезапно наступившей тишины зазвенело в ушах. Кажется, вокруг них на самом деле произошел мощный взрыв.

Андэр открыл глаза и отстранился от одурманенной поцелуем Виолы.

Шахты больше не было. Далеко в вышине над ними сверкали звезды. Прохладный ветер за секунду охладил их разгоряченные тела. Виола зябко поежилась, Андэр притянул ее к себе и крепко обнял.

— Вот все и закончилось, — шепнул он в серебристую макушку и почувствовал, что девушка улыбнулась.

— Нет, не все... Ты не сказал, что значил твой поцелуй?

— Это какой же? — усмехнулся Андэр, вспоминая их все.

— Тот, что...

— Эй! — донеслось откуда-то сверху. — Вы там живые или как?!

— Лука, — прошептала Виола, а потом вывернулась из объятий Андэра и помчалась на голос брата. — Лука! Мы здесь!

— Стой, упадешь же! — Андэр перехватил девушку. — Не торопись так. Я сейчас подсвечу.

Но Лука не стал ждать, он каким-то неведомым образом почти мгновенно оказался рядом с ними.

В свете разгоревшегося магического пламени Андэр увидел, что юноша сидит верхом на коне, сотканном из бурлящей воды.

— Красавец какой! — Виола благоговейно погладила волшебное животное. — Как ты нас нашел?

— С помощью ЭТОГО, — непонятно ответил Лука, покосившись на Андэра.

О том, что его подопечные невероятно могущественные маги со множеством секретов, Андэр уже догадался. Он подмигнул Луке:

— Ну что, отвезешь нас домой?

— Пожалуй, с этим я и сама справлюсь, — сказала Виола, начав плести в воздухе чары, которые Андэр, как ни старался, так и не смог разглядеть до тех пор, пока перед ними не возник еще один водяной конь. — Ничего, что придется ехать без седла?

Андэр покачал головой и ловко взобрался на коня.

— Давай, — протянул он Виоле руку, помогая ей сесть перед собой, что его вполне устраивало. Так он мог всю дорогу обнимать ее и целовать в необычайно притягательную макушку.

Лука тронул коня и поехал впереди.

— Осторожно, здесь очень глубоко. Это что же вы тут такое взорвали? — В голосе юноши послышалась зависть. Похоже, он был бы не прочь пережить приключение вместе с ними.

— Белинду! — неожиданно ответила Виола.

Андэр дернулся: вот еще одна загадка, ответа на которую он пока не знает.

— Маркизу? — опешил Лука.

— Нет, нашу фиолетовую крысу. Она оказалась препаскуднейшим мужиком, чтоб ты знал.

Лука потрясенно уставился на сестру:

— Моя Белинда — мужик?!

Виола кивнула:

— Злющий, как демон. Хотел меня убить за то, что мы, по его мнению, с ним сделали. Говорил, что смог сменить какую-то метаформу только тогда, когда убежал из поместья. И волосы у него были фиолетовые! Наверное, не до конца сумел превратиться.

Лука почесал затылок.

— А я всего лишь императора спас, — расстроено сказал он.

К неудовольствию Андэра, выяснение подробностей обоих приключений заняло всю дорогу. А ему так хотелось просто ехать вперед в тишине и обнимать свою среброволосую девочку...

Арган, лично возглавлявший поисково-спасательную партию, встретил Андэра и близнецов на полпути к поместью.

Дорога была нелегкой. Вокруг глубочайшей воронки, где ранее находилась шахта, взрывом повалило деревья на много миль вокруг. Если бы не волшебные лошади, еще неизвестно, когда и как бы Андэр и Виола выбрались.

Разделив с близнецами опасность и тайны, Андэр стал чуть лучше понимать ра Велладов. Недаром ему не нравилась идея разлучить Виолу и Луку: брат и сестра были друг другу намного ближе, чем какие-либо родственники, которых Андэр знал. Удивительное единодушие. Разлуку они не перенесли бы. Так, может, в этом крылась причина войны, которую, судя по всему, они негласно объявили его матери?

Сейчас, выяснив, что близнецы неклассические маги, Андэру стали понятны многие из событий, произошедших за последние недели в «Оленьем бору».

Обо всем этом он раздумывал, когда их обнаружил отряд императора.

— Андэр, слава Единому, вы живы!

Арган верхом на Свободолюбивом вклинился между Лукой и Андэром, все еще обнимавшим усталую Виолу. Любопытный император с интересом разглядывал водяных лошадей. Андэр оценил, что друг не стал тут же о них расспрашивать, а начал с вопросов о Счастливишке.

— Тень, — сказал Андэр. — Его звали Тенью.

— Так он...

— Я не знаю, каким чудом мы выжили. У Тени и Дамиры Айлайр шансов попросту не было.

— Это оберег, — внезапно сказала Виола, коснувшись груди. — Нас защитила любовь моей матери.

— Ты использовала жемчужину? — Лука аж подпрыгнул от восторга. — Ничего себе! Ты разобралась, как она действует! То-то меня так к вам несло...

Тут уж сдержат интерес было выше сил императора. На какое-то время все забыли о шпионах и принялись выяснять природу магии ра Велладов. Неутолимое любопытство Аргана II поутихло, только когда они добрались до «Оленьего бора». До утра оставалось совсем мало времени, и Андэр отправил всех отдыхать, проследив за тем, чтобы близнецы разошлись по своим комнатам и легли спать.

Не так просто было справиться с Арганом. Чтобы отправить императора в постель, Андэру пришлось сподать ему бутылку коллекционного вина, услужливо похищенную Джурсом из-под «ареста» вдовствующей маркизы.

Сам Андэр до утра не мог сомкнуть глаз, обдумывая, как признаться Виоле в любви. То, что она к нему небезразлична, он теперь знал наверняка.

Виола тоже почти не спала. Произошедшее за последние сутки перевернуло ее картину мира. Она то чувствовала, что парит в вышине, стоило ей вспомнить поцелуи Андэра, то погружалась во мрак неуверенности, припомнив его матушку.

Насколько сильные чувства испытывал к ней маркиз? Было ли то, что случилось, проявлением любви или всего лишь порывом под влиянием опасного момента?

Ни на один из этих вопросов у Виолы не было ответа. Зато насчет вдовствующей маркизы она могла быть уверена — эта женщина ни за что не одобрит Виолу. Подтверждение тому девушка получила, едва ни свет ни заря отправилась в покои Андэра, чтобы поговорить с ним без свидетелей. Однако помещение уже было оккупировано маркизой.

— Андэр, это был такой ужас! Весь дом трянуло! — Через приоткрытую дверь спальни Виола увидела, как леди Каларон мечется перед сидевшим на кровати маркизом. — И бедная леди Айлайр так и не вернулась! Вдруг с ней что-то произошло?

— Судьба леди Айлайр мне известна. Прошу вас о ней не тревожиться. Вчера вы выглядели очень бледной, матушка.

— Я думаю, что меня отравили! И на сей раз точно близнецы!

— Боюсь, что тут вы, как всегда, ошибаетесь. Ни Лука, ни Виола не имеют к вашему отравлению никакого отношения.

— Виола! — взвизгнула маркиза. — Только не говори, что эта девчонка настолько вскружила тебе голову, что ты готов забыть об обещании вышвырнуть их отсюда!

— Не скажу...

Виолу поразило, с каким спокойствием Андэр сказал это. Просто-таки миролюбиво, чуть ли не сияя счастливой улыбкой. Она отшатнулась в ужасе, что пала жертвой интриги. В голову тут же пришло воспоминание о жестоком мошеннике, перед которым на коленях унижалась несчастная женщина, когда они с маркизом впервые встретились. Так значит, то было истинное лицо Андэра Каларона?!

— Они уедут сегодня же, — твердо сказал маркиз, и Виола почувствовала, что умирает.

Сердце ее разбилось. Разорвалось, как угольная шахта, в которой они с Андэром пережили самые страшные и, как оказалось, самые счастливые моменты. Не помня себя, Виола выбежала из покоев Андэра и понеслась к брату.

— Лука, вставай! Мы немедленно уезжаем! — воскликнула она с порога, когда взъерошенный со сна брат поднял голову на шум с грохотом распахнутой двери.

— Что случилось? Ты похожа на привидение...

— Одевайся! — Виола бросила Луке бриджи и рубашку: — Умоляю, давай сейчас же уедем отсюда!

Лука привстал, его поразило, как горько заплакала Виола.

— Хорошо... — пробормотал он и принялся одеваться. — Расскажешь, когда сможешь.

— Они уедут сегодня же... — Андэр дождался, когда матушка довольно улыбнется, и закончил: — И я уеду вместе с ними.

— Как?! Куда?!

— Для начала в столицу. Мне нужно решить вопрос с опекой раньше, чем я смогу повести Виолу под венец.

Вдовствующая маркиза, охнув, нашарила позади себя стул и рухнула на него, сраженная сообщением сына.

— Я никогда... — язык отказывался ей повиноваться, но леди Каларон взяла себя в руки. — Я никогда не одобрю этот союз.

— Какое счастье, что мне не требуется вашего одобрения, — чуть зло улыбнулся Андэр. — К тому же вам будет не до того, чтобы вмешиваться в мою жизнь.

Недоуменный взгляд матери его даже развеселил.

— Его императорское величество Арган II мечтает обсудить с вами вопросы незаконного обогащения.

— Что за чушь?!

— Вряд ли он счел чушью фамильное серебро и антикварный подсвечник, в краже которых вы его обвинили, решив засунуть в тюрьму без суда и следствия.

— Но... — глаза вдовствующей маркизы наполнились ужасом, — но...

— Его величество просил вас явиться к нему, как только вы проснетесь. Он остановился в гостевых покоях в нашем крыле. А сейчас, миледи, извините меня. Кажется, мне нужно спешить, если я хочу не упустить свое счастье.

Андэр принялся лихорадочно одеваться. Он слышал, как в соседней комнате хлопнула дверь — наверняка кто-то из близнецов подслушал его ответ матери. Зная Виолу, Андэр был уверен, что если не поторопится, то ему придется ловить близнецов по всей империи.

Интуиция не подвела. Ра Велладов Андэр застал за раскопками недалеко от конюшни.

— Что это? Деньги? — Андэр ловко выхватил у растерявшегося Луки приятно звякнувший мешочек. Маркиз взвесил его и внезапно бросил Луке назад. — Они нам понадобятся в дороге.

Заплаканная Виола застыла, словно увидела привидение. Гадать, кто из близнецов подслушивал, не было нужды.

Андэр подошел к девушке и приподнял ее голову, нежно коснувшись подбородка. Сиявшие яростью и отчаянием аквамариновые глаза уставились на него с немим вопросом, который так и не прозвучал: девушка с такой силой сжала губы, что они совсем побелели и превратились в тоненькую линию.

— Хорошо, что вы уже собрались. — Андэр ласково провел пальцем по подбородку Виолы, так и не отпустив ее. — До столицы путь дальний, лучше выехать пораньше.

— Почему... — выдохнула Виола.

— Потому что, если берешься подслушивать, делай это до конца и не убегай раньше, чем услышишь самое главное.

— Эй! Ваше сиятельство, — Лука со значением похлопал Андэра по плечу, — отпустите сестру.

Маркиз пожал плечами:

— Увы, не могу!

— Это еще почему?

— Потому что я не намерен ее отпускать до конца наших дней, — сказал Андэр, глядя прямо в глаза Виолы. — Ни за что. Никогда.

Лука плохо воспринял непонятную новость. Он сильно рванул Андэра за плечо, кажется, дополнительно воспользовавшись магией, и тот полетел на землю под испуганный крик Виолы, тут же бросившейся к нему. Девушка упала на колени рядом с расхохотавшимся Андэром. Он приподнялся и крепко обхватил ее за талию, притянув к себе. Его смех резко оборвался.

— Я люблю тебя, лисичка! — Андэр поцеловал кончик порозовевшего носика. Виола приникла к Андэру, вызвав у него новый приступ счастливого смеха.

— Ни демона не понимаю! — Лука топнул ногой. — К акулам все эти нежности! Вы что устроили?!

— Свадьбу? — тихо спросил Андэр, заглянув в глаза раскрасневшейся Виолы. Она едва заметно кивнула. — Свадьбу! — уже более уверенно сказал Андэр и подмигнул ошарашенному брату невесты.

ЭПИЛОГ,

в котором выясняется, что поразившая «Олений бор» эпидемия любви несколько шире, чем казалось раньше

Ни в тот день, ни на следующий в столицу никто не поехал. Даже Арган II решил остаться, чтобы присутствовать на свадьбе лучшего друга. Уличенная в преступлении против короны вдовствующая маркиза Каларон безропотно приняла обязанности по организации предстоящей церемонии и торжества. Ее мечта устроить бал в «Оленьем бору» так или иначе исполнилась. Вот только заниматься его подготовкой леди Каларон пришлось самой — ее верная секретарь на какое-то время выбыла из игры, сраженная напастью, против которой были бессильны и воля маркизы, и прочие обстоятельства. Эри Стиранн была счастливо влюблена в человека, каждый день дарившего ей цветы.

Глаза на истинное чувство у Карри открылись раньше, чем она узнала, что под видом красавчика-камердинера в «Оленьем бору» скрывался император.

В знаменательный для всех день, когда Тень и Дамира покушались на маркиза и Виолу, эри Стиранн вернулась в свою комнату в тот момент, когда таинственный поклонник любовно укладывал на подушку свое нежное подношение.

— Вы?!! — Карри не смогла сдержать изумления. Да и как ей было не растеряться, если возле ее кровати стоял с прекрасным розовым цветком в руках ее самый злобный враг!

Джурс, вечно надутый дворецкий его сиятельства маркиза Каларона, побледнел, потом покраснел, а потом... в очередной раз оскорбил Карри, напомнив, что неприлично принимать дорогие подарки от неизвестных особ. Вот только в этот раз эри Стиранн вместо язвительности явственно расслышала в его упреках ревность. Это ее безмерно поразило.

— Если хотите знать, — с несвойственной ей смелостью сказала она, подойдя к сурово отчитывавшему ее слуге, — самыми дорогими подарками для меня всегда были эти цветы...

Трясущимися от волнения руками Джурс потянулся к Карри, вынул и бросил на пол все подаренные агентами Андэра посеребренные шпильки и растрепал ее строго зачесанные волосы. Потом украсил их принесенным цветком.

— Мне давно хотелось сделать это... — тихо сказал он.

Этот приступ ревности так порастил секретаря ее сиятельства, что она не стала противиться, когда разгоряченный мужчина целомудренно поцеловал ее.

Новость о счастливом романе Дульки и Джурса для всех, кто знал о вражде этой пары, была настолько грандиозной, что совершенно затмила собой другую, не менее удивительную: вдовствующая маркиза внезапно прониклась симпатией к Луке и Виоле ра Веллад.

Произошло это невероятное событие, когда выяснилось, что специально приглашенному для восстановления статуи магу нужен подходящий кусок алтуветского мрамора.

— Так сделайте заказ Счастливчику Веледу! — воскликнула маркиза. — Мой покойный муж дружил с ним. Капитан не откажет в такой услуге.

Но управляющий тут же огорчил ее:

— Насколько я знаю, капитан скончался. Конечно, у него наверняка есть наследники, кто-то из них, надеюсь, согласится исполнить ваш заказ, миледи.

Крутившийся неподалеку Лука с интересом прислушался к разговору. С тех пор как сестра запуталась в сетях любви, он все свое время уделял ЭТОМУ, по-прежнему тренируясь на вдовствующей маркизе.

— Так свяжитесь с ними! — потребовала леди Белинда.

— Увы, по поводу них ходят слухи, один фантастичнее другого. Кажется, они пропали. Солнечная флотилия сейчас не в лучшем положении, так как ею некому руководить. Боюсь, дело может сильно затянуться.

Управляющий удалился, оставив леди Каларон в расстроенных чувствах. Этим обстоятельством не преминул воспользоваться Лука.

— Ваше сиятельство! — окликнул он вдовствующую маркизу. — У меня есть к вам предложение!

С той поры между ра Велладами и вдовствующей маркизой наступило блаженное перемирие, которое, неожиданно, не принесло Виоле никакого удовольствия. Но это уже другая история...

ЭПИЛОГ ЭПИЛОГА,

в котором выясняется, что это еще не конец истории

— Так все-таки что значил твой поцелуй? — хриплым шепотом спросил Андэр, затянув Виолу в темную нишу, чтобы их не заметили подосланные матушкой слуги, охранявшие невесту от «всяких глупостей» до церемонии бракосочетания.

— Это какой? — растерянно спросила загнанная опекой будущей свекрови невеста.

— Тот единственный, который ты мне сама подарила, — промурлыкал Андэр ей на ушко.

Виола тихо охнула, а потом прижалась к губам любимого.

— А теперь какой ты имел в виду? — лукаво спросила она, когда поцелуй прекратился.

— Хитрющая, как лиса! — с притворным недовольством прошептал Андэр, крепче обхватил Виолу за талию и приподнял, чтобы она не вздумала вырваться и убежать, пока он будет ее целовать. За этими ра Велладами глаз да глаз нужен! — Предсказательница была права: ты моя синеокая бездна...

Вечером, вернувшись к себе после суетного дня, Андэр обнаружил некое послание. Сперва он подумал, что это очередное поздравление, каких много приходило в «Олений бор» с тех пор, как распространилось известие о грядущей свадьбе, и слегка удивился, поскольку обычно всю почту Джурс приносил ему в кабинет. Однако этот листок кто-то доставил прямо в покои маркиза, желая привлечь его особое внимание.

«Его сиятельство маркиз Андэр Мильро Каларон и эри Виола ра Веллад с радостью сообщают...» — было написано на обрывке газеты, пришипленной к двери стальной звездочкой с остро заточенными краями.

Андэр усмехнулся: похоже, ему есть чем порадовать его величество Аргана II: Тень жив и прислал привет. Значит, охота за неуловимым шпионом продолжится...